

A dark, atmospheric photograph of a large snake coiled in a forest at night. The snake's scales are highly detailed and textured, with a pattern of light and dark spots. The background shows a dense forest of evergreen trees, with a bright, circular light source, likely the moon, visible through the branches in the center. The overall mood is mysterious and somewhat ominous.

Влад Костромин

Змеиный
узел

Влад Костромин

Змеиный узел

«Издательские решения»

Костромин В.

Змеиный узел / В. Костромин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900979-1

Лето 1991 года. В деревне Карловка жестоко убивают подростка. Местные правоохранители просят помощи в области. Неожиданно для раскрытия преступления присылают следователя из Москвы. В помощь ему дают молодого следователя областной прокуратуры. За приездом следует череда невероятных событий и трагических происшествий, странных смертей, похожих на несчастные случаи. Сумеют ли они разгадать загадку убийства и уцелеть в деревне, где еще теплится змеепоклонство и даже птицы не то, чем они кажутся?

ISBN 978-5-44-900979-1

© Костромин В.
© Издательские решения

Содержание

I	7
II	15
III	28
IV	36
V	46
VI	62
VII	72
VIII	77
IX	88
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Змеиный узел

Влад Костромин

Дизайнер обложки Елена Лев

© Влад Костромин, 2018

© Елена Лев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-0979-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Хотелось бы поблагодарить:

- покупателей книги, не посчитавших нужным информировать о своем участии;
- отдельная благодарность клубу начинающих писателей «Бумажный слон»;
- Юлии Магась которая подробно проверила весь доступный текст и обнаружила просто гору ошибок,
- Лев Елене – за море конструктивной критики и обложку к книге,
- Тающему ветру – за ряд свежих идей,
- Сове_Сплюшка, Костику – за сделанные к тексту конструктивные замечания,
- отдельно Костику – за придуманное название для книги,
- лично Ярославу Хотееву и всей команде админов «БС»,
- Михаилу Рошину за помощь в работе над обложкой книги и чудесный отзыв,
- Игорю Евгеньевичу, за желание поставить мою книгу на свою полку.

«Отзывы о книгах пишу крайне редко, ибо не умею этого делать. Да и всё, что могу сказать (обычно) уже много раз написано и прочитано до меня другими многочисленными читателями. Но сегодня особый случай.

Вчера дочитал «Змеиный узел» неизвестного в определённых кругах Влада Костроминна.

Еще только когда первые главы появились на БС, повествование заинтересовало, но тогда окончательного варианта еще не было, и пришлось ждать.

Наконец, книга появилась на Litres`e, стоило совершенно умеренно (по нашей-то жизни), и понеслось.

Во-первых, хочу сказать, что, несмотря на солидный объем, читается книга легко и быстро. Главным образом, из-за сюжета. Мне, как любителю мистики и триллеров, она «вошла» очень ровно.

Во-вторых. Атмосфера небольшой деревни Карловки передана очень наглядно. Местный быт, суеверия, взаимодействия персонажей – всё это выглядит очень реальным.

А в-третьих – самое интересное! Скелеты в шкафах! Трупы в лесах! Тайны в каждом палисаднике!!! У каждого они есть, но здесь все загадки поданы под соусом из обыденности, и понимаешь, что многие странности являются для персонажей нормой. Уже с первых страниц становится ясно, что до разгадки еще далеко. И даже сложно представить, что будет дальше. В последних главах события начинают развиваться с потрясающей скоростью и неожиданностью.

Всё время, пока читал, очень надеялся, что автор не «сопьёт» финал. И надежды полностью оправдались!

Так что, если кому-то интересно стороннее мнение – очень советую. Бесплатный фрагмент можно прочитать хоть на Ридере, хоть на Литресе. Но если доберётесь до третьей главы – обратной дороги уже не будет. «Змеиный узел» затянет вас в свой клубок.»

М. Рошин

Лето 1991 года. В деревне Карловка жестоко убивают подростка. Местные правоохранители, впервые столкнувшись с подобным, просят помощи в области. Неожиданно для раскрытия преступления присылают следователя из Москвы. В помощь ему дают молодого следователя областной прокуратуры. За приездом следователей в Карловку следует череда невероятных событий и трагических происшествий, странных смертей, внешне похожих на несчастные случаи. Сумеют ли они разгадать загадку убийства и уцелеть в этой странной деревне, где еще теплится змеепоклонство и даже птицы не то, чем они кажутся?

I

На деревню лились жаркие лучи послеполуденного Солнца. Ничего не хотелось делать, от жары клонило в дрему. Я с приятелями Андрюхой Родиным и Витькой Пронкиным сидели на песчаном карьере, вырытом для добычи песка на строительство дороги к деревне, смотрели на лиловые заросли чабреца и одинокую березку, доверчиво шелестевшую разморенными жарой листьями, и курили украденную Андрюхой у отца сигарету. От дороги тянуло угаром нагретого асфальта.

– Гля, уж, – ткнул пальцем в сторону Андрюха и, подхватив какой-то булыжник, хотел швырнуть его в несчастное пресмыкающееся.

– Не надо, не убивай – остановил я.

– Нежный ты, прямо как городской! Если змея семь лет проживет, то в черта обратится.

– Брехня.

– Не брехня. У нас все знают! Это вы, приезжие...

Наша семья приехала в эту деревню несколько лет назад и по здешним меркам мы все еще считались чужими.

– Точно, все знают, – подтвердил толстенький Витек. – Еще медянок надо убивать, а то они могут насквозь у человека сердце проткнуть.

Я с сомнением посмотрел на друзей. Иногда деревенские ребята просто поражали меня своей тупостью и различными предрассудками. Да и взрослые от них не отставали.

– Во, идея, – отбросив слюнявый «бычок», сказал Андрюха.

Он встал, снял свою кепку, подкрался к мирно греющейся на солнце змейке и, ловко ухватив ее, бросил в кепку.

– Ты аккуратнее, вдруг это гадюка, – предостерегающе сказал Витек.

– Гадюки черными не бывают, – отмахнулся Андрей.

– Говорят, что в Чайках черные водятся, – заспорил Витек.

– До Чаек отсюда далеко, – повернулся Андрей к синеющему вдаль лесу, расплывавшемуся в жарком дурмане, – так далеко они не ползают. Да и верь ты больше! Говорят, что в Чайках с четырьмя ногами змеи есть.

– Есть, – ответил Витек. – Мой дед сам такую в детстве видел.

– Дед твой уже из ума выжил, – сплюнул Андрей. – Галстук таскает. Пошли, Таньке Фомячихе его бросим за шиворот, – предложил он, – во визгу-то будет.

– Пошли, – вставая и становясь рядом с ним, согласился Витек. – Я как раз видел, как она в сторону магазина шла. Скоро должна обратно тянуться. Можно подкараулить возле мостика.

Когда они стояли рядом, то было видно, что Андрюха на голову выше друга.

– Может не надо? – сказал я. – У нее и так бабка с сестрой сгорели...

Жила у нас в деревне ведьма – бабка Фомячиха. Дети боялись и ненавидели эту бабку. Зловещая старуха, по-другому не скажешь. Ходила постоянно в черном платке и каком-то темном макинтоше. Жила она на окраине «старой» деревни. У Фомячихи было две внучки: Жанка и Танька. Танька, довольно странная девочка, училась вместе со мной в школе. Дети очень жестокие существа. Даже пронзительно – черных волос и таких же глаз могло хватить для того, чтобы ее невзлюбили. Одноклассницу, мы, мягко говоря, недолюбливали. Пожар, унесший жизни Жанки и самой ведьмы Фомячихи, видимого сочувствия к Таньке не вызвал. После их гибели Танька стала жить у брата Фомячихи – печника Фирса, который и сам был со странностями.

– Сгорели и сгорели, чего жалеть? Вон Сашка Куприянов тоже сгорел... Его жалко, а их нет. Это их Бог наказал за то, что бабка ведьмой была!

– Жанку жалко, – вздохнув, признался Витек, – помните, какие у нее сиськи были?

– Б... она была! – отрезал Андрей. – За это и покарал Господь. И вообще, говорят, что она с Фирсом как с мужиком жила.

– Все равно жалко... Да и брешут, поди.

– Почему брешут? К ней многие деревенские мужики ходили... Даже городские, когда приезжали, ходили.

– Хватит трепаться, пошли Таньку ловить. Виталик, ты с нами?

– Нет, – отказался я, посмотрев на березу, на которую Солнце щедро плеснуло золотом.

Если честно, то Таньку мне было с самого начала жалко, но пойти против диковатых приятелей я не решался.

– Домой пойду, батя сказал, чтобы я пень на огороде выкорчевал.

– Так сам пень пнем станешь, – сказал Андрей. – Погнали лучше Таньку пощупаем.

– Ты выжги его, – посоветовал Витек, – покрывку на него брось и подожги, он выгорит.

– Мать запрещает выжигать, говорит, что пожар может быть.

– Правильно, надо осторожнее быть. И так пожаров много, – задумчиво сказал Андрюха, – ведьма, потом сосед ваш – Сашка.

– Это ты еще свой погреб не посчитал, – напомнил я.

– И не напоминай! Мне тогда так влетело, что до сих пор не могу забыть.

– Проводка замыкает, – солидно сказал Витек, – надо быть бдительными. Любой дом на «новой» деревне может загореться из-за замыкания.

– Фомячиха на «старой» деревне жила, – возразил Андрей. – Там проводка совсем другая, еще при Сталине делали.

– Там, говорят, видели, как огонь с неба летел и в дом ее попал...

– Говорят, что у Сашки не проводка..., – понизил голос Андрей, – вроде как пытали его.

И котка перед пожаром у него убили, а лапы отрезали...

– Зачем его кому-то пытать? Кому он нужен? – не поверил Витек.

– Говорят, что он знал, где золото спрятано. С войны еще.

– Ты больше слушай свою бабушку, она тебе и не такие сказки расскажет.

– Ты бабушку не трогай, она у меня хорошая!

– Хорошая-то хорошая, только из ума уже выживает.

– Она просто старая, еще Сталина помнит.

– И что? Помнит и помнит, чего сказки сочинять?

– Никакие не сказки! Она сны вещие видит...

– Ладно, я пошел, – попрощался я.

****

В дальнейших событиях я участия не принимал и произошедшее знаю только со слов приятелей. Они выследили Таньку, когда она стирала белье на небольшой речушке, разделяющей «старую» и «новую» деревни. Подкравшись, бросили за шиворот ужа. Несчастливая девочка от страха упала с мостика в речку и в ужасе билась спиной о камни на дне, стремясь раздавить змею. Это вызвало у Андрюхи с Витьком приступ неудержимого хохота и они, стоя на берегу, смеялись до слез. Когда Танька выбралась из воды, то не спеша достала измочаленного ужа и швырнула в малолетних подонков.

– Вы-вы-вы пожа-жа-жа-ле-ете об-б-б-б э-э-э-то-м-м, – заикаясь, сказала она.

Испугавшись ее заикания, они убежали. Танька после этого никому не показывалась на глаза, благо этого никто особо и не заметил.

– Она даже заикаться стала! – вздохнул хвалились мне приятели. – Стоит и заикается!

– Вам ее не жалко? – не выдержав, спросил я. – Она же раньше не заикалась!

– Пройдет, – пожал плечами Андрюха.

Через неделю у Родиных прямо в поле сдохла корова.

– Травы ядовитой нажралась, – мрачно рассказывал он нам при очередной встрече на карьере, – пена желтая пошла изо рта и околела.

– Виталий, у вас же тоже недавно корова сдохла? – спросил Витек.

– Да.

– А из-за чего?

– Не знаю, ветврач не понял.

– Тяжело будет с одной коровой, – посочувствовал другу Витек, – с такой большой семьей.

– Мамаша еще одну корову в совхозе выпишет – ничего страшного, – отмахнулся Андрюха. – Давайте лучше завтра по грибыходим.

– Рано еще для грибов.

– Говорят, что мэтушки пошли, – швыряя мелкие камешки в лежащее под ногами море песка, сказал Андрей.

– Кто говорит?

– Бабка.

– Нашел, кого слушать. Нет, я не могу, – ответит Витек, – мне завтра в Дроновку с батей ехать.

– А у меня прополки много, – тоже отказался я.

– Ну и черт с вами! Один схожу. Еще завидовать мне будете.

– Ты бы нечистого не поминал, – поплевал через левое плечо Витек. – Не к добру это.

– Не каркай, – сплюнул через левое плечо Андрей. – Дед твой по мэтушки не ходит? – ехидно ухмыльнулся он.

– Нет, – коротко отозвался Витек.

– А почему? – ухмылка Андрея стала шире и похабнее.

– Отстань, – отрезал Витек. – Деда не цепляй! Пожалеешь!

Завидовать не пришлось. Из леса Андрей не вернулся. Вечером его встревоженная мать обзванивала всю деревню, пытаясь отыскать сына. На следующий день, ближе к обеду начались поиски в лесах. Думали, что Андрей заблудился. Нашелся он случайно. Деревенский пастух Мишка Бобок погнался за убежавшей в лес коровой и наткнулся на Андрюху. Точнее то, что от него осталось. Произошло это на опушке леса, примыкавшего к заповеднику, в паре километров от деревни. Милиционеры из Дроновки, увидев тело, вызвали следователей. Те, подумав запросили помощь из областного центра.

– Он был колышками к земле за руки и ноги приколочен, – рассказывал мне бледный Витек, – а живот вспорот и кишки наружу.

– Прямо наружу? – борясь с тошнотой от представленной картины, спросил я.

– Да, кишки вытянуты и на муравейнике лежали – его всего муравьи изнутри выжрали. И глаза тоже... Представь, пузо распоротое и комары с муравьями живьем жрали! – приятель улыбнулся замерзшей улыбкой.

– Ничего себе!

– Говорят, что это маньяк... Еще сказали, что будут другие подозрительные смерти проверять: Фомячевых и Сашки.

– Понятно.

– Еще вроде всех, кто его видел, будут допрашивать. И нас с тобой.

– Ясно.

Когда я пришел домой, то увидел родителей, озабоченно шушукующихся за столом в прихожей. На столе стояла ополовиненная бутылка водки и тарелка с порезанными вдоль и посыпанными солью огурцами.

– Где тебя носит? – накинулась на меня мать.

- В саду гулял...
- Гуляет он! Слышал, что творится? Нашли твоего дружка.
- Слышал.
- У нас маньяк завелся, а он гуляет!
- А это точно не вы? – спросил я.
- Нет, – отрезал отец, – это точно не мы.
- Говорят, будут пожары проверять... – осторожно сказал я.
- Пускай проверяют, – отмахнулся отец, – что они там проверят? Участковый же не дурак против себя говорить, он будет отбрехиваться, а если трупы и эксгумируют, – шегольнул ученым словом папаша, – то ничего криминального в них нет.
- Ты за пожары не переживай, – сказала мать.
- Ну... это же мы их сожгли...
- А кто про это знает?
- Вся деревня говорит, что у Сашки кота убили и лапы ему отрезали...
- А мы тут при чем? – резонно возразил отец. – Может это маньяк с котов начал? Тренировался? Ты лучше думай, что следователям будешь про Андрюху говорить.
- А что говорить?
- Ля-ля-ля, три рубля, но ничего конкретного, к чему можно прицепиться. Тяни корову на баню. Создай видимость сотрудничества с органами, но без конкретики. Понял?
- Да.
- Молодец. И еще подумай, кто друга твоего почикал. Вот это должно тебя волновать, а не пожары. Тот, кто Андрюху убил, тот и до тебя может добраться.
- И до Коли, – подтвердила мать.
- И до любого, – продолжил отец. – Так что думай, кто это может быть?
- Вить, что думать? – сказала мать. – Тут полдеревни зеков бывших, да еще и переселенцы эти понаехали. Любой мог прихлопнуть.
- Прихлопнуть этого дефективного мог любой – у самого руки чесались...
- Вить, ну что ты про покойника так? Знаешь же, что про мертвых или хорошо или никак.
- Прихлопнуть мог любой, но не с такой фантазией, – продолжил отец, – тут простым убийством и не пахнет. Думай, сынку, думай...
- Может, это таджики? – раздался голос из-под стола.
- Любой незнакомый человек бы тут вздрогнул, но я прекрасно знал, что мой младший брат Коля любит прятаться под столом. Свисающая почти до пола полотняная скатерть, когда-то украденная отцом, надежно скрывала брата от людских глаз. Он мог часами там сидеть, подслушивая разговоры матери с ее подругами.
- Почему таджики? – насторожился отец.
- Они наркотики продают. Может, Андрей про это узнал и хотел кому-то рассказать, а они его убили.
- Неубедительно, – возразил отец, – если про это все знают, то кому он мог рассказать? Не вяжется.
- А вдруг он, когда пошел за грибами, то что-то увидел, – решил развить версию брата я. – Таджики же возле леса живут, может он в ту сторону пошел?
- Зачем им его тогда тащить почти три километра в то место, где его нашли? Зачем такие зверства творить? Просто стукнули бы камнем и бросили – все бы подумали, что споткнулся и об камень головой.
- Вить, а вдруг у них там обычаи такие, у таджиков? – сказала мать. – Они же люди дикие, решили по-своему прикончить. Или под наркотиками так озверели?
- Ладно, если что, то я эту версию подкину следствию. Заодно, глядишь, и от подозрительных личностей избавимся. Спокойнее будет в деревне. Наркотики – гиблое дело, – заты-

нулся «примой» отец, – ну, выпил водки; ну, мухоморов пожевал, но зачем же в себя что-то колоть?

– Сам ты тоже хорош, – подначила его мать, – полынь да кактусы на спирту настаивать.

– Что ты понимаешь, женщина? Настой полыни это абсент. Его все европейские художники употребляют.

– Известное дело, сначала употребляют, а потом уши себе чекрыжат.

– Ухо, это единичный случай. Надо смотреть на картину в целом.

– И что там, в целом? – вновь раздался голос из-под стола.

– В целом, там рисуют мазню за такие деньги, какие тебе и не снились.

– Прямо из-за абсента рисуют, можно подумать, – продолжала ехидничать мать.

– Как бы то ни было, абсент штука для творчества необходимая. Еще полынь от глистов очень помогает.

– Да в тебе любой глист переварится!

– Это потому, что у меня организм закаленный, – гулко похлопал себя по животу отец.

– А кактусы на спирту?

– Это текила – мексиканская кактусовая самогонка. Тоже штука дорогая. Нам в «ликбезе» негры давали пробовать.

– Вить, ты какую-то буржуазность разводишь.

– Какую буржуазность, дура? Негры это наши младшие братья! Сама со своей йогой развела буржуазию и еще выступает!

Ночью меня мучил кошмар. Андрюха укоризненно смотрел на меня и делал какие-то знаки рукой с торчащим в ней колышком. Я не мог отвести взгляд от потеков запекшейся крови, которую жадно поглощали лесные муравьи. Наконец, я оторвал взгляд от руки – лучше бы я этого не делал – в глаза бросился распоротый живот и сизые петли кишок. Мертвый друг все пытался что-то сказать, но трудно говорить, когда рот набит опилками. Заухал филин и внезапно наступила ночь. Андрей пропал, а на меня навалилась какая-то плоская сущность, накрыла меня и стала душить. С трудом проснулся. Сердце колотилось как после трехкилометрового кросса. Встал с дивана и тихонько прошел в ванную, попить воды. Трясущейся рукой набрал стакан, отпил половину, стараясь не очень стучать зубами по стеклу. Вышел на веранду, надел отцовские сапоги, открыл засов, вышел на крыльцо, спустился во двор.

Тускло светили фонари, лениво звякнул цепью кобель Амур, но голоса подавать не стал. Таинственный ночной сад дышал свежестью, будто окатившей меня водой после душного дня. По лунному небу плыли клочья туч, похожие на распотрошенный ватник. Слегка успокоившись, допил воду. Внезапно на яблоне заухал филин. От неожиданности я выронил стакан. Темная тень бесшумно метнулась с дерева, а сбросившая на нее тучку Луна заиграла бликами в осколках стакана. Да, Чехову такие ночи и не снились, – подумал я, – скорее Гоголю. За спиной скрипнула дверь. Я осторожно обернулся. Серебрясь лунным светом, стволы темными зрачками пристально смотрели на меня.

– Ты чего посреди ночи бродишь, как лунатик? – спуская курки и опуская ружье, спросил отец.

– Сон плохой приснился... Подышать вышел...

– Андрюха?

– Угу...

– Слышь, – замылся отец, – я тут точно не при чем... Веришь?

– Да как сказать...

– Придется поверить.

– Придется.

– Знаешь, мне он тоже приснился... Стоял и манил рукой, а в руке колышек насквозь... и муравьи по крови ползают... а из живота кишки тянутся...

– И мне это снилось... Мы с тобой видели один и тот же сон.

– Это невозможно.

– Но это так. Странно, – он сел на стоявшую на крыльце скамейку, достал из кармана галифе зажигалку и пачку «примы», закурил, – к чему бы это?

– Не знаю.

– Тебе завтра, точнее уже сегодня, к следователю. Не забыл?

– Помню. Что ему говорить?

– Старайся отвечать правду, чтобы не подловили. Витек младше, с него какой спрос? А ты можешь в колонию угодить, так что думай, что и как говоришь. Старший, Андрей Иванович, видно, что мужик ушлый. Стелет мягко, да жестко спать. Осторожнее с ним.

– Хорошо.

– Ладно, – отец затушил и положил на лавочку окурков, – пошли спать.

Вздыхнул и пропустил меня в дверь, тщательно запер за моей спиной входную дверь.

– Береженого бог бережет.

Я промолчал. Прошел в комнату, лег на диван. На веки словно навалился мешок картошки, и я провалился в темноту сна.

****

На следующий день часов в девять отец пришел домой.

– Пошли, следователи приглашают. Ты же с ним дружил. Ничего страшного, я буду присутствовать на допросе. Так по закону положено.

Следователи остановились в деревенском общежитии, предназначенном для приезжающих помогать совхозу заводских «шефов», и в этой же комнате проводили допросы. Две кровати из четырех из комнаты убрали, а на их место принесли стол и четыре стула. Не смотря на жару на улице в комнате было прохладно и ощутимо сыро. Со стены смотрел пыльный плакат с комиссаром Катгани.

– Виталий, когда ты видел Андрея Родина последний раз? – спросил меня молодой поджарый мужчина, одетый в слегка помятый костюм.

– Живым? – на всякий случай уточнил я.

– А ты видел его мертвым? – мгновенно отреагировал он.

– Нет, нас не пустили посмотреть...

– Так когда ты видел его последний раз?

– Накануне его исчезновения.

– Где и когда это было? – его серые глаза вцепились в меня.

– На карьере, после обеда где-то. У меня часов нет, но по Солнцу где-то часа три было примерно.

– Еще кто-нибудь при этом присутствовал?

– Витя Пронкин.

– И что вы втроем делали в это время на карьере?

– Там чабрец растет, мы его собираем и сдаем за деньги.

– Хорошо. О чем вы разговаривали?

– У Родиных корова сдохла перед этим, Андрей нам рассказывал...

– Корова? – мужчина посмотрел на второго следователя – молодого парня в ковбойке.

– Про это упоминали, – подтвердил молодой, посмотрев на меня ясными голубыми глазами.

– Причина?

– Какой-то ядовитой травы нажралась...

– А паслась вместе со всеми?

– Да.

– На поле, что к тому лесу примыкает?

- Да...
- И только одна корова сдохла?
- Да.
- Вячеслав, вы не находите это странным?
- Простое совпадение... – неуверенно отозвался молодой.
- Простое совпадение, говорите? Сначала сдыхает корова – единственная из всего стада, потом рядом с тем местом зверски, подчеркиваю, зверски убивают сына владельцев коровы. В таких делах совпадений не бывает. Пригласите ветеринара на допрос.
- Будет сделано, Андрей Иванович, – Вячеслав сделал пометку в своем блокноте.
- Виталий, еще про что вы говорили в тот день? – Андрей Иванович вновь посмотрел на меня.
- Он нас за грибами звал.
- За грибами?
- Да, сказал, что мэтушки пошли...
- Что это за грибы такие?
- Я пожал плечами. Он посмотрел на молчавшего до сих пор отца.
- Какая-то местная разновидность, – ответил тот, – я сам их ни разу не собирал, но деревенские про них рассказывали.
- А вы, значит, не местные? – ухватился за слова следователь.
- Ну, как сказать? Седьмой год тут живем, с тех пор как меня директором совхоза назначили.
- А до приезда в Карловку, вы где проживали?
- В Покровке. Это такая деревня в Тульской области. Помощником агронома там работал. Младший наш – Коля, там родился.
- Понятно. Виталий, – вновь посмотрел на меня следователь, – почему же вы не пошли с ним за грибами? – он впился в меня глазами.
- Витьке надо было в Дроновку, с отцом ехать.
- А ты почему не пошел?
- Мне мать не разрешает в лес ходить, – смущенно признался я.
- Почему?
- Боится, что заблужусь.
- Леса тут глухие, – вставил отец.
- Да, несколько случаев пропажи людей было, – внес свою лепту Вячеслав.
- Нашлись?
- Нет, так и не нашлись...
- Слава, вы мне подборочку по пропавшим подготовьте. Хорошо?
- Будет сделано. После допроса схожу в контору и позвоню в Дроновку, чтобы материалы подобрали. Участковый нам завезет.
- И ты так и сказал друзьям? – вернулся к допросу следователь.
- Нет, я сказал, что прополки много...
- Виталик у нас очень ответственный, – сказал отец, – и постоянно ухаживает за огородами.
- О чем еще разговаривали?
- Больше ни о чем – разошлись.
- Это был последний раз, когда ты видел Андрея?
- Да, после этого я его не видел, – кивнул я.
- Как думаешь, кто это сделал?
- Не знаю. Переселенцы может... я их мало знаю... не могу сказать...
- Ты не уверен?

– Да.

– У тебя есть что-нибудь, что ты хотел бы добавить по данному делу?

– Нет.

– Хорошо, – он протянул мне бланк, – прочти и если все верно, то напиши снизу: «С моих слов записано верно. Мною прочитано» и распишись.

Я прочел и расписался.

– Можешь быть свободным, а вы, Виктор Владимирович, задержитесь.

– Виталий, подожди меня снаружи, – сказал отец. – Сейчас опасно ходить одному.

– Вы так думаете? – заинтересовался Андрей Иванович.

– Да.

Я встал с жесткого стула и вышел из комнаты. Стал в коридоре напротив двери и стал ждать отца. Минут через сорок он вышел.

– Потопали.

Я поплелся вслед за ним. На улице накрапывал худосочный дождь. Заморенные капли плюхались в горячую пыль, которая с шипением скатывалась в убегающие из-под наших ног шарики. По пути домой, пока мы шли мимо стоянки сельхозтехники сквозь запах машинного масла и солярки, отец учил меня:

– Ветврач, старый черт, наверняка про нашу корову скажет.

– Да?

– Если будут спрашивать, то говори, что не знаешь, отчего она сдохла. Про бабушку Фомячиху не трепись. Понял?

– Понял. А что теперь будет?

– Хорошего ничего не будет, пока эти следователи здесь. Надо бы их побыстрее спровадить.

II

На улице накрапывал мелкий, но противный дождик. Слава уехал с оказией на совхозном автобусе в райцентр за материалами по пропавшим, а Андрей Иванович решил сходить пообедать. Взятый из дома «сухпай» подходил к концу, да и хотелось чего-нибудь горячего. Напротив здания темнел сильно заросший лесок. С березы за следователем внимательно наблюдала галка. Видно было, что накрапывающий дождик ей совершенно нипочем. Страдальчески глядя на туфли и старательно обходя мутнеющие пузырями лужи, он дошел до приземистого желто-коричневого здания столовой. Ступеньки, грязная тряпка перед дверью вытирать ноги, табличка с временем работы. Зайдя внутрь, втянул сильный запах пшенной каши и котлет. Оценив выбор блюд, поставил на разнос тарелку красного борща, тарелку гуляша с рисом и стакан компота.

– Это все? – спросила сидевшая на конце раздаточного стола крупная женщина в замызганном белом халате и чём-то, напоминающим чепчик, на голове.

– Да.

– Гуляш с рисом, борщ по-украински, компот. Хлеб будете брать?

– Можно пару кусочков, – подумав, согласился следователь.

– А талоны у вас есть?

– Какие еще талоны?

– Должны быть талоны на питание.

– А просто за деньги нельзя?

– Можно, но нужны талоны.

– У меня где-то есть продовольственные талоны, – полез в карман следователь.

– Продовольственные тут не пойдут. Нужны на обед талоны.

– Где их взять?

– Зайдите в контору, – кассирша махнула рукой в сторону окна, – вон то крыльцо. Там в бухгалтерии получите. Свой обед пока можете на разносе оставить – тут никто не возьмет.

Андрей Иванович вышел из столовой, перешел мокрый асфальт, едва не угодив в глубокую лужу, и по влажной траве подошел к конторе. Справа, перпендикулярно, стояло здание почты, перед которым была большая клумба, густо заросшая цикорием. Поднялся на кирпичное крыльцо, распахнутая дверь была подперта половинкой кирпича. Бухгалтерия скрывалась за второй дверью по правой стороне, окрашенной ярко-зеленой краской.

– Здравствуйте, – войдя в комнату, поздоровался он.

– Здравствуйте, Андрей Иванович, – дружно поздоровались пять женщин, сидевших за заваленными бумагами столами.

– Я хотел бы получить талоны на питание. К кому мне обратиться?

– Вообще, надо к главбуху, но она сейчас в отгулах... Сами понимаете, – сказала женщина с длинным носом и длинными черными волосами, которую следователь про себя окрестил «Гусыня».

– Точно, мать жертвы – главбух, – мелькнула в голове стремительная мысль.

– Понятно.

– В любом случае, вам надо к директору обратиться. Как выйдете из комнаты так увидите красную дверь – направо от нашей. Там его кабинет.

– Спасибо.

Выйдя, он прошел в указанную дверь. За ней оказалась небольшая приемная без окон, в которой сидела кудрявая секретарша и печатала на машинке. Вдоль стены напротив стояли три разнокалиберных стула для посетителей.

– Здравствуйте, – следователь поздоровался со странно знакомой секретаршей.

– Здравствуйте, – не отрываясь взглядом от документа, ответила секретарша и продолжила с силой стучать по клавишам.

Повисла пауза, прерываемая только сухим треском допотопного механизма и жужжанием лампы дневного света.

– Скажите, к директору можно?

– Вы по какому делу? Вам назначено?

– Нет, не назначено. Я, можно сказать, по личному делу.

– По личным вопросам прием в понедельник, с 13 до 14 часов.

– Скажите, а по-другому никак нельзя?

– По-другому? – она наконец подняла взгляд. – Вы же государственный человек, а предлагаете нарушить порядок.

Смущенный следователь опустил глаза, не зная, что сказать.

– А что вы хотели?

– Понимаете, я пошел в столовую... Хотел пообедать, а мне сказали, что без талонов нельзя.

– Правильно вам сказали! Без талонов нельзя. Идите в бухгалтерию и получите талоны.

– В бухгалтерии меня к директору направили.

– Правильно. Главбух готовится сына хоронить, ее нет – надо идти к директору.

– Вот я и пришел...

– Что вы там взяли? Гуляш, рис, компот и борщ?

– Откуда вы знаете?

– Я младшей поварихой там работаю, – захихикала кудрявая, – а тут на полставки секретарем совмещаю. Там приготавливаю – сюда иду.

– Значит, пока я был в бухгалтерии, вы прошли сюда, поэтому я вас не видел?

– Да.

– То-то я смотрю, вроде как видел вас где-то.

– Просто пока вы обед выбирали, я в дверях кухни стояла.

– Точно, – засмеялся следователь.

К его смеху охотно присоединилась повар-секретарь.

– Так что мне с обедом делать?

– Вот, возьмите, – открыв ящик стола, она вынула и протянула пачечку талончиков, переbranную резинкой, – пока вам хватит, а в понедельник придете на прием – я вас запишу, и договоритесь с Виктором Владимировичем.

– Спасибо вам большое.

– Меня Валентиной зовут. Вы же всех допрашивать будете? – заговорщицки понизила голос секретарша.

– Да, скорее всего. А что?

– Вы знаете, у нас же в столовой воруют...

– Воруют? И вы тоже?

– Я? Я помои свиньям беру... – покраснела Валентина, – а вот другие... другие и мясо и масло и крупы метут...

– Напишите в ОБХСС, в милицию. Я тут при чем?

– Вы же следствие ведет... Я вот тут подумала, а вдруг Андрей узнал о хищениях и хотел сообщить куда следует? О покойниках нельзя нехорошо говорить, но он баламут еще тот был... Вполне мог... Да и компания у него такая...

– Вы думаете, за это могут убить с такой жестокостью?

– Мало ли... У нас старшая повариха та еще змея... Да и мужик ейный тоже зек бывший...

– А что насчет компании Андрея?

– Виталик этот с Витькой... Носились по мурьям разным сломя голову, а Андрейка у них за главного был. Что поделаешь, дело молодое... Однажды мужа моего так довели, что он с топором за ними гонялся.

– А что случилось?

– Он ворота дома делал, а эти шалопаи скакали вокруг как козлы и дразнили его. Он у меня невысокий и очень сильно переживает из-за этого. А они все кричали: «Корявый! Корявый!», он и не выдержал... А так-то он у меня хороший. А еще Андрей с Виталиком раз учудили в детстве. Взяли и в школе гвозди из половой доски вытащили. Тогда у нас школа в этом здании размещалась. Сразу три класса в одной комнате учились. Так вот, они гвозди вынули, и доска незакрепленная лежала. Вера Андреевна – мать Андрюхи, зачем-то зашла в класс, наступила на конец доски, провалилась под пол и поломала ногу!

– Ничего себе!

– Вот-вот. Шкода был страшный, оторвяжник тот еще, да и Виталик этот малахольный его науськивал. Андреевы, они же приезжие...

– Да, я знаю. Семь лет?

– Все равно еще не совсем свои, вы же понимаете... Да и честно сказать, странные они какие-то...

– Например?

– Например, у них младший сын постоянно под столом сидит и подслушивает.

– Да, странно. Спасибо за информацию, я проверю. Валентина, что еще можете по этому делу сказать?

– Еще сахар воруют, самогон из него гонят, а потом продают...

– Я имел в виду убийство.

– Андрея Родина?

– А что, тут были и другие убийства? – насторожился Андрей Иванович.

– Как вам сказать?.. Говорят, что Сашку Куприянова пытали, а потом сожгли вместе с домом.

– Кто пытал?

– Не знаю...

– А кто говорит?

– Все говорят... Первой Андрюхина бабка как раз про это начала говорить. Она старая, но знает много...

– Так что там с Куприяновым? – достал блокнот следователь.

– Говорят, перед тем, как пожар случился, кто-то кота Сашкиного убил, лапы ему отрубил, а самого на кол во дворе насадил! Сашка, земля ему пухом, как увидел кота, так запил с горя. Вот кто-то его ночью пытал, а затем подожгли вместе с домом.

– А ради чего его могли пытать?

– Говорят, он знал, где золото закопано...

– Золото?

– То ли с войны – от немцев закопали, то ли еще раньше в Гражданскую белые...

– Ясно, хотя и не ясно. Спасибо, проверим. Еще что-нибудь можете добавить?

– Потом скажете как вам борщ...

– Вы готовили?

– Да, я же хохлушка, – вновь захихикала Валентина. – И запеканку творожную возьмите, она с вишней.

В это время в приоткрывшуюся дверь в приемную всунулась голова черноволосой «гусыни» из бухгалтерии.

– Андрей Иванович, вы долго еще? А то нам на обед идти надо, мы все вас ждем.

– Сейчас иду. Валентина, спасибо за информацию, мы все проверим. Если еще что-нибудь придет в голову, то найдите меня. Хорошо?

– Обязательно найду.

Следователь вышел из приемной. В коридоре рядком, выстроившись строго по росту, стояли все пять представительниц бухгалтерии и с ожиданием смотрели на него.

– Заставляете себя ждать! – укоризненно сказала черноволосая, оказавшаяся самой высокой, – получили талоны?

– Да, получил.

– Тогда идем обедать.

Женский строй дружно сделал поворот через левое плечо и шагом, похожим на строевой, отправился через дорогу. Ничего не оставалось, как идти следом. Войдя в столовую, он протянул талоны кассирше:

– Возьмите, сколько надо.

– С вас один талон и рубль двадцать за обед, – ответила та.

Следователю почудился легкий запах алкоголя в ее дыхании. Взяв порцию запеканки, отдав талон и деньги, он захватил свой разнос, отошел и сел за маленький столик у выходящего на стоянку сельхозтехники окна. Бухгалтерские, выбрав обеды, устроились за длинным столом и, косясь на Андрея Ивановича, быстро и молча ели. Кушать под их пристальными взглядами было неудобно, но следователь с большим аппетитом проглотил обед. Выпив компот из граненого стакана, отнес грязную посуду и покинул столовую. Выйдя, увидел бело-желтый совхозный автобус марки КАвЗ.

– Здравствуйте, – поздоровался с водителем, подкручивающим черный вислый ус. – А коллега мой обратно с вами не приехал?

– Здравствуйте. Он в общежитие пошел.

– Спасибо.

Поразмыслив, он отправился в общежитие. Слава лежал на своей койке и изучал какую-то бумагу.

– Ну что, удачно съездил?

– Будет, что вечером почитать. У вас тут как дела?

– Пообедал в столовой – вполне сносно и недорого. Поговорил с поварихой, она же директорская секретарша. Очень содержательный разговор. Покойник не такой уж и ангел был, получается. Насолил тут многим.

– Многим?

– Да. Правда сомневаюсь, что за такие проделки могут так жестоко убить, но всякое бывает. Ты что привез?

– Список ранее судимых жителей, – Слава протянул стопку листов, скрепленных скрепкой, – по ПНД проверил – на учете у психиатра в Дроновке никто из жителей не состоит. Официально зарегистрированных наркоманов тоже нет. Вот тут, – он протянул еще одну стопку листов, потоньше, – список тех, кто имеет зарегистрированное оружие. Кстати, Андрей Иванович, а какое отношение огнестрел имеет к убийству?

– Слава, а ты не задумывался, как они довольно крепкого паренька могли заставить что-то делать?

– Под угрозой оружия?

– Вполне возможно.

– По Андреевым пока на запрос не ответили. Вот тут результаты вскрытия. Я по дороге бегло просмотрел.

– И что там?

– Он действительно был живой, когда его привязывали и потрошили.

– Я так и предполагал.

– И еще. Оказывается, за жертвой числились уголовные грешки. Он вместе с Виталиком Андреевым еще перед школой попали на учет в ИДН¹.

– За что?

– Взломали вагончик, в котором жили строители, возводившие детский сад.

– Солидно. В столь юном возрасте и сразу кража со взломом.

– Дальше будет еще интереснее. В прошлом году эта парочка угнала трактор МТЗ-82 у здешнего механизатора Николая Печёнкина. Покатались по округе, пока не кончилась солярка. Потом слили с пускатча бензин, облили трактор и подожгли.

– И что сделал с ними наш «самый гуманный суд в мире»?

– Дело замяли. Печёнкин забрал заявление. Вроде как трактор они ему отремонтировали.

– Надо участкового на этот предмет попытать.

Раздался стук в дверь. Слава вскочил с койки.

– Войдите, – громко сказал Андрей Иванович.

Дверь открылась, в комнату вошла высокая старуха в теплом платке и каком-то старомодном одеянии, при взгляде на которое вспоминался «старомодный ветхий шушун».

– Здравствуйте, – поздоровалась она, – я Елизавета Харитоновна Роднина, бабушка убитого.

– Здравствуйте, меня зовут Андрей Иванович, а это мой помощник – Вячеслав Ильич. Проходите, присаживайтесь вон на тот стул. Что вы хотели?

– У меня, милостивый сударь, внука убили, а вы спрашиваете, чего бы я хотела.

– Соболезную вашему горю...

– Спасибо, но я пришла не за соболезнованиями. Я хочу помочь изобличению преступников.

– Преступников?

– Вы же не думаете, что кто-то мог совершить такое в одиночку?

– Пока ведется следствие, я не могу отвечать на такие вопросы. Так что вы можете сообщить по факту убийства вашего внука? Слава, протоколирую.

– Фамилию, имя, отчество я записал, – подхватил эстафету Слава.

– Теперь перейдем непосредственно к делу, – сказал Андрей Иванович. – Сообщите все, что вам известно об обстоятельствах убийства Андрея.

– Я его предупреждала, чтобы в лес не ходил! А он!

– Стоп. Вы знали о намерении внука пойти в лес?

– Да, знала.

– Откуда? Он сам вам сообщил об этом?

– Нет, он не говорил.

– Тогда откуда вам это было известно?

– Видите ли, мне приснился сон...

– Сон?

– Понимаю ваш скепсис, но тем не менее. Мне приснился кошмарный сон, что Андрей пошел в лес...

– И дальше? Что такого кошмарного было в этом сне?

– Видите ли, Андрей Иванович, структура снов малоизучена..., – Славик не удержался и присвистнул на этих словах старухи.

– Свистеть, молодой человек, неприлично! И как бы объяснить вам понятнее?.. Скажем так – его встретили в лесу две человеческих фигуры и... и убили.

– Х-м... и часто вам такие сны снятся?

---

¹ Инспекция по делам несовершеннолетних (ИДН).

– Я понимаю, что вы думаете о снах выжившей из ума старухи, но скажу вам, снятся не часто, но зато, как правило, сбываются, в той или иной форме. Я попросила Андрея не ходить в лес, но он, признаться, был упрямым и своевольным мальчишкой. Родители мало внимания уделяли ему, у старших детей свои проблемы, и мальчика растила улица. Блатная романтика, дружки – хулиганы.

– Дружки?

– Да, Виталий и Виктор. Эта неразлучная троица многим кровь попортила.

– До такой степени, что кто-то решился на убийство?

– Как видите...

– Хорошо. Продолжим. Значит, он вас не послушал?

– Да. Ушел рано утром, еще роса лежала. Больше, как вы понимаете, я его не видела.

– Что вы можете сказать про те фигуры? Ну... которые в вашем сне убивали Андрея?

– Я не видела их лиц. У них лиц просто не было! Одна фигура была высокой и широкоплечей, вторая похожа то ли на девушку, то ли на ребенка. Высокая фигура сказала: «Теперь в армию не попадешь»

– Какие-то детали одежды, внешности? Нет?

– Нет. Зато, я видела, что колышки, которыми распинали Андрея, забивали в землю обухом топора.

– Еще что-то?

– Колышки вырубил из молодого березняка в Чайках.

– Чайки?

– Это место, заросшее молодым подлеском. Участковый покажет, он знает. Там много змей и вообще место нехорошее. Там мало кто бывает, поэтому место заготовки колышков вы найдете без труда.

– Хорошо, мы проверим. А что значит «нехорошее место»? Помимо пресмыкающихся?

– Люди там ориентацию теряют и начинают блудить. В прошлом году там один наш, деревенский, Чума, заблудился, и два дня его не было. А когда пришел домой, то кричал, что жена превратилась в змею, и пытался ее убить.

– Убить?

– Гонялся за ней по деревне с косой.

– И чем закончилась погоня?

– Налетел на участкового и попытался его убить. Тот тогда недавно был к нам назначен, вместо ушедшего на пенсию старого участкового Александра Сергеевича. Загнал в сеновал Николая Лобана. Там тогда Виталик был поблизости. Вдвоем с участковым они Чуму скрутили. Владимиру Семеновичу за это лейтенанта дали. А Чума сейчас в психиатрической лечебнице.

– Вот, вы говорили, что Виталий хулиган, а он герой оказался.

– Хулиган, конечно, но в душе мальчик хороший. Со мной всегда вежливый. Да и другим старикам помогает, насколько я знаю. Дрова колет, воду носит.

– Получается, правильный парень?

– Не знаю. Из пионеров он на второй день вышел и Андрея на это подбил. И вообще, хороший то он хороший, но шепутной. Да и нездешний он... И брат у него странный. Я сама его не видела, но несколько раз он мне снился. Под столом сидел и все записывал в синюю книжечку для телефонных номеров...

– Под столом?

– В прихожей в доме Андреевых. Там скатерть, между нами говоря, Виктор Владимирович ее украл, почти до пола свисает, и Коли не видно. Вот пока его мать по телефону болтает или с подругами, он записывает...

– Что записывает?

– Все, что считает интересным.

– Насчет скатерти...

– Не хочу показаться сплетницей, но Виктор Владимирович украл ее в столовой Покровки. Он там раньше работал помощником агронома. Помимо скатерти он еще много перца молотого тогда украл, но это к делу не относится.

– Скажите, а про скатерть и перец директор вам сам рассказывал? – не утерпев, подал голос Слава.

– Нет. Мне никто не рассказывал. Я просто это знаю и все. Не спрашивайте, откуда – просто знаю.

– Ясно. А еще про какие-либо преступления вам известно? – вернул себе инициативу Андрей Иванович.

– Вы про убийство Александра Куприянова?

– Он был убит?

– Да, мне приснился сон, что четыре темных фигуры, одна из которых явно женская, окружили его и бросили в огонь. При этом фигуры говорили что-то вроде: «Вот тебе за курицу, падла!».

Следователи переглянулись.

– Скажите, – осторожно поинтересовался Андрей Иванович, – а среди этих фигур не было тех, что убили Андрея?

– Я не знаю...

– Понятно. Что-то еще?

– Фомичевы: Глафира Лукьяновна и ее внучка Жанна. Я видела накануне их гибели сон, что четыре фигуры бросают в них огонь и кричат «Умри, ведьма!»

– Х-м...

– И еще одна фигура, самая высокая, сказала: «Вот тебе и корова из Айовы!». Я понимаю, что это похоже на бред, но именно так все и было.

– Спасибо, Елизавета Харитоновна. Славик, дай протокол.

– А опилки откуда? – влез Славик.

Андрей Иванович удивленно посмотрел на него, но промолчал, не стал делать замечания.

– Опилки сосновые, с нашей пилорамы, – не выказала удивления Елизавета Харитоновна, – их в пакете из-под молока принесли...

Повисла пауза.

– Прочтите и если все верно, то напишите снизу: «С моих слов записано верно. Мною прочитано» и распишитесь, – прервал затянувшееся молчание Андрей Иванович.

Старуха, подслеповато щурясь, прочла протокол, подмахнула его, встала и не прощаясь ушла.

– Вячеслав?!

– Ничего себе бабка! – прищелкнул языком Славик. – Ванга отдыхает!

– Ванга, не Ванга, а проверить надо.

– Хотя, знаете, в чем-то она права. Кольшки действительно были березовыми и действительно «забивались тупым тяжелым предметом, предположительно топором или молотком».

– А что за опилки?

– Рот жертвы был забит сосновыми опилками...

– И ты мне хочешь сказать, что там пакет из-под молока был?

Вместо ответа Славик быстро нашел в картонной папке и протянул фотографию.

– Х-м... действительно пакет из-под молока... без «пальчиков»?

– Следов отпечатков на картоне пакета не обнаружено.

– Что еще необычного?

– Лицо клевала какая-то птица.

– Ворона?
– Не смогли определить.
– Скверно. Дождешься участкового – он на мотоцикле. Поезжай с ним в эти Чайки. Посмотрите, что там к чему. На обратном пути посмотри лесопилку, возьми образцы опилок. Хотя опилки везде одинаковые. Заодно спроси лейтенанта – у кого в деревне есть деревообрабатывающие станки. А я продолжу допросы, а потом пройду по деревне, осмотрюсь.
– Уж больно подозрительно тут, вам не кажется?
– Не кажется. В провинции полно таких мест. Поскреби – такие скелеты из шкафов ползут... Кстати, ты обратил внимание на крышу конторы?
– Там какой-то флаг мотыляется.
– А еще?
– Не знаю...
– Ощущение, что по ней стреляли крупной дробью или картечью.
– Может быть, это на голубей кто-то охотился?
– Может быть...
– А на стелу, отмечающую границу совхозных земель обратил?
– Простреленная и проржавевшая?
– Верно.
– И еще табличка заповедника тоже прострелена.
– Вот именно. Обычно охотники, особенно сельские, берегут патроны. А тут, получается, принято по вывескам стрелять. Вопрос, почему? Так что ждем участкового и начинаем его мягко «колоть». Еще вопрос по ветврачу – опять корова всплыла. К чему бы это?
В дверь энергичной походкой вошел участковый, одетый в форму.
– Здравия желаю, – браво приложил он руку к фуражке.
– Лейтенант, вы не против оказать помощь? – спросил Андрей Иванович.
– Никак нет! Для того сюда и направлен!
– Тогда вы поступаете в распоряжение Вячеслава Ильича.
– Слушаюсь!
– Слава, дерзайте.
Слава и лейтенант покинули комнату. Андрей Иванович погрузился в изучение привезенных Славой материалов.

***

Слава и лейтенант спустились с крыльца, и подошли к мотоциклу участкового.
– Садитесь, – гостеприимно откинул брезент с коляски лейтенант. – Сначала до столовой, а потом к директору заскочим.
– Зачем?
– Попросим химзу со склада. У них тут ее завались.
– Зачем она нам?
– В Чайках клещей как грязи, а в химзе хоть и жарко, зато о клещах можно не волноваться. Да и от змеи какая никакая, а защита.
– Понял. А в столовую зачем?
– Как зачем? За горчицей, – улыбнулся милиционер.
Взяв в столовой банку горчицы, перешли дорогу, и зашли к директору. Секретарша пропустила в кабинет без слов.
– Здравствуйте, Виктор Владимирович, – протянул руку участковый человеку, одетому в коричневую пиджачную пару и ядовито-зеленый галстук, сидящему во главе большого Т-образного стола. Галстук хорошо сочетался со стоящей на столе лампой под зеленым абажуром.

– Здравствуйте, Владимир Семенович, здравствуйте, Вячеслав Ильич, – встав с кресла, и обойдя стол, поздоровался за руку директор. – Что привело в эту юдоль скорби?

– Нам два ОЗК² надо.

– Надо так надо, – директор вернулся на свое место и нажал клавишу на пульте связи, – Дарья Михайловна, сейчас к вам подойдут участковый со следователем. Выдайте им ОЗК.

– А списывать кто потом будет? – раздался по громкой связи сварливый голос. – Пушкин?

– Я потом подпишу. Спасибо, – нажал клавишу, прерывая связь. – Как видите, всецело оказываем помощь следствию, каждый на своем месте.

– Спасибо, – поблагодарил Слава.

– Владимир Семенович, зайдите потом ко мне.

– Хорошо.

На складе, расположенном в кирпичном пакгаузе, стоявшем перпендикулярно току за клубом, пахло пылью, резиной и крысиным пометом.

– Чего надо? – неприятливо спросила низкорослая полная женщина в толстых очках, сама похожая на крысу.

– Здравствуйте. Нам два ОЗК, – ответил участковый.

– Зачем?

– Тайна следствия.

– Всем и все надо! Ходят тут, а я потом думай, что ревизиям говорить, – пробурчала женщина и скрылась среди пыльных стеллажей, заваленных разнообразными тюками, коробками и ящиками.

Минут десять было слышно лишь неразборчивое бормотание, потом звон и громкий мат. Наконец кладовщица вышла к посетителям, неся две охапки резины в руках.

– Вот вам, можете прямо на одежду надевать, я размер на глаз прикинула, – словно пиранья оскалилась женщина в подобии улыбки и шлепнула ОЗК на пыльный стол.

– Спасибо, – поблагодарил милиционер.

– Фуражку только снять не забудь, служба, – ответила женщина. – Противогазы не надо? Респираторы?

– Нет, спасибо.

– Спасибо в карман не положишь, – она рухнула на стул, схватила со стола старую газету «Труд» и, раскрыв, спряталась за ней.

– До свидания, – попрощались мужчины и поспешно вышли на свежий воздух.

Мотоцикл остановился на поле. Слева виднелось деревенское стадо и двое пастухов на лошадях.

– Говорят, что все время этот подлесок в одной поре, не выше и не ниже, – слезая с седла, кивнул лейтенант на колышущееся впереди зеленое море, за которым вдали мрачно темнел лес. – Ближе не поедем, одевайте костюм.

– Почему ближе нельзя? – выбрался из коляски Слава.

– Не хочу потом из мотоцикла всякую дрянь выскребать, – споро влезая в защитные чулки, и надев плащ, сказал Владимир Семенович. – Досюда эта пакость не добирается, но на всякий случай... – достав банку с горчицей, он быстро и щедро смазал колеса и подножку коляски.

– Это зачем? – удивился Слава, облачаясь в чулки и натягивая плащ.

---

² Общевоинской защитный комплект (ОЗК) – средство индивидуальной защиты, предназначенное для защиты человека от отравляющих веществ, биологических средств и радиоактивной пыли. ОЗК состоял на вооружении вооруженных сил бывшего СССР и является средством индивидуальной защиты военнослужащих всех видов ВС и родов войск. Используется совместно с респиратором или противогазом. ОЗК состоит из плаща ОП-1 м, защитных чулок и защитных перчаток. https://ru.wikipedia.org/wiki/Общевоинской_защитный_комплект

– От змей помогает. Местные говорят, что змеи боятся свежей горчицы. Они даже во дворах горчичный порошок посыпают.

– Интересно. Не слышал про такое раньше.

– Вы тут поживете, так многое увидите и услышите, про что раньше не знали, – достав из коляски топор, сказал лейтенант и натянул перчатки.

Слава навесил поверх серого плаща красно-коричневый футляр с фотоаппаратом.

Поскрипывая резиной, дошли до зарослей. Вблизи Слава лучше оценил масштабы этого места. Редко какое деревце возвышалось выше человеческого роста, основная масса была по плечо.

– Сейчас, – осторожно всматриваясь в густую траву, лейтенант срубил два крайних деревца, ловко очистил от веток.

– Держите, постукивайте по стволам и задвигайте траву, прежде чем шагнуть. Вот так, – показал он.

– От змей?

– Да, тут целые выводки их. Лучше не связываться. Запомните: гадюка сворачивается в кольцо перед тем, как ударить. И еще: гадюка может достать на длину своего тела. А тут встречаются очень длинные...

– Понял, – с тревогой посмотрел на густые заросли Слава. – Я слышал, что укус гадюки редко смертелен для взрослого человека.

– Может оно и так, только тут очень ядовитые гадюки. Даже при мне было два смертельных случая в этих местах от укусов змей, один в прошлом году – змея студента укусила, и еще одну корову насмерть, так что рисковать не стоит.

Лейтенант первым, а Слава за ним, настороженно глядя под ноги, вступили в заросли. То тут, то там вдруг начиналось какое-то шевеление и шуршание, а потом опять все затихало. Не было слышно обычного для леса разноголосого пения птиц. Стояла удушающая жара, которую Слава списал на костюмы, с плотным запахом березовых веников. К веникам добавлялся незнакомый резкий запах.

– Прямо как в джунглях, – сказал Слава.

– Это змеями так воняет.

– Сколько же их тут?!

– Лучше не знать. По сторонам тоже смотрите, – предупредил лейтенант, – вон, видите? – он указал левой рукой на возвышавшуюся в паре метров от них березку.

Слава, посмотрев, увидел двух толстых серых змей с зеленоватым отливом и резким черным узором, обвивших ствол, словно Кадуцей³. Змеи внимательно следили за незваными пришельцами.

– Гадюки? – вмиг охрипшим голосом спросил Слава.

– Они самые.

Двинулись дальше. Справа, с гнилого пенька подняла голову угольно-черная змея и пристально посмотрела на людей. Чешуйчатые валики над глазами придавали ей серьезный и даже злобный вид.

– Если что, то бейте палкой по спине, – сказал участковый, шагая дальше. – С перебитым позвоночником они ничего не сделают. Вон там след, смотрите.

Еще несколько шагов по следу, оставленному в высокой, местами выше здешних деревьев траве, и открылась прогалина в зарослях.

---

³ Кадуцѣй (лат. *caduceus*), или керикон – жезл глашатаев у греков и римлян; название жезла Гермеса, обладавшего способностью примирять. Представляет собой древко, обвитое двумя змеями. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кадуцей>

– Вот и они, – удовлетворенно сказал Владимир, кивая на свежие березовые пеньки, словно растопыренные пальцы мертвеца, устремленные в небо и охапку подвядших веток. – Пришли.

После его слов с груды веток скользнула в заросли вишнево-красная змея с коричневым узором по спине.

– Делайте снимки, а я возьму образцы, – сказал милиционер.

Пока Слава с разных ракурсов фотографировал, лейтенант быстро срубил три торчащих на уровне пояса пенька.

– Это, конечно, не мое дело, – сказал он, – но я бы обратил внимание на высоту пеньков.

– А что?

– Просто таджики примерно на такой высоте пилят в посадке деревья на дрова. Чтобы не нагибаться.

– Думаете, это их работа?

– Возможно, что простое совпадение. Они пилят, а тут явно следы топора. Да и вполне вероятно, что рубивший просто опасался змей.

– Скорее всего, – посмотрел на выглянувшую из травы змеиную голову Слава.

– С фото все?

– Да.

– Уходим? А-то мне не по себе как-то тут.

– Мне тоже.

Осторожно выбрались по своим следам обратно.

– Дрожь от этого места, – признался Слава, залитый потом под костюмом.

– У меня тоже, – посмотрел на него лейтенант, в чулках которого громко хлюпала вода. – Под ноги смотрите – вон еще одна, – указал палкой на свернувшуюся в кольцо змею. – Бывает, что и сюда выползают.

– Может убить? – Слава взвесил палку в руке. Хотелось отомстить гадине за недавний страх.

– Лучше не надо. Старики такое про них рассказывают... Хотя, – лейтенант, словно заправский городошник, швырнул палку.

Пораженная змея задержалась в траве, бесполезно вонзая зубы в палку.

– Какая большая, – с дрожью в голосе сказал Слава. – Метра полтора... и толстая...

– Там и все два будет. Пошли.

– Добивать не будем?

– Птицы добьют. Эта гадость поэтому и не выползает, что птицы их убивают.

– Птицы?

– Вороны, сороки, ястребы. Хватают небольших змей, поднимают в воздух и швыряют на землю.

– Таких здоровых? – усомнился следователь.

– Не таких, а поменьше.

– А с крупными как?

– Стаей налетают и терзают.

– Ничего себе! Вы меня не разыгрываете?

– Нет, не разыгрываю. Зато в самих Чайках птиц нет – там яйца и птенцов змеи съедают.

– Вот же как все устроено в природе. Но птицы жестоко с дальними родственниками поступают, – щегольнул познаниями, почерпнутыми в научно-популярном журнале, начитанный Слава.

– Совсем как у людей, – в ответ нахмурился чему-то своему лейтенант.

За разговором дошли до мотоцикла.

– Это верно. Подержите, – участковый всучил Славе пеньки и ветки, – а это мне дайте, – забрав у него палку, начал обстукивать ею свой транспорт. – Береженого бог бережет.

Засунув палку в коляску, пошурудил ею там.

– Думаете, в такую высокую коляску змея может заползти?

– Если на дерево забираются, то вполне могут и сюда забраться. Все нормально, садитесь, поехали.

– Давайте на ты перейдем? – предложил Слава.

– Хорошо. На ты. Поехали, Слава.

– Как Чума там умудрился двое суток продержаться? – выливая из снятых чулок пот, спросил Слава.

– Поэтому и съехала крыша у него.

– Там у любого крыша поедет, – укладывая свой снятый ОЗК в коляску, под ноги, согласился следователь. – Костюмы теперь куда девать?

– Отдадим директору, он просушит, и если что, то берите у него. Вообще, тебе нужно обувь нормальную со склада выписать, – уложив свой свернутый ОЗК на заднее сидение и закрепив резинкой, скептически посмотрел на мокрые туфли следователя лейтенант. – Тут не город, по нашим улицам в таких долго не проходишь.

– Неужели, у них на складе и ботинки есть?

– Там всего на случай войны напихано. Садись, поехали.

С ветерком, приятно охлаждающим потные тела, доехали до конторы.

– Пойдем, – взяв костюмы и одев фуражку, сказал милиционер.

Следователь вслед за ним двинулся в кабинет директора.

– Это что? – сморщив нос, подозрительно спросила повар-секретарша Валентина.

– Виктор Владимирович просил принести, – ответил лейтенант.

– Это? – не поверила она.

– Именно это.

– Ладно, несите.

Мужчины вошли в кабинет. Директор, задумчиво курил, стряхивая пепел сигареты в роскошную хрустальную пепельницу, стоя у бокового окна и глядя в сад.

– Подошли костюмы? – повернувшись к посетителям, спросил он.

– Спасибо, все в пору, – поблагодарил лейтенант. – Вам отдать?

– Брось вон туда, на стул. Домой возьму, просушу. В хозяйстве пригодится. Вдруг Чернобыль новый. Еще что-то надо?

– Виктор Владимирович, можно со склада выписать обувь для следователей?

– Обувь? – посмотрел директор на ноги Славы, – не вижу мешающих причин. Какая вам нужна обувь? Ботинки, сапоги резиновые, сапоги яловые, сапоги хромовые?

– Ботинки, – смутился Слава. – Если можно?

– Почему нельзя? – хозяин кабинета затушил бычок, аккуратно положил его в пепельницу, прошел к столу и нажал клавишу на пульте.

– Дарья Михайловна.

– Что, опять? – услышался недовольный голос.

– Не переживайте так, пустяки, дело-то житейское.

– Конкретнее? – подозрительно уточнил голос.

– Надо товарищам из города ботинки подобрать.

– У меня не обувная фабрика!

– У вас не фабрика, – директор подмигнул гостям, – у вас гораздо лучше. Такого порядка как у вас ни на одной фабрике нет.

– На кого списывать? – подобранным голосом спросила кладовщица.

– Запишите на меня, – добродушно предложил директор.

- Ох, Виктор Владимирович, приедет ревизия, так устанете объясняться.
- Ничего страшного, не в первой.
- Пускай приходят, подберу им ботинки.
- Спасибо, – директор отключил связь.
- Все или еще что-то?
- Все, спасибо, – в один голос ответили просители.
- Владимир Семенович, задержитесь, – попросил лейтенанта директор.
- Я в общежитии буду, – сказал Слава, выходя за дверь.

III

К четырем часам вернулся из Чаек Слава.

– Все тщательно осмотрел, как вы велели, – бодро входя в комнату и распространяя сильный запах свежих березовых веников, сказал он. – Действительно, колышки вырублены там. Экспертов будем вызывать?

– Что толку их вызывать? Неделя прошла, никаких следов там уже не будет. Эксперт из райотдела у меня лично доверия не вызывает. Из области дергать на такое? Смысл? Ты протокол осмотра составил?

– Да.

– Образцы взял?

– Так точно.

– Фотографии сделал?

– Да.

– Вполне достаточно. Пускай участковый отвезет в райотдел. Мне нужно совпадение орудия на колышках и на образцах. Где, кстати, лейтенант?

– Встретил по пути директора. Разговаривает с ним. Потом обещал зайти.

– Ты его предупредил, чтобы не болтал про Чайки?

– Так точно.

– Молодец.

– Змей видел?

– Полным полно! И все какие-то откормленные и разные. Я и не думал, что гадуки такие бывают!

– Х-м...

Раздался стук в дверь.

– Войдите.

В комнату вошли участковый и директор.

– Здравствуйте, – поздоровался директор, протягивая руку.

– Здравствуйте, – Андрей Иванович пожал ему руку.

– Помочь в расследовании этого кошмарного преступления это мой священный долг! Я выделю в ваше полное распоряжение автомашину с шофером. Василий Беспалов его зовут – надежный мальш. Все наши машины радиофицированы, и если что, то вы всегда сможете связаться со мной. Мой позывной – Первый.

– Спасибо.

– Вот возьмите – свежая пресса, – директор сунул Славе в руку несколько газет, – «Комсомольская правда», «Труд», «Правда» и наша районная – «Дроновская правда». Когда прочитаете, то можете вместо туалетной бумаги того или обуви ими сушить – отдавать не надо. Еще я распорядился и к вам в номер поставят телефон. Список деревенских номеров вот он, – директор протянул пару отпечатанных на машинке листов.

– Спасибо.

– Межгород, к сожалению, надо заказывать через девятку, но в случае переговоров совхоз берет их оплату на себя. Питание в столовой для вас тоже будет бесплатным, как и бензин на поездки.

– Вы очень любезны, но не стоит. Мы получаем командировочные и суточные, так что прошу все документы к оплате подготовить и передавать мне.

– Как скажете. Помощь следствию я готов оказать всегда! Мне Андрей, между нами говоря, был как сын... Все, не буду вам больше мешать. Машина у крыльца, водитель ждет указаний в холле. Я откланиваюсь. Если что, то звоните мне в любое время дня и ночи.

– Виктор Владимирович, мне бы хотелось еще раз поговорить с Виталием..., – сказал Андрей Иванович.

– Еще раз допросить?

– Нет, просто поговорить. Неофициально.

– Я так понимаю, что без меня?

– Совершенно верно. Думаю, вы не будете возражать?

– Ну... ладно, надо так надо. Я позвоню домой, скажу, и он подойдет. Сегодня?

– Я хотел бы позвонить сам, если можно?

– Хорошо, звоните – он придет. Еще что-то?

– Нет.

– Тогда до встречи, – развернувшись, директор вышел.

– Здравствуй еще раз, Владимир Семенович, – Андрей Иванович посмотрел на участкового, – присаживайтесь.

– Да я постою.

– Присаживайтесь, в ногах правды нет, а правда нам сейчас ох как нужна. Не так ли?

– Так, – участковый присел на предложенный стул.

– Давно вы тут участковым?

– Два года уже почти.

– Почему в деревне не живете?

– У меня помимо этой еще четыре на участке. А живу я в Марьино. Дом там у меня, жена...

– Жена это хорошо. Как часто тут бываете?

– Если ничего не случается, то где-то раз в неделю – полторы. А если случается, то мне звонят.

– Что тут обычно случается?

– Ну... драки бывают, куда без этого? Кражи – как же без них?

– Ничего серьезного?

– До убийства особо не было. Вот только два пожара с жертвами, но пожары везде случаются.

– Пожары?

– Сгорел на так называемой «старой деревне» дом. Бабка и внучка Фомичевы. Младшая внучка в ту ночь ночевала у дядьки, поэтому уцелела.

– Причина пожара?

– Замыкание электропроводки, – отвел глаза лейтенант, – дом еще до войны построен. Проводку в пятидесятые тянули – она открытая, на деревянных стенах, на фарфоровых изоляторах.

– Вы бывали в доме?

– Да, старшая внучка вела антиобщественный образ жизни. Приходилось бывать.

– Антиобщественный?

– Нигде не работала. С мужиками женатыми гуляла. Всего 18 лет ей было, а туда же. Когда из города «шефы» с завода приезжали, то некоторые к ней ходили и за деньги... Ну и выпивала, ясное дело.

– Понятно. Еще пожары?

– Да, через пару дней сгорел дом водителя ЗИЛа Александра Куприянова.

– Тоже проводка?

– Так точно. В этих домиках по финскому проекту... Там на чердаке стоит расширительный котел и когда его водой «подпитывают», то вода часто переливается и, бывает, попадает на проводку, и вполне может ее замкнуть. У нас в Колпино – село такое есть, так половина улицы выгорела. Такие же домики – щитовые, обложенные кирпичом.

- То есть, ничего подозрительного вы в этих пожарах не видите?
- Ничего.
- По-вашему, он летом топил котел?
- Не топил. Проводка могла быть повреждена раньше. А тут включил утюг или магнитофон и замкнуло, – лейтенант развел руками.
- У Куприянова был магнитофон?
- Был, «Электроника-302-1».
- На все у вас есть ответ, – уважительно сказал Андрей Иванович. – А вот что про Виталика Андреева можете сказать?
- Виталий, что про него говорить? Хороший парень, жизнь мне однажды спас. Знаете уже, наверно?
- Да, но хотелось бы услышать эту историю от вас.
- Что рассказывать? Николай Лосицкий, по кличке Чума, псих этот, тогда как раз после отсидки вернулся. Погулял с месяц на воле и с ума сошел. То ли белка, то ли еще что. Схватил косу и за женой гонялся. По деревне. Я тогда на дороге между домом Андреевых и Лобана стоял, собирался домой уезжать. Тут они бегут. Он, как увидел меня в форме, так и кинулся. Я в сеновал, благо он с открытой дверью стоял. Лосицкий следом и дверь захлопнулась. А уже вечерело, внутри темно. Лежу в темноте на сене старом и слышу как над головой «вжик, вжик» – коса воздух нарезает. Дверь открывается и кто-то заскакивает. Чума к нему повернулся, а я под ноги метнулся, а Виталик – это он был, за руки его схватил. Вдвоем скрутили, выволокли наружу. Мне за этот случай лейтенанта дали. Чуму в психушку отправили.
- Почему не применили табельное оружие?
- Я тогда только стал участковым. «Зеленый» младший лейтенант. Не носил «макар», – рука лейтенанта нервно теребила ремешок потертой планшетки.
- Вижу, что с тех пор вы учли свою ошибку.
- Теперь таскаю. Своя ноша не тянет. Тем более что такие события...
- По Виталику то с виду не скажешь, что герой...
- Это с виду он такой, а сам жилистый. Районные и школьные соревнования по гилям всегда выигрывает. В этом году и на области первое место занял. Он и боксом занимается. Я раз, в шутку, попробовал с ним побоксировать, и...
- И?
- И чуть челюсть мне не сломал.
- Андрей тоже боксом занимался?
- Они все вместе и тренировались. Андрюха, правда, здоровее был и руки длинные, но боксировал похуже.
- А про то, что Виталик и Андрей в ИДН на учете состояли, почему молчите?
- Не успел. Да, состояли. Сначала вагончик взломали, потом трактор подожгли.
- Все?
- Нет. Виталик еще каток угонял.
- Каток?
- Когда дорогу строили к Карловке, то однажды ночью угнал каток.
- Зачем?
- Покататься... Доехал до поворота, где речушка, не справился с управлением и слетел с дороги.
- Почему об этом нет упоминания в справке?
- Дорожники не стали писать заявление.
- Отец замаял?
- Да... Но это еще до меня было.

– Как говорится, если проблему можно решить за деньги, это не проблема, это расходы. Что еще за ним было?

– Погреб Родиных сожгли в прошлом году.

– Зачем?

– Говорили, что демона хотели вызвать...

– Ничего себе детишки, – вырвалось у Славика. – И вызвали?

– Не знаю, как сказать... спросите лучше его самого.

– Еще?

– Еще в прошлом месяце... такое дело. Приехали какие-то «дети гор» пустые бутылки на жвачки и подсолнечное масло на молоко менять. Начали обманывать народ: детей, бабушек. Виталик, Андрей, Витек и еще двое немецких ребят избили торгашей, забрали масло...

– Разбой?

– Масло обманутым людям раздали...

– Прямо Робин Гуды какие-то. У вас тут и немцы есть?

– Да, две семьи. Шнеппе и Финкели. Из поволжских немцев.

– Избили, а дальше что?

– Ничего. Те уехали, жалоб в милицию не поступало.

– Откуда тогда вам это известно?

– У меня есть человек в деревне... Сообщает мне о происходящем...

– Я могу с ним поговорить?

– К сожалению, нет.

– Понятно. Еще что-то на совести есть?

– Виталик, вместе с младшим братом и его другом – Шуриком Моргуnenком, залезли в старый детский сад и украли оттуда ночные горшки.

– Зачем? – одновременно вырвался вопрос у следователей.

– Я не знаю.

– Опять кража со взломом?

– Да...

– И?

– Дело повисло. Доказательств у меня нет.

– И желания тоже?

– Если честно, то да. Преступление это не бог весть какое, и портить детям жизнь ни за что, ни про что...

– Детям? Просто братья-разбойники какие-то! Хорошо, мы этого не слышали. Еще что-то?

– По Виталию?

– А есть по другим?

– Полно. Тут полдеревни «сидельцев». Много народа после «химии» на поселение сюда посылают. Многие уже рецидивисты. Один как раз перед убийством Андрея «откинулся»,

– Кто такой?

– Леня Бруй. Четыре ходки за кражи. Последняя – полтора года.

– За что?

– Мешок капусты с подельником украли. Точнее два... Там вообще забавная история была.

– Лейтенант, у меня складывается ощущение, что вы про Виталия не договариваете.

– Еще поножовщина за ним есть, – опустил голову участковый. – Весной, в Афоньевке, в клубе, подрался с одним местным. Тот за нож схватился. Виталий его этим ножом и того...

– Жив?

– Живой, что такому делается? Два месяца в больнице пролежал и как с гуся вода. И Виталик месяц там пролежал – заражение крови. Тот дурак ему под левую ключицу лезвие загнал. Чуть выше и каюк бы.

– Везучий. Вернемся к нашему убийству. Лейтенант, какие ваши соображения по этому поводу?

– Места у нас глухие, тут вокруг леса. В этих лесах и раньше людям случалось пропадать. Труп, почитай, на опушке заповедника нашли. А дальше там лесной массив огромный, в котором полно завалов, буреломов, болот, трясин, зыбучих песков и непроходимых зарослей, тянется.

– Не знал, что в лесу зыбучие пески бывают, – удивился Слава, – думал, что только в пустыне.

– Я, пока участковым тут не стал, тоже не знал. Редкое явление, но в заповеднике встречается.

– Не многовато ли получается? – спросил Андрей Иванович. – И трясины и зыбучие пески.

– Вам лучше егерей расспросить.

– С егерями мы пообщаемся, пока слушаем вас.

– Мелкие речки там петляют: то появляются, то исчезают. Говорят, что так бывает – идешь по лесу, а там речка, а через месяц ее уже нет в том месте, а на новом месте есть.

–хлопотно?

– С лесами этими у меня хлопот особых нет, больше у лесников. Мужики деревенские лес приворывают потихоньку, кто на баню, кто на дрова, не без этого, но воруют слева от дороги, в заповедник не лезут. Еще, случается, копатели всякие...

– Копатели?

– Местные их «черными следопытами» называют. Тут неподалеку бои в войну были сильные, рвы противотанковые и окопы до сих пор видны. Оружие по лесам еще встречается, вот и лезут всякие. Но местные их не любят. Дорога тут одна – проходит через деревню. Любои чужой сразу же на виду. Подходят к ним, спрашивают, кто и к кому. Бывает, что и учат...

– Значит, любого туриста или грибника должны были видеть?

– Да, пешком из другой области по лесам маловероятно сюда притопать. Значит, убийца, скорее всего, местный.

– Скорее всего?

– Тут же и приезжие бывают, гости. Сейчас лето – внуки из городов к бабушкам поехали. Список всех приезжих, бывших на тот момент в деревне, я составил и передал Вячеславу Ильичу.

– Так точно, – подтвердил Слава.

– Вячеслав, а карту ты привез?

– Так точно, – Слава протянул свернутую карту, Андрей Иванович расстелил ее на столе.

– Владимир Семенович, посмотрите.

– Место преступления вот тут, – ткнул пальцем лейтенант.

– Хорошо. Вот карандаш – отметьте свой участок.

– Карловка, Борчанка, Заузье, Поляковка и Чешуевка тоже.

– Треугольник получается...

– Да, похоже... Вот асфальтовая дорога – двенадцать км от Карловки до центральной трассы, – карандаш уверенно двигался по карте, – вообще, по этой дороге машины редко ездят и в основном совхозные. Вот тут, на горке, развилка Карловка – Буково. Детей из Карловки возят в школу вот сюда – в Афоньевку.

– Не далеко, за двенадцать километров?

– В Карловке раньше была начальная школа – три класса. Но с прошлого года ее закрыли. Теперь и младшеклассников возят в Афоньевку на совхозном автобусе.

– Афоньевка не ваш участок? Почему?

– Так сложилось – в границах прежнего сельсовета.

– Вячеслав, запроси райотдел по всем происшествиям в школе и самой Афоньевке за последние два года.

– Про одно я вам сам могу сказать, – откашлялся участковый. – В этом году, весной, покончил с собой одноклассник Андрея и Виталика – Юра Савкин. Выпил формалин из кабинета биологии. Слеп, пока везли в больницу, умер.

– Сам выпил?

– Весь класс сказал, что сам налил себе в компот в школьной столовой и выпил. Думал, что это спирт... Там гадюка была залита в банке, а он решил, что она заспиртованная.

– Весело тут у вас, как я погляжу. Он Карловский был?

– Нет, из Афоньевки.

– Рассказывайте дальше.

– Вот тут заповедник, – карандаш очертил большой кусок территории, – тут Борки – вымирающая деревня. Там всего два человека живет сейчас. Там, кстати, военный музей был – немец Володька, одноклассник Андрея и Виталика, с двумя младшими, в прошлом году взломали этот музей.

– Зачем?

– Хотели оружием завладеть. Их задержали и Володьке дали полгода условно. Остальным по малолетству ничего. Вот возле этих Борок летом «красные следопыты» раскопки проводят.

– А сейчас?

– В этом году еще не успели приехать.

– Точно?

– Точно, они у директора отмечаются. Тот печати ставит – это же официальные поисковые экспедиции. Да и могут не приехать, у них в прошлом году насмерть змея студента укусила.

– Жуть какая. Получается, проселок в Борки это граница заповедника?

– Да, но в заповедник местные не ходят. Считают «нехорошим местом». Да и в Чайки, куда мы сегодня ездили, забредают редко. Кстати, Чума перед тем как свихнуться, там заблудился и два дня шатался. Хотя так посмотреть – где там два дня ходить можно?

– Точно, – подтвердил Слава, – место небольшое.

– А что про младшего сына Адреевых молчите, про Колю?

– А что Коля? – лейтенант, сняв фуражку, обтер лоб большим белым платком в крупную красную клетку. Одев фуражку, сунул платок обратно в карман брюк.

– Помимо непонятной кражи горшков, что за ним водится?

– Ребенка хотели отдать в интернат – плохое зрение и левша, но стал отличником и остался в школе. Еще в детском саду проявил асоциальные особенности – украл у мальчика зонтик, а когда воспитатели поставили ему на вид, то стал регулярно замазывать замок комнаты, где они жили, глиной. Вот такой фрукт.

– Чудо, а не ребенок. Еще что-то?

– Мелочи. Эти братья воруют по ночам заборы.

– Зачем?

– Топят ими печку на летней кухне.

– С ума сойти. А в лесу дров нет?

– Дрова они экономят.

– Лейтенант, в этой деревне все такие, со странностями?

– Примерно. Тут, в глуши, жизнь другая.

– Вижу, как будто марсиане какие-то. Кафка в гробу ворочается.

- В школе милиции Кафку не преподавали.
  - Так, Владимир Семенович, вы перед отъездом позвоните и пригласите мне этого немецкого Вильгельма Телля на восемь утра завтра. Хорошо?
  - Володьку?
  - Да. Кто еще контактировал с убитым?
  - Он гулял с Ирккой Сапунковой, а перед ней с ее старшей сестрой – Ленкой.
  - Пригласите обеих. Елену на десять, а Ирину на двенадцать. Я вот тут списочек набросал – пригласите завтра, – протянул лейтенанту вырванный из блокнота листок. – Еще подготовьте мне перечень всех происшествий и преступлений, произошедших в Карловке.
  - За какой период?
  - Все, что сможете найти.
  - Это не так быстро.
  - Хорошо, я напишу записку подполковнику Бугайскому, а вы передадите.
  - Так точно!
  - Кстати, – Андрей Иванович посмотрел на часы, – вам уже пора ехать, а то не успеете. Жду завтра, – он пожал руку участковому, – часикам к девяти утра и подъезжайте.
  - Слушаюсь, – козырнул лейтенант, пробежался глазами по списку, – без проблем, только Пронкина не смогу.
  - Почему?
  - Он ногу сломал и сейчас в Дроновке, в больнице, лежит.
  - Как сломал?
  - Поскользнулся на свежей коровьей лепешке и все дела.
  - Точно сам?
  - Сам, полдеревни видел, – и вышел.
  - Слава, а ты бери машину и проверь здешний магазин.
  - Их тут два.
  - Проверь два. Меня интересует молоко в пакетах.
  - Понял.
- ***
- Вернувшийся из инспекции магазинов Слава был доволен собой и показал товарищу авоську.
- Смотрите, что у меня есть, – он выставил на стол жестяную банку растворимого кофе.
  - Ничего себе. А заваривать его в чем?
  - Василий обещал привезти нам кипятильник и банку.
  - Отлично. Еще бы стаканы найти. Может, в столовой попросим?
  - Все продумано – стаканы он тоже привезет. Я еще консервов прикупил, – потряс он авоськой. Вынул банку, протянул Андрею Ивановичу.
  - Слава, что это, – Андрей Иванович рассматривал жестяную банку. – «Трубач в собственном соку» – это что такое?
  - Вроде как рыба такая, – неуверенно ответил Слава, – что было, то и взял. Тут еще «Салат из морской капусты». Есть же что-то надо.
  - Тогда ладно, – Андрей Иванович поставил консервные банки в тумбочку, – они же стоят и есть не просят. Сахара купил?
  - Да, – Слава достал из авоськи пакет с сахарным песком, – на первое время хватит
  - А что по молоку?
  - Молоко покупают некоторые переселенцы, у них пока коров нет. Список мы с продавщицей составили, обещала, если еще кого-то вспомнит, то позвонит. Местным молоко не интересно, тут почти все коров держат.
  - А те, у кого коровы сдохли?

- Нет, я проверил: ни Андреевы, ни Родины молока не покупали.
- Пакеты посмотрел?
- Пакеты такие-же, Дроновского молкомбината, стандартные бело-сине-красные, по пол-литра.
- Ладно, будем думать.

IV

Андрей Иванович проснулся от странного звука – будто кто-то скребся в стекло. Встав с кровати, следователь достал из-под тощего матраца ПМ и, держа его в опущенной руке, осторожно подошел к окну. Тихонько отодвинул край пыльной шторы. Луна заливала ночь призрачным серебристым светом, играя на мокром асфальте. В лесу напротив стояла темная фигура. Следователь, не отрываясь, смотрел на фигуру, пытаясь понять, что это такое и почему Луна его не освещает. За стеклом вновь кто-то поскребся. Андрей Иванович перевел взгляд. Темная тень метнулась от окна. Невольно вскинул руку с пистолетом, едва не выбив стекло. Поднял взгляд – фигура в лесу пропала. Померещилось что ли? – подумал он, на всякий случай тихо открывая окно. На подоконнике темнели две кучки свежих опилок, распространяя в ночном воздухе запах сосны. К нему примешивался тонкий аромат фиалок.

– Что там? – раздался заспанный голос за спиной.

– Слава, похоже, у нас были гости.

Слава встал с кровати и зажег свет, ежась от ночной прохлады, подошел к окну.

Андрей Иванович стволом указал на опилки.

– Думаете, убийца принес? – настороженно спросил Слава.

– Не знаю... Я видел какую-то темную фигуру через дорогу, а под окном что-то скреблось. Я посмотрел на подоконник, а оттуда большая птица взлетела.

– Птица принесла опилки в когтях?

– Не знаю... Как говорил Гегель: «Сова Минервы вылетает в полночь». Тащи фотоаппарат – будем снимки делать. И бланк доставай – надо осмотр места происшествия составить.

Слава обреченно вздохнул.

– Не вздыхай, служба у нас такая. Дни и ночи...

– Я оденусь? – в трусах и майке молодому следователю по ночной свежести было зябко.

– Оденься, – разрешил Андрей Иванович, спавший в теплой синей пижаме. – Да и я партикулярное платье натяну, негоже пугать пейзаж непривычным одеянием.

– Думаете, вас кто-то увидит?

– Обычно в деревнях встают рано. Да и к тому же лично меня не отпускает ощущение, что за нами все время следят.

– Знаете, – замаялся Слава, – мне тоже это все время кажется. Какая-то тут атмосфера гнетущая.

Закончили фотографировать и описывать место происшествия только к утру, когда уже было светло. Верхушки деревьев начали золотиться, отражая первые лучи, разбавляя настоящую за ночь тишину, как сумасшедшая разоралась кукушка в леске.

– Ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку.

– Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось? – спросил Славик.

– Ку, – и замолчала.

Следователи задумчиво посмотрели друг на друга. За околицей начала кричать другая кукушка, судя по голосу, более опытная.

– Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось? – снова спросил Славик.

Птица презрительно замолчала.

– Спросите вы, Андрей Иванович.

– Слава, не забивай себе голову суевериями.

– Спросите.

– Хорошо. Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось?

– Ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку, – синхронно отсчитали обе птицы.

Следователи вновь озадаченно переглянулись.

– Я не люблю птиц. Пора делами заниматься. Вячеслав, теперь, когда у нас есть машина, тебе необходимо встретиться с егерями из заповедника и опросить их.

– Сегодня?

– Езжай сегодня, а я допросами займусь. Ладно, пошли завтракать и будем работать.

***

В дверь постучали.

– Войдите.

Распространяя застарелый запах перегара, вошел невысокий лысый крепыш с неровным шрамом на бугристой голове, в засаленной фуфайке, старых шароварах и грязных хромовых сапогах.

– Вызывали?

– Здравствуйте, проходите, присаживайтесь.

– А чего сразу садиться, гы? – поднял он на следователя мутные оловянные глаза.

– Не садитесь, а присаживайтесь.

– Знаю я вас, присесть предложите и на пять лет без права переписки.

– Такого уже нет давно.

– Чего нет?

– Без права переписки.

– Правда, гы? – у пастуха начался нервный тик – сильно дергался левый глаз, – перестройка?

– Нет, уголовный кодекс давно новый. Представьтесь.

– Рано мне еще, – к глазу добавилось дерганье правого плеча, при этом, плечо и глаза не совпадали по частоте.

– Как вас зовут?

– Меня?

– Да, вас.

– Бобков я, Михаил Михайлович, пастух тутошний, гы. Бобком люди кличут, а я и отзываюсь.

– Михаил Михайлович, что вы можете сообщить по факту убийства Андрея Родина?

– Нашел я его, значит. Корова, подлюка, в лес ломанулась, а я, значит, за ей. Догнал и по рогам скотине безмозгой, вестимо, насовал. Она назад шарахнулась, а я, это самое, посра... в смысле, оправиться по большому, гы, решил. Дай, думаю, коли в лес пришел, так и это самое, короче... Опять же – для грибов полезно. Только штаны снял, присел, а тут и он лежит, значит. Ну, я и побег в деревню – в милицию звонить. А сыну своему, Мишке, он в подпасках у меня, это самое, сказал никого не подпускать.

– Никого это кого? Там был кто-то еще?

– Коров чтобы и овец не подпускал. Мы же с пониманием, знаем, что следы затоптать могут. Я уже все рассказывал и протокол подписал.

– Я читал протокол. Добавить к нему что-нибудь можете?

– Что тут добавлять? Зря он в тот лес пошел, это самое, нехорошее там место. Нехорошее.

– Чем нехорошее?

– Мне еще бабка моя про это рассказывала – тогда никакого заповедника там и не было. В войну фашисты там пленных расстреливали. Бабка моя, земля ей пухом, говорила, что фашисты пытались открыть ворота в Ад...

– Однако.

– Не верите? Думаете, что я псих? – пастух ткнул корявым черным пальцем в шрам. – Да?

– Почему же, ничего подобного я не думаю.

– Вы у бабок поспрашайте, у старых наших – может и расскажут. До немцев в тех лесах НКВДшники крутились. Нехорошее место и крови пролито там немало! – Бобок начал трястись на стуле. – Много, много крови пролито!

– Успокойтесь, Михаил Михайлович, и рассказывайте по существу.

– По существу? Я думаю, в лесу водятся какие-то существа... и это они убили Андрея.

– Что больше всего бросилось вам в глаза? Запомнилось?

– Когда я его увидел, то какая-то птица сидела на лице и клевала глаз. Левый глаз.

– Что за птица?

– Я не знаю! Не знаю! – Успокойтесь. Выпейте воды, – следователь налил воды из графина, любезно предоставленного вместе с комнатой, в граненый стакан, найденный Славой в тумбочке, и протянул Бобку.

Тот дрожащей рукой взял стакан и, стуча по нему зубами, с трудом выпил.

– Я таких птиц раньше не встречал, – неожиданно спокойно сказал он. – У нее были зеленые глаза.

– Что еще можете сказать?

– Он мне снится... стоит, машет рукой, в которой насквозь торчит колышек и пытается что-то сказать...

– Что сказать?

– Не знаю, у него рот забит чем-то.

– Чем?

– Похоже на опилки, но я не уверен.

– Еще что можете сказать?

– Больше ничего, кроме того, что надо проверить лес. Вдруг, там сам Гитлер прячется?! Вы проверьте, проверьте! – пастух вновь сорвался на крик. – Куды мне бечь, царица небесная, если он в лесу?!

– Хорошо, мы проверим. А вы будьте готовы, что я вызову вас еще раз, – Андрей Иванович протянул пастуху бланк, – прочтите и если все верно, то напишите снизу: «С моих слов записано верно. Мною прочитано» и распишитесь.

Пастух медленно прочел протокол, неуверенно подписал, встал.

– А от лесов держитесь подальше, – напоследок сказал он, совершенно противореча сам себе и вышел из комнаты.

Следователь проворно вынул из лежащей на кровати спортивной сумки пакет и осторожно спрятал туда стакан. Пакет положил в сумку.

– Здравствуйте, – голос глубокий, немного томный, как телячье мычание. Навязчивая и густая комбинация запахов: дешевых духов, сирени и свежего леса. Короткая синяя юбка. Деревенская красotka, да и только.

– Проходите. Садитесь.

Девушка поправила русые локоны, мягко покачивая бёдрами, медленно прошла к стулу, медленно села. Кофточка на пышной груди была в натяжку.

Андрей Иванович кашлянул, запершило в горле.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Лена. Сапункова. Извиняйте, Елена Анатольевна. – Девушка улыбнулась.

– Елена Анатольевна, вы догадываетесь, почему я вас пригласил?

– Понятия не имею! – она опустила глаза. Пальчиком провела по краю стола.

– Даже предположений никаких нет?

– Совершенно!

– Странно...

– Я ничего не совершала! – сказала Елена с вызовом.

- Никто вас ни в чем не обвиняет.
- Зачем тогда пригласили?
- Подумайте.
- Не думается.
- Хорошо, – вздохнул Андрей Иванович. – Вы здесь из-за убийства Андрея Родина.
- Я его не убивала! – она отвернулась и уставилась в окно.
- Давайте попробуем по-другому, – Андрей Иванович тоже хотел бы выйти в солнечный день из пропахшего сыростью помещения, а еще лучше оказаться на крымском пляже. – Что вы можете сказать про Андрея?
- Его убили.
- Это я знаю. Кто его убил, у вас есть предположения?
- Не я – это точно! – Елена перевела взгляд на следователя. Положила руку на стол и кончиками пальцев коснулась стопки бумаг.
- Что вы можете сказать про покойного?
- Про кого?
- Про Андрея.
- Ничего.
- Вы его не знали?
- Очень мало. – Девушка начала рисовать пальцем круги по столу, по бумагам. Коснулась авторучки.
- Андрей Иванович переложил бумаги в сторону.
- Жили в одной деревне, учились в одной школе и так мало знали? С трудом верится.
- Что я – бюро справочное – всех знать должна?! – Елена скрестила руки на груди.
- Хорошо, – видя, что разговор опять заходит в тупик, Андрей Иванович задумчиво почесал левую щеку, потёр лоб. – А вот, например, Виталика вы хорошо знаете?
- Какого? – Елена нахмурилась.
- А вы какого знаете?
- Вы про какого спрашиваете? – В глазах Елены появилось беспокойство. Она снова отвернулась к окну.
- Про Андреева, – сдался следователь. – Его знаете?
- Андреева?
- Да, Виталия Андреева.
- Девушка молчала.
- Так знаете или нет? – не выдержал следователь.
- Знаю, – обиженно и резко ответила Елена.
- Почему же тогда молчите?
- Молчание знак согласия.
- Хорошо, – медленно вдохнул и выдохнул Андрей Иванович, – насколько хорошо вы его знаете?
- Не очень, только что учимся в одной школе и живем в одной деревне, а так, можно сказать, и не знаю его совсем.
- Хоть кого-нибудь вы хорошо знаете?
- Сестру свою, Ирку, брата – Стаса, родителей, – начала загибать пальцы на руке Елена.
- Еще?
- Еще двоюродные братья тут у меня живут: Сашка и Мишка, родители их.
- А не из родственников?
- Опять наступила тишина. Елена прикусила пухлую губу. Щеки её немного порозовели.
- Молчание – знак согласия? – обреченно спросил следователь.
- Да, знаю.

– Кого еще вы знаете? – спросил Андрей Иванович, с трудом сдерживая в себе неожиданное желание – взять со стола графин с водой и опустить его на голову девушке, взять и тряхнуть её хорошенько, чтобы отвечала бойчее.

– Одноклассников, подруг... – вновь начали загибаться пальцы.

– Про убийство Андрея что-то можете сказать?

– Да, могу. Я его не убивала.

– Это я уже слышал и записал. Еще что-то?

– Нет.

– Предположений кто его мог убить нет?

Она вдруг уставилась на следователя, словно увидела его впервые. Потом с опаской посмотрела куда-то выше его головы. Отвела взгляд. Поправила густые волосы.

– Нет. Нет у меня никаких предположений.

– Хорошо, – следователь протянул девушке бланк протокола, – прочтите и если все верно, то напишите снизу: «С моих слов записано верно. Мною прочитано» и распишитесь.

Елена молча подписала протокол, сверкнула глазом и вышла, маняще покачивая круглыми ягодицами под темно-синей короткой юбкой.

– Здравствуйте, – в дверь вошел высокий белобрысый подросток истинно арийской наружности.

– Здравствуй, Владимир. Проходи, присаживайся. Ты догадываешься, зачем я тебя вызвал?

– Из-за Андрея?

– Правильно. Вы дружили?

– Мы учились в одном классе и жили водной деревне...

– Близко, значит, не дружили?

– Он больше с Виталиком Андреевым и Витьком Пронкиным дружил.

– Понятно. У тебя есть какие-то мысли, кто мог это сделать?

– Мне кажется... это таджики. Они какие-то не такие как мы, грязные, крикливые...

Могли его убить.

– За что?

– Он козу у них украсть хотел. В шутку.

– А таджики не поняли шутки?

– Не поняли. У них весной как нарочно козел повесился... Мальчиком его звали.

– Как повесился?

– Привязан был и на этой веревке на заборе повис и удавился. А таджики на Андрея подумали. Один ихний – Заурбек, подрался с Андреем за это.

– И кто победил?

– Заурбек он здоровый, дзюдо там у себя занимался...

– А Андрей боксом. Так кто победил?

– Андрей его дубинкой от... простите, избил.

– Дубинкой?

– У них такие дубинки – из резинового шланга с металлической оплеткой внутри от трактора, они внутрь шарики от подшипника насыпают.

– Они это кто?

– Андрей, Виталик, Витек... Да тут многие с такими ходят.

– А у тебя есть такая дубинка?

– У меня? – немец заискивающе улыбнулся. – У меня... есть. Только у меня без подшипников, вы не подумайте!

– Все равно – холодное оружие! Прямо «дикий Запад» какой-то. Может тут и пистолеты есть?

- Самопалы делают многие...
- Страшно жить в вашей деревне. Вернемся к драке Андрея и Заурбека. Когда она происходила, кто видел?
- Где-то недели три назад, вечером это было, возле комбайна, напротив карьера. Полдервни видело – сидели на бревнах и ждали скот с поля.
- Ясно. А еще драки с таджиками были?
- Виталик с Муратбеком подрался.
- Это кто?
- Он на год старше нас.
- Место, время, итог?
- Перед экзаменами, в школе, за тиром, один на один. Виталик победил.
- Без дубинки?
- Без. Три зуба ему выбил и нос сломал.
- Какие страсти тут кипят. Из-за чего драка произошла?
- Муратбек ко всем цеплялся... щелбан Коле Андрееву дал случайно.
- Неплохой размен: нос и зубы за щелбан.
- А нечего лезть! Понаехали тут!
- Не горячись, скажи лучше, кроме таджиков кто мог на Андрея зуб иметь?
- Да кто угодно!
- И убить кто угодно мог?
- Ну... Андрей он здоровый был, не всякий бы справился...
- Ты тоже парень не хилый – ты бы справился?
- Не знаю, он ко мне не лез.
- Совсем?
- Иногда только дразнил «Партизаном»...
- За музей?
- Нет, еще до музея было. Мы с Виталиком с картошки сбежали и заблудились. Два дня по лесам и полям таскались.
- Ясно. Кстати, а зачем вы музей ограбили? Это не для протокола, не бойся.
- Оружие хотели взять, – потупился немец.
- Зачем?
- Подросток пожал плечами.
- Что хоть взяли?
- Всё... все, что было. И миномет тоже...
- Хозяйственные. Скажи, а по грибы ты ходишь?
- Редко, тут заблудиться можно...
- А кто часто ходит, знаешь?
- Бабки разные, но они недалеко... Еще Красотьевич. Он постоянно жрет их.
- Это кто такой?
- Алкаш один местный. У него дом сгорел, и он теперь в самодельной хижине живет. Со свиньей...
- Хорошо, проверим. А в заповеднике ты бывал?
- Нет, там место плохое... Леший водит... Я как-то раз зашел, случайно, слегка заблудился. Присел дух перевести и услышал немецкую речь...
- Немецкую? Ты не ошибся?
- Мы дома меж собой по-немецки разговариваем.
- И про что говорили в лесу?
- Команду на расстрел пленных отдавали... А потом залп... Я испугался и убежал оттуда...

– Больше ничего странного тебе не встречалось?

– В заповеднике?

– Везде.

– Мы весной шли домой из школы: я, Виталик, Андрюха, Ирка и Ленка, и видели какое-то странное животное. Волк не волк, собака не собака – не знаю. Бежало по асфальту перед нами, метрах в двадцати. Не удалялось и не подпускало к себе ближе. Никто так и не понял, что это. До самой стелы перед нами бежало, от горки – километра два, получается, а потом в кювет спрыгнуло.

– Разве вас автобус не возит из школы? Почему пешком шли?

– Мы с уроков сбежали, – засмутился немец, – сбежали, а автобус еще долго было ждать.

Вот мы и пошли. Мы часто пешком ходим.

– Ясно. А что за Лена с Иррой?

– Ира Пинчук и Лена Сапункова.

– Спасибо, – Андрей Иванович сделал отметки в списке.

– Андрюха с Ленкой одно время встречался...

– А потом?

– А потом стал с ее младшей сестрой – Ирккой встречаться.

– Прямо ловелас.

– Заурбек тоже хотел с Ленкой встречаться...

– Так, так, так. Ты хочешь сказать, что у него был двойной мотив?

– Я вам так с самого начала и сказал!

– Еще что-то хочешь добавить?

– Вроде все сказал.

– Хорошо, – следователь протянул бланк протокола, – прочти и если все верно, то напиши снизу: «С моих слов записано верно. Мною прочитано» и распишись.

Немец прочел и расписался.

– Я могу идти?

– Иди. И напоследок, – спросил Андрей Иванович, когда Володька взялся за дверную ручку, – еще вопрос.

– Какой? – пугливо оглянулся Шнеппе.

– Кто Юру Савкина отравил?

– Что? – вытаращив глаза, немец открывал и закрывал рот, словно рыба, выброшенная на берег. Казалось, от падения его удерживает лишь дверная ручка, в которую он вцепился как утопающий.

– Кто отравил Юру Савкина? – медленно повторил следователь.

– Я не знаю! – истерично выкрикнул Володька, – не знаю я!

– Ты знаешь, что он не сам себе в компот формалин налил, но не знаешь кто?

– Да! Нет! Ничего я не знаю! Меня тогда вообще в школе не было! Я болел!

– А если подумать?

– Не знаю, – немец всхлипнул. – В шкафу стояла банка с гадюкой – может, он подумал, что это спирт?

– А если не подумал, то кто?

– Андрей, – еле слышно прошептал бледный немец. – Он говорил, что Юра стукач, и надо хорошо его проучить...

– Хорошо, можешь идти. Позже я вызову тебя еще раз.

*****

В дверь вошла стройная русая девушка, с не по возрасту большой грудью, чертами лица схожая с уже допрошенной Сапунковой.

– Здравствуйте.

- Здравствуйте, присаживайтесь. Меня Андрей Иванович зовут.
- Сапункова Ирина Анатольевна.
- Ирина Анатольевна, я пригласил вас для дачи показаний по факту убийства Андрея Роднина. У вас есть, что сказать по этому делу?
- Я ничего по этому делу не знаю!
- Вы же встречались с Андреем?
- Встречалась. Сначала он с моей сестрой встречался, а потом на меня перекинулся. Но этого у нас не было, вы не подумайте! Я до свадьбы никому! Так ему и сказала – если невтерпёж, то иди к Жанке, эта сисястая всем дает!
- Жанна Фомичева?
- Она самая. Сгорела вместе с бабкой – ведьмой. Наказал бог за убитых детей.
- Она детей убивала?
- Аборты делала...
- Понятно. Давно вы с ним?
- С весны...
- Хорошо. Вас потрясло убийство?
- А вы как думаете?
- Думаю, что да. Кого же вы подозреваете?
- Да кого угодно! Андрей был хорошим парнем, но многим не нравились его шутки.
- У вас любой может за шутку убить?
- Смотря за какую... У нас судимых много... Но я бы проверила немцев этих: Володьку и Андрея Шнеппе. Какие-то они не такие.
- В чем это выражается?
- С девочками нашими не гуляют, да и от ребят особняком держатся. И смотрят все время как-то хитро, как фашисты в кино. Им же посылки из Германии приходят каждый месяц, а они потом жвачками и шоколадками спекулируют в Афоньевке.
- Какое отношение спекуляция имеет к убийству?
- Так старший ихний – Андрей, нашему Андрею деньги проиграл в карты. Может убили вдвоем с братом чтобы долг не отдавать? Жадные они. Мне же этот Володька предлагал встречаться. Пошли с ним раз в клуб. Я говорю: купи самогонки, а он – денег жалко! Жмот! Еще лапоть меня пытался, козел! А потом за банку консервированной колбасы предлагал! Нашел дуру, за жестянку ноги раздвигать, баран!
- Андрей Шнеппе не предлагал вам встречаться?
- Он еще чуднее... Говорят, с мальчиком этим, Адамом Финкелем у него что-то... Вроде как ходят вдвоем. Даже видели их – как за ручки держались...
- Проверим. А что про Кибековых сказать можете?
- Говорят, они наркотики продают...
- Кому?
- Заурбек в Афоньевке продает. Точно я не знаю.
- А попыток встречаться с вами или сестрой они не делали?
- Заурбек пытался к Ленке лезть, но она его отшила. Все знают, что они у себя с козой это самое, живут, да и воняет от них, – Ира сморщила носик, – а младший их, не знаю, как звать, за бабами в банях подглядывает. Брат мой Стасик ему трусы Ленкины продал.
- Однако, – крикнул Андрей Иванович.
- И не говорите. Совсем молодежь с этой перестройкой с ума посходила!
- Вернемся к убийству. Вы знали, что Андрей за грибами собирался?
- Нет. Он со своими друзьями – придурками табунился, не до меня ему было. Сами понимаете, не дала, так зачем нужна?
- Стесняюсь спросить, а сестра ваша дала? – смущаясь спросил следователь.

– Сама не сказала, дурочка? Дала на свою голову. Потом бегала деньги на аборт искала, овечка!

– Она сделала аборт?

– Весной. Сходила к Фомячихе, та ей каких-то отваров дала и настоек. Рассказала, как пить. После этого Андрей и стал ко мне клинья бить. Видать, думал для коллекции и меня обрюхатить.

– Может быть... Так зачем вы стали встречаться, если знали о положении сестры?

– Понимаете... С ним многие хотели, а так я всем нос утерла! Да и, признаюсь, хотела за Ленку отомстить.

– Как?

– Придумала бы по ходу. А так не успела... Кто-то его убил, – она задумалась.

– Еще что-то можете добавить?

– Нет, я уже и так много наболтала.

– Хорошо, – следователь протянул бланк протокола, – прочти и если все верно, то напишите снизу: «С моих слов записано верно. Мною прочитано» и распишитесь.

Раздался робкий стук в дверь.

– Войдите!

За открывшейся дверью стоял пожилой мужчина в воглой штормовке, очках в роговой оправе и шапке-петушке. Руки его нервно теребили ободранный кожаный портфель странного апельсинового цвета.

– Здравствуйте. Меня зовут Виктор Григорьевич Вайнштейн. Я ветврач.

– Очень приятно, Андрей Иванович. Проходите, я вас хоте пригласить завтра, но ничего страшного.

– Я решил сам, добровольно и чистосердечно... Отдать себя в руки следствия...

– Признаться в содеянном? – подмигнул следователь.

– Совершенно верно! Чистосердечно признаться! – в волнении заерзал на стуле Вайнштейн.

– Признаться в убийстве?

– Господь с вами! Я Андрея не убивал!

– В чем тогда желаете признаться?

– Директор меня заставил! Я не сам!

– Что заставил?

– Написать справку на свою корову, точнее, на его корову. Которая сдохла...

– И вы написали?

– Написал, куда мне было деваться?

– Знаете, чем это грозит?

– Готов по всей строгости закона, – судорожно вздохнул ветеринар, – но прошу учесть раскаяние и чистосердечное признание.

– Хорошо, учтем. Напишите объяснительную по факту и...

– Уже написал, – Виктор Григорьевич протянул следователю мелко исписанный лист бумаги.

– Х-м... – Андрей Иванович взял лист, бегло пробежал глазами, отложил на стол, в сторонке от протокола, – а какова причина смерти?

– Не знаю, я определить не смог, – поник головой Вайнштейн.

– А у Родиных почему корова сдохла?

– Тоже не знаю...

– Симптомы одинаковые были?

– Нет, вышло такое дело, у Родиных корова сдохла в тот же день, а вот у Андреевых умерла через день и сначала ослепла, а только потом сдохла.

– И что случилось с тушей?

– Вот, – ветврач смущенно достал из портфеля еще один лист бумаги.

– Главбух вас тоже заставила? – изучив очередной донос, спросил Андрей Иванович.

– Совершенно верно, заставила.

– Почему же только про директора сразу достали докладную?

– Каюсь, запомнил от волнения, – начал юлить Вайнштейн.

– Хорошо, поверю, – следователь положил вторую кляuzu поверх первой. – А про убийство Андрея, что можете сказать?

– О мертвых или хорошо ли никак.

– В интересах следствия...

– Пакостный был мальчонка. Любил он гадить окружающим.

– Например?

– Гаденьш украл у меня на ферме упаковку вазелина и постоянно мазал им мою калитку и дверную ручку. Думал, что это смешно, придурок.

– И вы не пытались как-то на него повлиять?

– Как на это быдло повлияешь? Я, знаете ли, человек интеллигентный, к насилию не расположен, а подобные особи слов не понимают. Зайдите в клуб, посмотрите. Там все стены в надписях типа: «ДМБ-87», «Черный кофе», «Сектор Газа».

– А вы пробовали с ним разговаривать?

– Пробовал... Он, – губы ветврача мелко задрожали, – пинка мне дал и ушел, хохоча как безумный.

– Родителям Андрея пробовали жаловаться?

– Чтобы он меня сжег?

– А что, были предпосылки? Угрозы?

– Ну... – замаялся Виктор Григорьевич, – от подобных типов сего можно ожидать.

– Участковому? Вы, я смотрю, любите жалобы писать.

– Просто у меня твердая гражданская позиция!

– Так писали участковому или нет?

– Писал, дважды, но из скромности не подписался.

– Анонимки, значит?

– Почему сразу анонимки? Просто сигнал органам.

– Участковый как-то повлиял на Андрея?

– Как он мог на эту сволочь повлиять? Тот перед ним просто паясничал вместе с друзьями своими.

– Понятно. Идите, если будет надо, то мы вас вызовем.

– Повесткой? – вскочил со стула ветврач.

– Можем и повесткой.

– Спасибо, – спиной попятился к двери Вайнштейн, – я всегда органам рад помочь, только обратитесь.

– Будем иметь в виду.

V

К обеду в общежитие вернулся усталый Вячеслав.

– Что у тебя, Слава?

– Поговорил я с егерями. Говорят, что с местными проблем почти нет, но бывает, что при встрече обмениваются выстрелами.

– Дикий Запад какой-то! Дети с дубинками и самострелами, взрослые в егерей стреляют.

– Если бы только взрослые. Виталик наш тоже замечен был: попался в заповеднике с ружьем, на требование сдать оружие егерям ответил выстрелом.

– Наш пострел везде поспел. Как они поняли, что это Виталик? Они же из другого района.

– По их описанию вылитый он.

– Возможно. Надо бы очную ставку провести... Это когда было?

– Прошлой осенью.

– Еще что?

– Все как говорил участковый: подтвердили, что есть в заповеднике зоны, где ощущается воздействие на психику человека и животных и места, где внезапно испытываешь сильный ничем не объяснимый страх. Говорят, что там часто бывают густые туманы и компас врет постоянно.

– Объяснение дали какое-нибудь?

– Говорят, что до Чернобыля такого вроде не было.

– Но не уверены?

– Нет. Один из старых егерей два года назад застрелился, второй, по их словам, умер от водки.

– Насчет водки пошли запрос. Надо уточнить, что за причина такая «от водки».

– Это же другой район.

– Ничего страшного, запроси через область. Что с другими егерями?

– Эти стараются без нужды вглубь заповедника не лезть, все больше по границам. Еще сказали, что там что-то вроде снежного человека живет. Лешим его называют.

– Час от часу не легче. Тут же и другие леса такие. Почему заповедник именно там?

– Они не знают, но границы у заповедника еще, как минимум, со Сталинских времен.

А вообще, там ориентироваться тяжело: просек и квартальных столбов нет и никогда не было. Обещали копию лесного плана выслать в Дроновку в райотдел.

– Это хорошо.

– А у вас тут что?

– У меня наклеивается версия – убийство на почве ревности и неприязненных отношений.

– Кто? – Вячеслав взял список жителей.

– Некто Заурбек Киабеков.

– К кому?

– Елена Сапункова.

– Допрашивали?

– Весьма смазливая особа. Горячий южный человек мог на такую красотку запасть.

– И совершить такое преступление?

– Может быть, Слава, может быть... – Андрей Иванович задумчиво почесал щеку.

– Будем вызывать на допрос?

– Пока нет. Я позвонил в район, попросил санкцию на обыск. Завтра приедут райотделовские и прокурорские – проведем обыск.

– Что будем искать?

– Что угодно, но, прежде всего, наркотики, о которых говорят все местные. Вообще тут своеобразный народ: немцы валят на таджиков, а русские – на немцев. Это понятно, люди привыкли обвинять в бедах того, кто отличается. Многим досадил. Вопрос: кто первым решил, что он не тварь дрожащая, а право имеет решить судьбу Андрея? Разберемся... Ты еще успеешь сегодня отыскать местного бича Красотьевича и допросишь на предмет сбора грибов в окрестных лесах, пока я займусь следующим. Будешь выходить, пригласи, кто там в коридоре.

– Хорошо. Ну, я поехал?

– Шофер помогает?

– Василий – хороший парень, водит эту колымагу отлично, вежливый. Оказывается, в разведроту морской пехоты срочную служил.

– Езжай, а после Красотьевича загляни домой к директору, только аккуратно и вежливо пообщайся с женой и детьми, особенно младшим. Проявляй дружелюбие и сразу же демонстрируй ожидание. Не вздумай на них давить!

– Понял.

***

– Куда изволите? – спросил водитель, когда Слава уселся в машину.

– Где у вас Красотьевич обитает?

– Колька-то? Это на «старой» деревне возле директорского большого огорода. Поедем?

– Поехали. А что у директора огород так далеко?

– Там у него большой, с картошкой, – по пути охотно объяснял Василий, – а возле дома – маленький. Сам Коля чудак-человек – директор ему новый дом предлагал после пожара, а он ни в какую. Построил себе халупу и живет в ней бобылем со своей чуней. Разговаривает с ней, чудила, Муськой зовет. Нестоящий человек, даже на гармошке играть не умеет. Нет, чтобы бабу себе найти! А он со свиньей...

– Василий, а вы женаты? – спросил Слава, посмотрев на лежащие на руле жилистые руки. Кольца на правой не было.

– Я-то? Я пока холостой, из армии недавно вернулся. Хочу пока погулять, – заговорщицки подмигнул Василий. – Девочек-то горячих вокруг полным полно, – скабрёзно захохотал он, сверкнув железным зубом.

Славу стал напрягать разговор.

– Хотите познакомлю? – отсмеявшись, спросил водитель.

– Спасибо, не надо.

– Ну, ежели что, то всегда готов.

Въехали на «старую» деревню, двинулись по улице, с правой стороны которой тесно лепились друг к другу потемневшие деревянные домики, а левая сторона обрывом нависала над речушкой, вытекавшей из пруда.

– Это еще довоенная часть, – рассказывал шофер.

– А «новая» вся из финских домиков? – вспомнил слова участкового Слава.

– Да, кроме тех домов, что вокруг конторы – они старые. Еще есть в лесу два дома, что напротив общежития, и улица, от края деревни до конторского сада, на которой стоит дом Родиных – тоже старой постройки.

– Чуть не пол деревни.

– Пол не пол, а четверть будет.

– Почему тогда «старой» только эта часть называется?

– Не знаю, так всю жизнь называли. С той стороны речки – «новая», с этой – «старая». На «новой» у всех водопровод есть, а у директора даже ванна, – яростно рванул рычаг переключения скоростей водитель. – У него в доме еще и кухня сделана. А на «старой» из колодцев воду берут.

Неожиданно машина остановилась.

– Приехали. Вам вон по той тропке, – палец водителя указал на пыльную дорожку меж зарослей крапивы и малины. – Пройдете и увидите в саду справа дом, его тут «хижиной дяди Коли» называют.

Следователь протопал по указанному маршруту. Возле хижины, сколоченной из обрезков досок, фанеры, листов железа и рубероида, вольготно разлеглась огромная пятнистая свинья.

– И у вас в Карельских скалах на общественных началах, если только захотите, будет личный водолаз, – душевно выводил хриплый голос за стеной.

Возле порога валялась драная рогожа. Слава вытер об нее ноги и постучал в покосившуюся на ременных петлях дверь. Свинья лениво приоткрыла левый глаз и окатила приезжего нескрываемым призрением.

– Что надо? – спросила хижина.

– Здравствуйте, мне Николая.

– Заходи.

Слава, пригнувшись, вошел. Внутри дома, на железной кровати под чудом сохранившимся драным балдахинном, серым от многолетней пыли, вальяжно возлежал одетый в кальсоны и застиранную гимнастерку с сержантскими погонами заросший распутинской бородой мужик.

– Чего надо? – с хрустом почесав желтыми ногтями левой ноги правую пятку, спросил он.

– Я следователь, Вячеслав Ильич Латешев, – Слава махнул перед лицом лежащего красной книжечкой.

– Очень приятно! – мужик вскочил и ловко сунул Славе гнутый венский стул, – присаживайтесь. Чай, кофе?

– Спасибо, не надо.

– Может быть немного кальвадоса?

– Нет, спасибо.

– Сигару предложить не могу, – шаркнул ногой по фанерному полу хозяин, – закончились. Надо в Дроновку ехать. Так что вас привело в эту юдоль скорби?

– Я расследую убийство Андрея Родина.

– Помилуй Господи, я-то тут при чем?

– Вас мне рекомендовали как специалиста по здешним лесам.

– Леса здесь удивительные, но в тоже время такие странные. Но насчет специалиста врут, – польщенно сказал Красотьевич, усаживаясь на круглый деревянный табурет. – Что это я? – спохватился он, – ... голый перед гостями. Сейчас!

Он заметался по комнате, нырнул за недоходящую до потолка перегородку, сколоченную из тарных ящиков. Кроме перегородки в комнате были ободранный буфет с мутными стеклами, деревянный круглый стол с жестяным чайником и свечой. Обстановку дополнял большой битый жизнью черный чемодан, стоявший у стены. Хозяин вынырнул обратно в красной шелковой рубахе, серо-синих брюках со штрипками и скукоженных хромовых сапогах.

– Так что вы хотели? – вновь усаживаясь на табурет, спросил он.

– Я буду вести протокол. Не возражаете?

– Мог бы, но не буду.

– Хорошо, – Слава достал из папки бланк и блокнот, ручку. – Фамилия, имя, отчество?

– Николай Петрович Красков.

– Про убийство Родина вам что-нибудь известно?

– Ну как сказать? Знаю, конечно. Как не знать? Как говорится, что знают двое, то знает свинья, а моя Мария всегда в гуще событий.

– В смысле?

- Свиныю мою так величают. Она все новости собирает по деревне и мне приносит.
- Как приносит?
- Она разговаривает, – таинственно понизил голос Красотьевич, – только это тайна.
- Хорошо. И что она рассказывала про убийство Андрея?
- Андрея убили из мести.
- Это вам свинья сказала?
- Называйте ее Марией, прошу вас, а то обидится! – взволнованным голосом тихо сказал Николай и продолжил. – Да, именно она сказала.
- А кто убил?
- Убийц было двое: один выше, другой пониже.
- А имена, фамилии?
- В паспорта им она не заглядывала.
- Еще что-то?
- Его бы убили, даже не зайдя он в этот лес, но когда зашел...
- Почему?
- Судьба такая, – хозяин пожал плечами. – От судьбы не уйдешь. Вот у меня тоже судьбина тяжелая. Дом сгорел, с работы подлю уволили. Только Мария одна у меня отрада. Она из благородных. Ее роду почти сто лет!
- Не знал, что у свиней родословная есть, – изумленно свел брови следователь, – думал, что только у собак.
- Собаки это что? Тьфу, – хозяин смачно плюнул на пол, – плюнуть и растереть, – сапог повозился по плевку, – а в свиньях всегда есть порода.
- Давайте вернемся к убийству.
- Давайте вернемся. Он не первая и не последняя жертва. Мерзкий был мальчонка, между нами говоря. Это из-за него я потерял работу.
- Как?
- Я сторожем на току работал, а он ночью пришел и просил мешок зерна продать. Слаб душой человек, – вздохнул Коля, – я и продал. Я же как лучше хотел, помочь по-человечески. Тут из темноты Владимирыч прыг и меня поймал. Андриюхе-то с Виталиком смех, а меня уволили.
- Виталий тут при чем?
- Он там тоже с отцом был, руки мне крутил, подлюга рыжая! А еще он однажды Марию, душу чистую и непорочную, оседлал и катался на ней, похабщик! Убивать таких надо! Тогда еще и сестра его двоюродная, фифа городская, на несчастную животинку взгромоздилась.
- И что, после увольнения с тока вы не работаете?
- Почему же? Чай я не тунеядец какой, не «лишний человек». Взял меня Владимирыч на ферму сторожем, а тут опять Андриюха этот. И зудит, и зудит, как мелкий бес: продай теленка, да продай теленка. Слаб человек – продал я ему теленка. Директор узнал и опять меня уволил. Чуть под суд не отдал из-за дурака этого. Теперь я вольноопределяющийся. При пилораме временами помогаю, да так, где кому что по мелочам подсобить. Егоровне вон огород охраняю, – кивнул в сторону стенки домика. – Рыбу ловлю, грибы сдаю в заготконтору, живу мало-помалу.
- Понятно. Что про убийство еще можете добавить?
- Мария сказала, что бабка Фомячиха не просто так сгорела. Это месть была.
- Месть за что?
- Этого Мария не сказала.
- Кстати, отчего сгорел ваш дом?
- Я думаю, завистники подожгли!
- Завистники? Вам кто-то завидовал?

– Напрасно вы так думаете, молодой человек. Вон у меня какая умная свинья – любой позарится.

– Думаете?

– Берегу как зеницу ока.

– Не холодно тут зимой?

– Нет, Мария тепла много выделяет, да и «буржуйка» у меня имеется, – хозяин подскочил, прыгнул к буфету и отдернул висящую сбоку замызганную красную штору, размерами и золотым шитьем букв, подозрительно похожую на бывшее знамя, – смотрите.

– Понятно. Насчет местных грибов что скажете?

– Места надо знать, места. В разные годы разные грибы и в разных местах. Кстати, могу сушеных грибов недорого продать – жена суп сварит, пальчики оближете, и будет вам спасибо говорить.

– У меня нет жены, – смутился Слава.

– Жена – дело наживное. Было бы корыто, а свиньи найдутся. И еще запомните, это важно. Всегда, когда варите грибы, нужно обязательно в кастрюлю луковичу класть.

– Зачем?

– Если там есть ядовитые грибы, то луковича станет фиолетовой.

– Да? Не знал. В заповеднике вы грибы собираете?

– Там нет – дурное место. Я туда не ходок.

– А в Чайках?

– И туда не ходок. Змей там много, да и прочая пакость из заповедника забредает.

– Например?

– Лешие всякие, гнус крапивный...

– Мэтушки, что за грибы?

– Чудесный гриб, это вам не какие-нибудь рядовки. Гриб просто чудесный, но редок.

– Опишите.

– Имеет буровато-коричневую или каштановую шляпку, – Слава прилежно строчил авторучкой в блокноте. – У молодых грибов шляпка выпуклая, потом становится плоской с загнутыми кверху краями. Мякоть сначала белая, а затем желто-зеленая, плотная. Ножка плотная, желтовато-коричневого цвета, при нажатии пальцем – синее.

– Как его едят?

– Жарят, варят, маринуют, солят, сушат, бывает, едят сырым.

– Где растет?

– Вот по левую сторону дороги на Борки, напротив заповедника и растут они. Андрей за ними пошел?

– Я не могу раскрывать тайну следствия.

– А их нет еще. Кто-то его обманул. Или он обманул кого-то. Вы долго в Карловке пробудете?

– Не знаю, пока убийцу не найдем.

– Убийц.

– Ну да, убийц.

– Я вам грибов принесу свежих – пожарите.

– Нам некогда, да и не на чем их жарить.

– Я сам пожарю и принесу.

– Не стоит.

– Право слово, мне не трудно. Простые грибы искать и то, говорят, счастье нужно, а уж мэтушки и подавно.

– Спасибо, – Слава протянул Красотьевичу протокол. – Прочтите и если все верно, то напишите снизу: «С моих слов записано верно. Мною прочитано» и распишитесь.

- Ручку можно?
- Возьмите.
- Спасибо.

Получив показания, следователь положил в папку бланк протокола и блокнот с пометками и направился к выходу. Но, не дойдя резко остановился.

– Скажите, – пораженный внезапной мыслью, спросил Слава, – вы же, судя по речи, образованный человек?

– Да, – смущенно покраснел так, что румянец был виден даже сквозь загар и толстый слой грязи Красотьевич, – окончил в Иркутске музыкальную школу по классу скрипка. Творческая, извините за выражение, интеллигенция.

– И что вы делаете в этой глуши? Как вас занесло сюда из Иркутска? – поразился Слава.

– Я же говорю, нелегкая судьбина занесла меня в место, где музыкой считают лишь гармошку да группы «Ласковый май» и «Сектор газа», но я бы не хотел об этом говорить, тем более что перипетии моей жизни никакого отношения к предмету нашего разговора не имеют.

– Понятно. Спасибо за уделенное время, если что-то нам еще понадобится, мы вас обязательно вызовем, – Слава открыл дверь. – До свидания.

– Насчет грибов подумайте, – неслось ему вслед.

Он вышел из хижины, встретив неожиданно внимательный и осмысленный взгляд свињи, и, внутренне поеживаясь под ним, сквозь густой крапивно-малиновый запах, зашагал к машине.

– Скоро еще кто-то умрет! – неслось ему в спину. – Манька не ошибается!

От странного погорельца Слава вернулся к машине.

– Куда дальше? – спросил шофер.

– До директорского дома далеко?

– Вон туда, – рука Василия указала в сторону «новой деревни», – дальше речку пересечь и по тропиночке до асфальта. По правую руку будет сгоревший дом Фомичевых. Перейти через асфальт и дальше по саду прямо – аккуратно с задов к дому выйдете. Но с задов не советуем подходить, у них три собаки – могут порвать. Поедем?

– Поехали, – садясь в машину, решил следователь.

Проселком проскочили по «старой деревне» до прудика.

– Как много скворечников, – обратил внимание смотрящий на тесно жмущиеся друг к другу домики Слава.

– Это старый карловский обычай, – объяснил шофер. – Тут семьями скворцы живут. Годами сюда прилетают. Над каждой хатой свои и их по фамилиям хозяев величают.

– Неужели они так отличаются? – удивился следователь.

– Отличаются! Фроловских скворцов никак с Цапковскими не спутаешь, а скворцов Куцых с Крахиными, – ответил Василий в тот момент, когда газик выбравшись на асфальт, проскочил плотину у озера.

– Вы не шутите? – недоверчиво посмотрел на шофера Слава.

– Никак нет, чистая правда. У любого карловского спросите, если не верите. Как дальше поедем? – затормозил напротив клуба Василий. – Можно по прямой проселком, а можно вокруг по асфальту.

– Поехали вокруг.

– Сад у них знатный, – дорогой рассказывал Василий. – Боровинка, шелковка, штрихель, антоновка, грушовка, скрижапель и прочая замухрышка всякая.

Проскочив асфальтовую петлю, сжимавшую большой фруктовый сад, съехали на проселок, подкатили к мощным воротам. Слева от ограды на пригорке стоял большой кирпичный гараж с двойными металлическими воротами.

– На калитке звонок. Кнопку нажмите, откроют.

Слава вышел из машины, подошел к калитке, нажал кнопку. Во дворе зло залаяли собаки, истошно заорал петух. Минут через десять раздался хруст гравия под чьими-то ногами. В калитке приоткрылось окошко, из него на следователя пристально посмотрела светловолосая женщина.

– Здравствуйте. Вы к Владимиру Викторовичу? Его нет.

– Нет, я к вам, Екатерина Егоровна, – ответил Слава, показывая удостоверение.

– Входите, – лязгнул засов, и калитка приоткрылась, – собак не бойтесь, они на цепи.

Вслед за хозяйкой следователь прошел по двору, по которому лениво бродила пара мощных рыже-бурых куриц. Возле крыльца в горделивой позе застыл крупный разноцветный петух, проводивший Славу презрительным взглядом. Следователь за хозяйкой поднялся на крыльцо.

– Не разувайтесь, – заметив попытку гостя снять обувь на веранде, сказала хозяйка. – Проходите так, я потом полы помою.

– Скажите, а это у вас что? – вошедший Слава с недоумением смотрел на стоявший в прихожей на подоконнике прямоугольный деревянный ящик, в котором росли два ядреных мухомора и полевой хвощ.

– Это? Это мухоморы и хвощ...

– Я вижу. А зачем вы их выращиваете?

– Мухоморы от мух – просто отличное средство. «Дихлофоса» в нашей глуши днем с огнем не сыщешь, да и говорят, что его наркоманы весь скупили. А мухоморов в лесу полным-полно. Еще старшему нашему растирки делаем, у него нога покалеченная. Носятся сломя голову, – проворчала женщина, – потом ухаживай за ними. А хвощ это на витамины. Дети салат из него делают. Это вам не как у других пошлость, что окна фикусами да геранью заставлены. У нас польза сплошная.

– Понятно. Скажите, есть такие грибы мэтушки, – словно между делом спросил следователь. – Слышали ли что-то про них и доводилось ли вам их пробовать?

– Нет, слышать слышала, а пробовать не доводилось. Чайку не желаете испить?

– Нет, спасибо.

– А то, может, лапшички похлебаете? У меня с курицей лапша – пальчики оближешь. Вы не стесняйтесь, у нас все по-простому.

– Нет, благодарю. Я вот по какому делу, – глядя на портреты Сталина и Ленина в позолоченных рамках, висевшие на стене напротив входной двери, справа, сказал следователь.

– Вы про убийство? – не дав договорить, спросила Екатерина Егоровна и перекрестилась. – Страшное дело, страшное! Точно без наркотиков тут не обошлось! Еще и «Дихлофос» из магазинов пропал...

– Много у вас наркоманов в деревне? – теперь взгляд Славы переместился на висящие в простенке меж двух дверей роскошные лосиные рога, украшенные коллекцией головных уборов. Особенно выделялись танкистский шлем и армейская офицерская фуражка.

– У нас-то? У нас, Бог миловал, немного, но есть, как без этого? Как «сухой закон» докатился до нашей глуши, так и появилась нечисть эта.

– А если конкретнее? Можете кого-то назвать? – внимательный взгляд ухватил закрывающие дверные проему занавески из обернутых порезанными открытками скрепок.

– Да что далеко ходить? Среди переселенцев много наркоманов, я уверена...

– Переселенцы?

– Мы так беженцев называем – из Узбекистана, Нагорного Карабаха, Сумгаита. Им тут дома понастроили – целых две улицы. А они, вместо того чтобы работать, приворовывают да наркоманствуют.

– Екатерина Егоровна, скажите, не происходило ли в деревне в последнее время что-нибудь необычное, загадочное или просто странное?

– Полным полно! Как раз перед убийством Андрея дело было: смотрю, курица черная по огороду ходит, падла. Думаю, от соседей прилетела.

– Простите, от каких соседей? Вокруг же нет никого.

– Вокруг нет, а в масштабах деревни... Вон, через дорожку Колька Лобан живет, вон там, – она показала направление рукой, – Иван Гусев – автобусник, а вон там, – очередной взмах руки, – две новых улицы.

– Из такой дали разве могла курица залететь? – усомнился Слава.

– Мало ли, курица-то черная... – Екатерина Егоровна сделала значительное лицо, – я всех оббежала. Бабка Максиманиха, склочня старая, сказала, что это ее курица. Еще все говорила: «Спасибо Валь, спасибо».

– Валь?

– Она меня так называет. Совсем из ума выжила, коряга трухлявая.

– Много у вас тут старушек?

– Хватает. Живучие падлы... Простите. Лет по 90, а все шустряют, да смотрят за всеми, педикюли проклятые.

– В смысле?

– Случается, что и курей воруют. Так вот, я же не досказала. Черед два дня приходит ко мне Ирка Пинчучка и...

– Простите, это какая Ирина? – перебил Слава. – Мать или дочь?

– Старшая, которая продавщица. И спрашивает про курицу. Представьте себе! Это оказалась ее курица! Пошли к Максиманихе, так та в амбицию впала и ни в какую не хотела курицу отдавать! Проныра, каких поискать! Уже и крылья ей подрубила и за ногу во дворе привязывала пастись.

– Как подрубила?

– Топором.

– Крылья отрубила?

– Перья на концах крыльев, чтобы не летала. Это называется крылья подрубить.

– Испугали. Я уже подумал, что совсем отрубила.

– Просто так говорится. Вот так там и было: бабка по клюву хочет погладить, а курица клюется. А к Ирке ластится. Вот говорят, что мозги куриные, а у кур тоже мозги есть!

– Куры у вас как на подбор, – согласился следователь.

– Ой, что вы говорите, – женщина постучала по столешнице и трижды сплюнула через левое плечо. – В нашей глуши так редко встретишь образованного человека...

– Да я почти ваш земляк, а вот Андрей Иванович из Москвы.

– Он старший у вас?

– Да, я при нем вроде помощника, а районные нам обязаны всяческое содействие оказывать.

– Видела его. Приходил к нам в бухгалтерию за талонами на обед. Представительный такой, импозантный... Аж из самой Москвы прислал, – со значением подняла глаза к потолку женщина. – Такое важное дело?

– Я сам удивляюсь, что его прислали.

– Часто вы у себя в городе в театры ходите?

– Да знаете, все как-то недосуг, – смутился Слава.

– Понимаю, все дела да дела... Без театров плохо – прикупишь себе какую-нибудь кофтенку, а выйти в ней на люди некуда. Что я все о своем, да о своем, – спохватилась Екатерина Егоровна. – Вы же по делу пришли. А вы не женаты?

– Нет.

– Ничего, у нас много хороших девушек. Приходите вечером в субботу на танцы, там и познакомитесь.

- В субботу? Но это же завтра...
- Завтра и приходите, – не смутилась женщина.
- Но завтра похороны Андрея... – не понял Слава.
- Похороны в час дня, а танцы в восемь вечера. Успеете.
- А что, танцы будут, невзирая на похороны? – не мог поверить следователь.
- Скорее всего, будут, – непонимающе посмотрела на него хозяйка. – Что тут такого?
- Ну, не знаю... – замялся мужчина.
- Так что вы хотели? – не дождавшись ответа, спросила Екатерина Егоровна.
- Хотел поговорить неофициально, по поводу убийства Андрея.
- Ужасное событие, просто ужасное! Кто мог совершить такое?
- Именно про это я и хотел поговорить. Кого вы подозреваете?
- Я много об этом думала... «Кто же мог такое совершить?» раз за разом спрашивала себя я.
- И к какому выводу пришли?
- Что без чая тут не разобраться, – хитро усмехнулась хозяйка. – Сейчас подам, подождите. У меня временами тонзиллит и я не могу без чая.
- Она быстро принесла из кухни жостовский поднос с двумя кружками чая, сахарницей, глиняной тарелочкой с козинаками.
- Чай не пьешь – какая сила, чай попил – совсем ослаб. Сядем рядком да поговорим ладком. Берите козинаки, не стесняйтесь.
- Спасибо, – отхлебнул напиток Слава. – Чай у вас какой вкусный, давненько такого не пил.
- Чай с травами: чабрец, кипрей, зверобой, шалфей и мята, – отхлебнула из своей кружки женщина. – Дети собирают и сушат, а я завариваю. Вам насыпать с собой мешочек?
- Нет, что вы! Не стоит!
- Зря, очень хороший сбор: и для почек, и для печени, и для желчного пузыря. Только вот... – замолчала она.
- Что?
- Мужчинам со зверобоем надо аккуратнее, если часто его пить, то потенция слабеет кат-стро-фи-че-ски, – по слогам произнесла женщина.
- Слава поперхнулся чаем и закашлялся.
- Зато кипрей убирает воспаление простаты, – женщина увесисто постучала следователя по спине.
- Давайте вернемся к Андрею, – победив кашель, попросил Слава.
- Андрей был парасюта еще тот и злыдень большой. Рот этот широкий, как у налима или лягушки, на Бурбулиса⁴ похож. Хотя родители у него приличные: мама – главбух, отец – бригадир у трактористов. А вот сын получился оторва оторвой, оголтелый какой-то. Еще и других сбивал, подталдыкивал на пакости разные. Плохо влиял на Виталика, надо признаться. А насчет смерти – леса у нас страшные.
- Вы думаете, что если бы Андрей не пошел в лес, то остался бы в живых?
- Не знаю, остался бы или нет, но что в лес пошел зря – это точно. Тут же последнее время НЛО летают.
- НЛО?
- Шары такие огненные. Даже над нашим домом много раз по ночам оранжевый шар видели, что уж про глухой лес говорить?

---

⁴ Генна́дий Эдуа́рдович Бу́рбулис (род. 4 августа 1945, Первоуральск) – советский, российский государственный деятель, в 1990—1992 годах ближайший соратник Бориса Ельцина. Первый и единственный Государственный секретарь РСФСР. Оказал большое влияние на политику российского руководства в этот период. https://ru.wikipedia.org/wiki/Бурбулис,_Геннадий_Эдуардович

– Его убили почти на опушке.
– Вы уверены? Может быть, убили в другом месте, а к опушке потом отнесли.
– Зачем?
– Чтобы быстрее нашли или чтобы предостеречь от походов в лес. Откуда мне знать? Вы следователь – вам и карты в руки. Я вас оставлю на минутку, – встала она со стула и вышла в кухню.

– Привет, – сказал Слава, постучав по столешнице. – Тебя Коля зовут?
– Здравствуйте, – ответили из-под скатерти. – Коля. Зачем спрашиваете, если знаете?
– Хотел убедиться.
– Убедились?
– Тебе там удобно?
– Да.
– Не хочешь вылезти?
– Зачем?
– Ну... – следователь не нашелся, что ответить.
– Вот вы сам и ответили на свой вопрос.

Повисла тишина, нарушаемая лишь тоскливым жужжанием мухи, прилипшей к полоске самодельной липкой ленты, закрепленной на плафоне лампы. Из кухни вышла хозяйка, неся тарелку с большими плоскими котлетами.

– Покушайте, вижу же, что вы голодный.
– Спасибо, как-то неудобно.
– Даже не выдумывайте! Ешьте, вот вилка, вот хлеб.

Слава взял вилку, нацепил на нее котлету, откусил.

– Если надо, то берите соль и перец. Недосол на столе, пересол на спине.

– Спасибо и так вкусно, – следователь быстро расправлялся с едой.

– Я в них зайчатину добавляю, – похвасталась Екатерина Егоровна.

– Да? – удивился Слава, зайца до этих пор не пробовавший. – Разве летом на зайцев можно охотиться?

– А мы и не охотимся. Наша кошка зайцев ловит и домой приносит. Я готовлю их. Не выбрасывать же? – задорно рассмеялась женщина.

– Даже не знаю, – Слава отодвинул опустевшую тарелку. – Давайте вернемся к Андрею.

– Что возвращаться? Печальное событие, но куда денешься?

– Так что вы можете сказать насчет этого убийства? – отодвинул пустую тарелку Слава.

– Скажите, а на следователя трудно учиться? – внезапно задала встречный вопрос Екатерина Егоровна.

– Мне легко было, но я школу с серебряной медалью закончил.

– Вы умный, – вогнала Славу в краску хозяйка. – Наш Коля тоже круглый отличник, а вот Виталик думает в Рязань на десантника поступать.

– С приводами в милицию?

– Да как они узнают? – отмахнулась Екатерина Егоровна. – Коля, выходи.

Подросток выбрался, поправляя очки.

– Здравствуйте, товарищ следователь, – он исподлобья уставился на Славу.

– Здравствуй, Коля.

– Коля, расскажи стихотворение, – велела парню мать.

– Наши куры – дураки

Поклевали бураки

И петрушку и горох

Урожай у нас не плох, – мрачно пробубнил Коля.

– Молодец! – похвалила Екатерина Егоровна. – Теперь иди в свою комнату, не мешай нам с товарищем следователем общаться. – Ну как вам?

– Ну... – Слава попытался подобрать нужные слова... – творчески.

– Вот! – расцвела женщина. – Творческий ребенок, а не гопник из приемника-распределителя. Мы хотели его отдать на скрипке играть, но не получилось.

– Понятно.

– Пойдемте лучше на огород, наберу вам с Андреем Ивановичем свежих огурцов, – встала она.

– Да вы что! Не надо! – испугался Слава.

– Даже и не вздумайте спорить! Столовая из-за поминок завтра работать не будет.

– У нас консервы есть, – робко возразил Слава.

– Консервы это сухомятка, – открыв дверь на веранду, сказала Екатерина Егоровна, – а со свежими огурцами и зеленым луком совсем другое дело. А то на одних консервах недолго и цингу подхватить.

– Да какая там цинга?

– Не спорьте! Кстати, запомните на будущее: взять молодых березовых листьев, грамм сто; залить двумя стаканами холодной воды; настоять три часа и пить по утрам, натошак никакая цинга вас сроду не возьмет.

– Спасибо.

– Идемте!

Славе ничего не оставалось, как послушно плестись следом. Они прошли веранду, спустились с крыльца, прошли в расположенную напротив крыльца калитку, повернули налево, прошли вдоль сплошного забора.

– А чем это у вас так пахнет? – Славе почудился в жарком летнем воздухе сладковатый аромат гнили.

– Это дети двух сорок подстрелили и на яблони в саду повесили.

– Зачем? – изумился следователь.

– От хищных птиц. Мы так и прошлый год делали. Пованивает, конечно, но зато ни ястреб, ни сойка, ни ворона тут не появляются.

– Понятно...

– Это у нас летняя кухня, – показала хозяйка на обшитый плоским шифером домик справа, – это мастерская, – широкий жест на добротное дощатое строение слева, – вон летний душ, – указала на большую бочку, стоявшую на конструкции из мощных брусков, стенами которой служили листы старого шифера, – а вот и огород, – она распахнула калитку, – проходите, не стесняйтесь.

На огороде росло четыре яблони, два крупных подсолнуха, стоял парник и две теплицы: деревянная под пленкой и железная под стеклом. Остальное место занимали аккуратные грядки и буйные заросли малины, тянувшиеся по периметру высокого забора. За ним качались яблони сада.

– Это что за цветы? – указал следователь на цветы тёмно-пурпурно-фиолетовой окраски, росшие возле забора.

– Флоксы, они ночью прямо как духи пахнут. Тут так чудесно принимать воздушные ванны. Разденешься, и никто тебя не увидит, – женщина с ожиданием посмотрела на Славу. – Не желаете?

– Нет, что вы! – испугался он.

– Жаль, – вздохнула она, нагнувшись и вырвав какой-то сорняк. – Повилика противная трава, американка еще хуже. Вон там у нас репа растет, – указала хозяйка. – Пробовали репу?

– Нет.

– А брюкву вы пробовали?

– Тоже нет.

– Как же вы живете? – рассмеялась Екатерина Егоровна. – Держите, – женщина на ходу ловко подхватила стоящее возле больших железных бочек, выстроившихся вдоль задней стены мастерской, зеленое пластмассовое ведро и всучила Славе, – сейчас свеженьких огурчиков нарву вам.

Они подошли к парнику и Екатерина Егоровна, нагнувшись, начала споро рвать огурцы с длинных плетей. Слава, чтобы не таращиться на обтянутый легким платьем оттопыренный зад, начал вертеть головой по сторонам, будто его душил воротник.

– А что это у вас такое? – спросил он.

– Где? – разогнулась хозяйка.

– Вон там, под окном, и под другим тоже...

– А, это, – потеряв интерес, женщина вновь начала срывать пупырчатые огурчики, – это бороны.

– Почему они зубьями кверху лежат? – не понял Слава.

– От нечистой силы, чтобы через окна в дом не проникла, – небрежно ответила Екатерина Егоровна, – ну и от воров тоже.

– Ничего себе, – мысленно прикинув, как такие зубья пробивают обувь вместе с стопой, присвистнул следователь.

– Не свистите, денег не будет!

– Извините, я случайно, – смутился Слава.

– Так, теперь лук, – перешла к другой грядке женщина, – в нем витаминов много.

– Спасибо, – таская за ней почти полное ведро, сказал Слава. – Правда, неудобно. Может не надо?

– Надо Федя, надо. Заботиться о вас – долг каждого порядочного человека и гражданина, – усмехнулась хозяйка, – не переживайте так, денег я с вас не возьму, – она споро надрала большую охапку лука.

– Да что вы говорите такое!

– Вот и славно, – всучив лук Славе, она двинулась к калитке. Нагруженный следователь тащился следом.

– Да я и не думал про деньги, – окончательно смутился Слава.

– Напрасно, в вашем возрасте надо либо о девушках, либо о деньгах думать.

Слава смущенно молчал, став красным, словно вареный рак.

– Ничего, глядишь приглянется вам какая деревенская, – игриво, но ощутимо ткнула Екатерина Егоровна крепким кулачком следователя в печень.

Слава с трудом удержался, чтобы не согнуться от боли.

– Ведро можете взять, потом передадите или в бухгалтерию занесете.

– Пойдите здесь, – доведя Славу до крыльца, распорядилась хозяйка, – я сейчас. Не шалите тут!

Она направилась налево к кирпичным сараям и скрылась в одном из них. Слева что-то довольно хрюкнуло. Слава посмотрел туда и увидел загон для свиней, где в грязи нежилась две свинки, с интересом рассматривая незнакомца. Внезапно Слава ощутил сильный удар по левой икре. Нога, не выдержав удара, подломилась, и следователь бы упал, если бы, уронив ведро и лук, не вцепился руками в ограду загона. Последовал второй удар, не менее сильный. Слава, оторвав правую руку от ограды, слепо махнул за спину. Рука не встретила сопротивления, инерция удара развернула Славу. Перед ним никого не было. Пока он, держась левой рукой за забор, изумленно таращился на пустое крыльцо, голень обожгло новым ударом. Посмотрев вниз, он увидел разъяренного петуха, который расставив цветные крылья и распушив пышный хвост, пламенея роскошным гребнем, вновь приготовился к атаке.

– Ах ты, разбойник! – что-то, просвистев в воздухе, ударило крылатую бестию в голову. Петух, потеряв сознание, кулем рухнул на землю под ноги Славе. Голова его была залита разбившимся яйцом.

– Дикая птица, – извинилась Екатерина Егоровна, подходя с плетеным лукошком, полным куриных яиц. – Никакого сладу с ним нет! Одно и греет, что красивый и голосистый, да двор не хуже собаки от воров охраняет и цыплят от сорок да ястребов бережет. С вами все в порядке?

– Да, – робко улыбнулся Слава, отпуская забор и делая неуверенный шаг, – не волнуйтесь, я соберу, – присев на корточки, он поспешно начал собирать дрожащими руками рассыпавшиеся огурцы, радуясь, что есть возможность спрятать от женщины глаза.

– Вы уж простите, – поставив лукошко на крыльцо и подняв разбитую яичную скорлупу, сказала хозяйка, – совсем про этого негодника забыла. А он чужих не любит.

– С ним ничего не случится? – с опаской посмотрел на поверженную птицу Слава.

– Да что с ним может случиться? – всплеснула руками хозяйка. – Очнется и будет как новый, не волнуйтесь.

Следователь собрал огурцы, подобрал пыльный лук, и, беспрекословно взяв всученное женщиной лукошко с яйцами, поспешил к выходу с опасно-гостеприимного двора.

– Яйца можете прямо сырыми пить, это полезно, – провожая, поучала его Екатерина Егоровна. – Приходите к нам на ужин. И старшего своего берите. Мы гостям всегда рады. Посидим, вина выпьем. У нас вино свое, просто чудесное.

– У вас и виноград есть? – не смог скрыть изумления Слава.

– Винограда пока нет, но Виталик из яблок вино делает.

– Спасибо, попытаемся, – нырнул в приоткрытую калитку Слава.

– Вам надо йодную сетку на ногу на ночь сделать, – неслось ему вслед. У вас есть йод?

Или дать?

– Конечно, есть. До свидания.

– Не забудьте обработать. До свидания.

– Куда дальше поедем? – спросил Василий, деликатно не глядя, как Слава сгружает в машине сзади подношения директорской жены.

– Давай к внучке Фомячихи заедем.

– Она у Фирса живет. Опять на «старую» деревню ехать.

– Что делать, служба у нас такая.

– Я вас для разнообразия другим путем отвезу.

Машина выехала по грунтовке обратно на асфальт и поехала в сторону фермы. По левую сторону возвышался высокий холм песчаного карьера, а по правую тянулся сад. С ветерком доехали до фермы.

– Вот тут можно короче проехать, – машина свернула на неприметный проселок.

– Приехали. Вон его дом.

Слава вышел и направился к дому. Открыл калитку, закрытую на петлю из алюминиевой проволоки, вошел в заросший травой двор, дотопал до крыльца, поднялся на него, постучал в дверь. За дверью царил тишина. Постучал еще раз – снова без результата. Спустившись с крыльца, постучал в окошко. Никакой реакции. Не дождавшись ответа, развернулся и направился к машине.

– Нет никого.

– Это бывает, – согласился Вася, погладив нос с заметной горбинкой. – Фирс часто на яблонях в директорском саду сидит.

– Сидит?

– Натуральным образом. Забирается на яблоню, а к ночи начинает песню петь: Мы, пионеры – дети рабочих. Так, бывает, полночи завывает.

– Ничего себе! Много пьет?

– Есть такое.

– Почему его Фирсом зовут?

– Имя такое, а фамилия у него Дворецкий. Отчества не помню.

– А Татьяна, племянница, где может быть?

– Танька-то? Да где угодно, девка хлопотливая, не то, что Жанка была, земля ей пухом.

– Вы ее хорошо знали?

– Ну как сказать? – отвел взгляд шофер, – было пару раз после клуба у меня с ней. Гуляла она. И ладно бы просто гуляющая была, а деньги с мужиков брала. Горячая девка была, фигуристая, могла у мертвого поднять... Хотя и играла с куклой.

– С куклой в таком возрасте?

– Была у нее кукла большая такая, красивая, с белыми волосами и большим розовым бантом. Даже не знаю, откуда она у нее взялась. Я как-то спросил, а Жанка не ответила.

– Так где можно Таньку найти?

– Не знаю. Садитесь, проедем вдоль сада, Фирса поищем.

Машина медленно двинулась по асфальтовой петле, стягивающей сад.

– Вон там, – показал налево Вася, – пепелище ихнее.

– Почему загорелось?

– Люди болтают всякое, что Бог наказал, но я думаю, что это был поджог.

– Кто?

– Корейцы.

– У вас и корейцы есть? – изумился следователь.

– У нас всякой твари по паре имеется, – машина затормозила. – Пойду посмотрю его.

Шофер вышел, спустился с насыпи, прошел в сад, присел, чтобы лучше видеть между стволами яблонь. Вернулся обратно.

– Тут не видно, дальше поедем.

– Вкусные тут яблоки? – спросил Слава.

– Яблоки, – повторил Василий, повернув голову и внимательно посмотрев на следователя, – у нас яблоки до яблочного Спаса никто не ест!

– Я же не знал, – смутился Слава, которому стало неловко о того, что ненароком бес тактно коснулся местного обычая.

Так объехали по асфальту весь сад.

– Странно, нет нигде. Поехали на озеро, – решил Василий. – Он там часто в кустах прячется – подсматривает за девками, которые за старой кузницей переодеваются.

– И все про это знают, что подсматривает?

– Знают, шила в мешке не утаишь. Пускай подсматривает, импотент старый, от девок не убудет. Говорят, – водитель понизил голос, – что он с Жанкой раньше того...

– С племянницей? – не поверил Слава.

– А что тут такого? – пожал плечами Василий. – На Западе, говорят, раньше аристократы постоянно меж собой женились. Особенно во Франции племянниц того, нам старшина на политинформации рассказывал про их нравы.

– Я не был во Франции, – не стал развивать скользкую тему Слава. – А как фамилия у корейцев? Я что-то не помню в списке корейских фамилий.

– Козловы их фамилия. Они в Союзе родились, но сами корейцы. Их дом возле нового магазина стоит.

– Зачем им поджигать было?

– Мать ихняя, корейцев, крепко поругалась с бабкой Фомячихой накануне, – машина прыгнула с асфальта и подъехала к пляжу, остановившись под березой. – Кто их знает? Обиделись и подожгли. Пойдемте, – Вася вышел из машины и пошел по песку, здороваясь с загорающими девочками и парнями. Слава шел за ним.

– Вон кузница, – шофер шагнул в обход стены. Из-за угла раздался девичий визг и в Василия полетел мокрый верх от купальника.

– Мы по делу, дуры, – поймав мокрый лифчик, спокойно сказал Василий.

– Знаем, какие у вас дела!

– Что вы знаете? Тут следователь со мной.

– Правда? Молодой? – из-за бревенчатого угла показались две полуодетые девушки. – Здравствуйте, – дуэтом поздоровались они со Славой.

– Здравствуйте, – смущенно поздоровался Слава, пытаясь отвести глаза от налитых юных прелестей.

– Вась, лифчик-то верни, – сказала та, грудь которой была пышнее.

– Бери, – водитель вернул хозяйке предмет туалета. – Фирса тут нет?

– Нет и не было сегодня.

– Точно?

– Сходи проверь, Анискин, – захихикала она. – Все лучше, чем девок щупать.

– Пойдемте, – Вася гордо прошел мимо девушек и кузни, углубился в прибрежные заросли.

– А вы на танцы придете? – спросила Славу девушка.

– Не знаю, – поспешил он за шофером.

Вслед раздался задорный девичий смех.

– Вон там обычно сидит, – Вася кивнул на кусты, – тут у него лежка. Меж кустов была положена охапка сена и камыш.

– Отсюда все видно.

Слава присел – сквозь выщипанные на кусте листья кузница была как на ладони. С озера доносился жизнерадостный гусиный гогот.

– Разлилось-то как нынче, – кивнул Василий. – Считаю, что в два раза «зеркало» увеличилось

– Ясно, – неопределенно отозвался следователь.

– Ума не приложу, где его еще искать, – возвращаясь к машине, говорил шофер.

– Поехали в общежитие.

– Как скажете. Как вам наши девчонки?

– Ну...

– Это сестры Сапунковы – горячие штучки. Как в хороводе пляшут, любо-дорого поглядеть, – прищелкнул языком шофер. – Скоро по дойкам покойную Жанку обгонят. Кстати, с Андреем гуляли.

– Спасибо за информацию. Проверим. А что за хоровод? – невольно заинтересовался следователь.

– На Купалу, праздник такой в июле, – изумленно уставился на него водитель. – Вы городские его и не знаете, небось?

– Нет, – смущенно признался Слава.

– В ночь на Купалу⁵ папоротник ищут, а девки венки плетут да гадают по ним. Хороводы пляшут, через костры сигают, а вот потом, – водитель похабно захихикал, – какую где поймешь ту и того, го-го-го! – как застоявшийся жеребец заржал он.

---

⁵ Ива́н Купа́ла (*Ива́нов день*, *Купальская ночь*) – народный праздник восточных славян, посвящённый летнему солнцестоянию и наивысшему расцвету природы и отмечаемый 7 июля (24 июня по «старому стилю»). По времени проведения совпа-

Приехав, Слава отчитался старшему товарищу и начал читать протоколы допросов.

– Сначала ослепла, а потом сдохла... Где-то я это уже слышал?

– Вспомни, – оторвался от рисования каких-то схем в блокноте Андрей Иванович.

– Савкин? От формалина.

– В точку Слава, в точку! Похожие симптомы.

– Думаете, корову Андреевых и Савкина отравил один человек?

– А что, тут на каждом шагу формалин валяется?

– Получается, что либо один человек, либо, как минимум, формалин у разных людей из одного источника – из школы.

– Получается, что так.

дает с христианским праздником Рождества Иоанна Предтечи. В календарном цикле симметричен Рождеству (Коляде). Ночь накануне праздника по своему ритуальному наполнению превосходит сам день Ивана Купалы. https://ru.wikipedia.org/wiki/Иван_Купала

VI

Накануне мне приснился странный сон: за столом в нашей школьной столовой, сидел одетый в школьную форму и красный галстук Юра Савкин.

– Компоту пожалел? – спросил он, указывая на стоящий на столе стакан с желтоватой жидкостью.

– Нет.

– Напрасно, вкусный компот. Был... пока вы, уродцы, его не разбавили.

– Я тут не при чем, ты же знаешь.

– А с чего ты взял, что я знаю?

– Если ты мне снишься, значит, ты моя совесть. А моя совесть перед тобой чиста.

– Совесть разве можно верить? – мертвый одноклассник ловко сунул указательные пальцы себе в глазницы и, вынув глаза, положил их на стол. – Тем более что ее у тебя нет.

– Юра, ты не знаешь, кто тебя убил?

– А ты знаешь?

– Андрей?

– Андрей? Ха-ха-ха, – Юра рассмеялся, одновременно пялясь на меня глазами со стола и уткнувшись пустыми глазницами. – Андрей-то тут при чем? Андрей и сам уже со мной.

– Не Андрей?

– Не могу спросить – ему глотку забили опилками, чтобы не шутовал. Дохохмился, ха-ха-ха.

– Так чего ты мне снишься?

– Хочешь, чтобы он приснился?

– Он мне уже снился.

– Да? – глаза посмотрели мне за спину.

Скосил глаза: на плече лежала ладонь, пробитая колышком. Повернул голову и встретился с глазом Андрюхи, по которому ползали лесные муравьи. Вторая глазница была кровавой дырой с неровными краями.

– Спроси, – продолжал смеяться за спиной мертвый Юра, – если сможешь.

– Кто тебя убил? – спросил я мертвого друга.

Андрей скорбно смотрел на меня.

– Написать попроси, если сказать не может, – заливался за спиной Юра.

– Заткнись ты.

– А что ты мне сделаешь?

Развернувшись, я сделал шаг вперед и открытой ладонью прихлопнул глаза. Как будто яйцо лопнуло с мерзким звуком.

– Ты что творишь, паскуда! – грозно топорщил брови над пустыми глазницы Юра.

– Заткнись!

Вновь повернулся, надеясь увидеть Андрюху. За спиной бесшумно бушевало пламя, пожирая извивающиеся фигуры бабки Фомячихи и Жанки. Я словно замороженный смотрел на этот танец боли.

– Про Таньку все забыли? – раздался надоевший голос.

– А с ней то что?

– Подумай.

Яркая вспышка и мир провалился в крошечную тьму. Я с трудом оторвал голову от твердой подушки. За окном сидела какая-то большая птица и смотрела на меня яркими зелеными глазами.

– Кыш, – я взмахнул рукой.

Вместо того чтобы улететь, она постучала клювом по стеклу:

– Ту-тук-тук-ту тук-тук-тук тук-тук тук-тук-тук тук-тук-ту ту-ту.

– Албука Морзе, – пронзила мысль.

– Это Морзе? – удивляясь сам себе, спросил я.

Птица утвердительно закивала головой и вновь начала стучать по стеклу:

– Ту-тук-тук-ту тук-тук-тук тук-тук тук-тук-тук тук-тук-ту ту-ту.

– П-о-м-о-г-и, – вслух прочел я.

Птица, услышав это, внезапно расхохоталась и улетела. Я, повозившись со шпингалетами, открыл окно. На подоконнике лежали две кучки свежих сосновых опилок. Свет фонаря отражался в зубьях лежащей под окном бороны – мать так защищала дом от нечисти.

****

– Здравствуйте, Андрей Иванович. Вы просили прийти.

– Здравствуй, Виталий. Проходи, присаживайся. Спасибо, что пришел. Рассказывай.

– Что рассказывать?

– Все рассказывай, тебе есть, что мне рассказать, – он пристально смотрел мне в глаза. –

Разговор это не для протокола, он останется между нами, так что можешь не стесняться и не врать.

– А с чего начать? – хотелось отвести взгляд, но я пересилил себя.

– Начни с пожара в погребе Родиных.

– Насчет погреба... Мы не специально, просто бензин сильно полыхнул. Еле выскочили, а он сгорел. Нас потом Вера Андреевна чуть не убила.

– А что такого вы с бензином в погребе делали?

– Мы, – я потупился, – хотели демона вызвать.

– Х-м...

– Ну, вроде как в шутку. Нарисовали пентаграмму куриной кровью...

– Кровь откуда?

– Мне тогда мать курицу поручила зарубить, я зарубил и подвесил вниз шеей над банкой – кровь стекла в банку.

– Ты всегда курей рубишь?

– Да, мать боится, а отцу некогда.

– Про пентаграмму откуда узнал?

– У матери есть книги старинные, от ее отца остались. Он вроде колдуна был деревенского. Из книг я и вычитал.

– Любознательный ты. Так что там с демоном?

– В общем, дело было так.

– Зажигай свечи! – командовал я, подглядывая в набросанный в ученической тетради в клетку конспект ритуала.

– Да зажигаю я, – чиркал спичками Андрюха. – Спички плохие.

– Не так зажигаю, против часовой стрелки зажигаю!

Головка спички, отскочив, попала в пластиковую канистру с бензином, стоявшую на ступеньках. Послышался хлопок и пламя облило ступени.

– Бежим! – заорал я, отбрасывая тетрадь и хватая за рукав Андрюху.

Опалив брови и часть волос на голове, вытащил ошавевшего друга на улицу.

– Погреб! – рванулся он обратно. – Надо затоптать огонь!

– Ведро ищи и воду набирай! – скомандовал я.

Пока он бегал за ведром, загорелись сухие деревянные стены и потолок.

– И когда это было? – уточнил Андрей Иванович.

– В декабре, двадцать второго – как раз в день зимнего солнцестояния.

- Попало вам от родителей?
- За погреб Андрею запретили отмечать день рождения. Пришлось в бане Родиных справлять с тремя банками самогона, флягой браги и большим тазом забродившего березового кваса.
- И это все? – спросил Андрей Иванович. – Я про погреб, а не про закуску.
- Где-то через месяц, это получается в январе, на крыше конторы стал по ночам появляться какой-то странно одетый карлик. Мочился на прохожих, матерился прокуренным басом и блеял, как козел у таджиков.
- Мальчик? Он тогда еще жив был?
- Да, Мальчик. Он в марте где-то удавился.
- А точнее когда? Не помнишь?
- В начале марта, мне кажется. А это важно?
- В таких делах важно все, – следовательно что-то пометил в блокноте. – Продолжай, ты прямо как книгу рассказываешь – заслушаться можно.
- Андрюха прибежал к нам домой: Слышал, на конторе какая-то тварь завелась? – спросил он.
- Да ну, брехня это все, – отмахнулся я.
- Не брехня! Вова-Клопик видел, и Сашка Газон, и Васька Жарик и Машка видели и Куприянов Сашка, – начал перечислять Андрюха.
- Кто это такие? – вновь уточнил Андрей Иванович.
- Клопик – кинобудчик наш, он же почтальон Печкин; Сашка Газон и Жарик на одной улице с таджиками живут, только к карьеру ближе; Машка – это бабки Максиманихи средняя дочка; Куприянов – сосед, что через дорогу он нас на углу жил, который сгорел, – перечислил я.
- Куприянов тоже видел этого карлика?
- Андрей мне так сказал, я сам не знаю, если честно.
- Рассказывай дальше.
- Давай вечером покараулим, посмотрим? – предложил Андрюха. Я подумал и согласился с ним. Неделю мы караулили возле конторы, но никого не видели. А вот на восьмой вечер какой-то непонятный силуэт показался на крыше. Обматерил он нас сверху и начал бросаться снежками. Андрей обиделся и бросился в него кирпичным половинником.
- Откуда он взял кирпич? – перебил меня следовательно. – С собой принес?
- На крыльце лежал. Им дверь приваливали, чтобы не закрывалась от ветра.
- Понятно. Попал?
- Промазал, но лист шифера проломил. Карлик расхохотался и продолжил обзывать нас, перемежая мат мерзким блеянием. Давай сваливать, – решил я. – Надо батюшке сказать. Мы пошли к нам домой. Дома я рассказал отцу про это. Он взял ружье и поехал с нами к конторе.
- Почему не пошел? – уточнил следовательно.
- Я откуда знаю? У него спросите. На машине быстрее, чем по снегу. Мы доехали до конторы.
- Где? – спросил отец.
- Вон там был, – показал я рукой.
- Там? – отец включил свой любимый фонарик. – Смотри, шифер поломан. На фонарик, держи его, свети равномерно.
- Тут на границе луча фонарика метнулась темная тень. Отец, недолго думая, вскинул ружье и шандарахнул из обоих стволов. Картечь звучно хлестнула по крыше, в треске шифера послышался вскрик. Я поймал в пятно света валяющуюся с конька фигуру.
- Завалил! – радостно заорал отец, переламывая стволы и перезаряжая оружие. – Пошли, добьем!

– Ты хочешь сказать, что отец умышленно стрелял в человека, а потом хотел добить его? – недоверчиво переспросил меня следователь.

– Это существо человека напоминало только отдаленно. Да и не смог бы человек так по заледенелой крыше скакать.

– Хорошо, продолжай.

– Мы обежали контору, но никого не нашли. Только след в сугробе от чьего-то тела. Следов крови на снегу не было. Но после этого больше никто на крыше конторы не скакал. И уж тем более на прохожих не мочился.

– Следы от выстрела я на крыше видел, но все равно верится с трудом. Больше ты эту фигуру не встречал?

– На прошлой неделе я полез ночью на грушу в конторском саду. И наткнулся, почти на верхушке, на какую-то тварь бесформенную, с красно-желтыми глазами, которая на меня кинулась. Упал и летел до самой земли. Несколько веток толстых по пути поломал.

– И что ты делал дальше?

– Домой побежал, за святой водой и осиновым колом. Когда вернулся, то уже никого на груше не нашел.

– Как думаешь, что это было? – скептически посмотрел на меня Андрей Иванович.

– Елизавета Харитоновна сказала, что это шуликун был. Она в детстве таких видела.

– Что такое шуликун?

– Это, по ее словам, жутко вредные типы. Со второго января и до Крещения они бегают по улицам с горячими сковородами или железными крючьями и утаскивают грешников под воду. Росту, как правило, небольшого. Одеваются же они как завзятые щеголи – в белые кафтаны, подпоясанные цветными кушаками.

– Ни разу не слышал про такое чудо.

– Это не чудо, а сила нечистая, – уточнил я. – Вообще нечистая сила любит селиться в кронах груш, ореха и вербы; в болотах, могилах, на перекрестках; в подвалах, колодцах.

– Веришь в нечистую силу?

– Не то чтобы очень, но все в Карловке верят, а дыма без огня не бывает.

– А святая вода у вас дома откуда?

– Отец Василий в Дроновской церкви святил, а мать привезла.

– У отца ружье – он часто на охоту ходит?

– Зимой со своим кумом – Колиным крестным ходят.

– Твой отец коммунист, но крестил сына?

– Это мать настояла.

– Понятно. Так что с кумом?

– Леонид Филиппович в городе на заводе работает, наш совхоз у них подшефный, крестный зимой отпуск берет и приезжает к нам. Живет у соседа нашего, Кольки Лобана, днем на охоту ходит, а по вечерам играет у нас в карты. Мы в «дурака», по парам, вчетвером, играем. Я с Филипповичем, а Коля с отцом в паре.

– Ты ходишь с ними на охоту?

– Бывает, но я чаще за орляком хожу.

– Орляк это же папоротник?

– Да, очень вкусный.

– Листья жарим, молодые побеги в соленой воде отвариваем.

– Грибы, ягоды? Говорят, в заповеднике на болотах клюквы много?

– Клюквы на мшаниках⁶ говорят много, – согласился я, – но я туда не хожу. А так, грибы и ягоды само собой. Еще листья земляники на чай.

---

⁶ Мшаник – сухой или болотистый участок земли, покрытый мхом.

– И как ты матери грибы и ягоды объясняешь?

– Говорю, что в посадке набрал.

– Верит?

– Я откуда знаю?

– Вернемся к охоте. А в заповедник не заходили?

– Нет.

– Совсем?

– Ну... был однажды случай... Это было в первый год после того как мы сюда переехали. Решил отец взять меня с собой на охоту. Дошли по дороге, до конца асфальта, в направлении Борок. Справа от дороги на дереве висела табличка, во многих местах пробитая дробью – заповедник.

– Туда пойдем, – указал отец на табличку.

– Мы же будем браконьерами тогда.

– Ну, мы не то чтобы на охоту, – замялся отец, подбирая слова. – Мы скорее на разведку.

Туда местные на рыбалку ходят – озер там лесных много.

Где-то с час мы шли по сильно заросшему лесу, а потом вышли на большую поляну, в конце которой сверкало озерцо.

– Давай не пойдем туда? – глядя на лужи с застоявшейся вонючей водой, в которых плаваладохлая рыба, сказал я.

– Почему не пойдем? Отличное место. Знаешь, какие там линии водятся? – вот такие – отец широко развел руки. – Чудесная рыба. Положишь его в горячую воду, чтобы слизь смыть, потом соскоблишь чешую и в котел. Уха вкуснейшая получается. А когда назавтра застывает, то становится как холодное – на три пальца янтарного застывшего жира.

Мы подошли к озеру.

– Костер разожги, а я пройду по округе, – возле этого озера оставил меня отец. – И за рюкзаком смотри, чтобы не украли!

– Да кто его тут украдет? Тут же нет никого.

– Мало ли? Сейчас нет, а через час набегут...

– Кто набегит?

– А я откуда знаю? Кто-нибудь да набегит...

Он, обвешанный патронташами и ягдташами, с болтающимся на шее компасом, напоминал карикатуру на охотника. Попрыгал, проверяя, нет ли звона, и важно потопал по берегу озера. Вскоре скрылся в зарослях. Спустя примерно час я услышал выстрелы.

– Выстрелы? – уточнил Андрей Иванович. – Может, это отец стрелял?

– Нет, выстрелы были с другой стороны, не той, куда он пошел. И стреляли это не охотничьи ружья. Потом наступило некоторое затишье, опять сменившееся стрельбой и звуками взрывов.

– Взрывов? – вновь не выдержал следователь. – Ты не ошибся?

– Нет, это были именно взрывы. Потом наступила тишина. Даже птицы замолчали, и деревья не скрипели на ветру. К тому времени я был сильно напуган. А потом стала играть музыка, как будто патефон, и слышались песни на немецком языке. Я понял, что пора отползть. Залез под здоровый пень-выворотень и там затаился. Мало ли – вдруг немцы вернулись? И вот так часа три примерно продолжалось. Точно оценить время я не могу, потому что часов у меня не было. А потом опять наступила полная тишина, и больше уже никаких звуков природных не было слышно. Еще где-то примерно через час, когда начинало уже темнеть, вернулся отец.

– Виталий, ты где? – осмотревшись, позвал он.

– Тут я, – отозвался я из-под пня.

– Где тут? – раздраженно спросил отец. – Почему костер не горит? Рюкзак хоть не потерял?

– Да вот он, – я выполз из своего убежища и продемонстрировал его драгоценный рюкзак. – А ты где так долго ходил?

– Да заблудился я...

– Ты же говорил, что в лесу невозможно заблудиться! И у тебя же компас есть.

– Вот умудрился как-то, – он смущенно покосился в сторону. – Видать, леший водил. Местные предупреждали, что в заповеднике компас врет, а я не поверил. Оказывается, что и правда врет.

Несмотря на то, что носил компас, он заблудился и ходил кругами по одному и тому же месту. Чего, честно сказать, с папашей ранее не случалось.

– А ты почему под пнем сидишь?

– Потому что стреляли...

– Так-то ж охота, понятное дело, что стреляют!

– И взрывы...

– Какие взрывы?

– А я откуда знаю. Тоже охота? Еще музыка была.

– Что за музыка?

– Немецкая, какая-то старинная. Как патефон.

– Странно, я ничего не слышал, – он с хрустом поскреб лысину крепкими ногтями. – Собирайся, надо делать ноги из этого места. Что-то тут явно нечисто. Надо было слушать, когда предупреждали. Больше я сюда не ногой, – Закинул рюкзак на спину и почесал по лесу так быстро, что я едва поспевал за ним. Больше в тот район он на охоту не ходил.

– Откуда отец знал, что в озере водятся лини?

– Не знаю, наверно, сказал ему кто-то.

– Кто?

– Кто-то же рассказал про озера? Вот и про линей он же рассказал.

– Логично, – согласился со мной Андрей Иванович. – А ты не сочиняешь все это?

– А какой мне смысл сочинять? Вы же можете отца спросить.

– И он признается, что ходил на охоту в заповедник?

– Скажет, что хотел посмотреть, а ружье взял для безопасности.

– Хорошо, допустим, он подтвердит твои слова – о чем это свидетельствует?

– Я откуда знаю? Вы спросили про заповедник, я рассказал. А что это должно подтвердить или опровергнуть, откуда мне знать?

– Хорошо, я понял твою позицию. Больше ничего странного на охоте не происходило?

– Странного? – я почесал левой рукой подбородок. – Вообще-то, был еще странный случай.

– Я слушаю, – кивнул следователь. – Ты увлекательно рассказываешь, тебе книжки писать надо.

– Однажды, с Леонидом Филипповичем мы зимой ездили по лесам – искали его пропавших собак. Охота его обычно выглядела так. Он привозил с собой каждый год новых собак. В первый день охоты их терял, а потом весь отпуск колесил на своей оснащенной КУНГом машине ГАЗ-66 по лесам и перелескам в поисках. Время от времени останавливаясь и дуя в пионерский горн, пытаюсь приманить собак. То еще зрелище было, надо заметить. В тот раз, мы с ним заехали в какую-то деревню, не отмеченную на нашей карте.

– Что за карта? – спросил Андрей Иванович.

– Карта военная, «двухкилометровка», 1943 года, очень подробная. Ее Леонид Филиппович где-то по благу достал. Там даже деревни, сожженные немцами, помечены, а этой деревни

не было. Деревня довольно большая, раскидистая. На одном конце деревни висел советский флаг, как у нас на конторе, а на другом – украинский, как у бандеровцев в войну – «жовто-блокитный» с трезубцем.

– Говорят же, что через лес машин нет, как же вы проехали?

– Там колея какая-то была и проселки заросшие. Машин, по словам местных жителей, там не видели со времен немецких танков, которые и проложили эту колею. Там мужики вообще в старинной военной форме советской, в основном, были.

– У вас я видел некоторые мужчины тоже в старой форме ходят, – сказал Андрей Иванович.

– Это со склада выписывают и носят. Отец тоже дома в галифе ходит.

– Понятно, продолжай. Что там, в деревне, было необычного?

Говор там был какой-то дикой смесью из русского, украинского и белорусского языков – такого я больше нигде не встречал. Телевизор один на всю деревню, еще с линзой водяной, вроде КВН-49⁷, и все ходили его смотреть, а хозяин выдавал билеты какие-то. Жили местные дарами леса и скудными колхозными посевами. За пару километров вокруг деревни даже ворон мы не встретили – все повыбили. Тишина стояла жуткая. Техники у них не было, никаких тракторов. Сеяли, сажали и пахали на лошадях и коровах. Мужик, у которого мы ночевали, держал в клетке из металлической сетки лису: – К новому году на стол держу, – пояснил он нам.

Глядя на огромные дыры в закопченном потолке, уточнять про лису как-то особо не захотелось.

– Поужинаете с нами? – спросил его Филиппович.

– Почему бы и не поужинать? – солидно согласился хозяин, доставая из русской печи чугунок с картошкой. – С хорошими людьми поужинать завсегда рад. У вас может, извиняюсь, и выпить есть?

– Выпить? Выпить есть.

Поделились мы с ним консервами и салом, выпили спирта с ним – крестный всегда зимой возит, на всякий случай. Переночевали ночь, с ружьями в обнимку, чтобы нас не съели и рано утром свалили.

– Если мои собаки сюда и попали, то их уже давно схарчили, – сказал Филиппович. – Надо сваливать, а то и нас с тобой схарчат.

– Деревня и деревня, что тут такого то? – пожал плечами следователь. – Обычная провинциальная нищета.

– Если бы, – возразил я. – Через пару лет, опять в поисках собак, мы проезжали в тех местах – никакой деревни там не было! Что на это скажете?

– Не знаю. Собак хоть нашли?

– Собак мы так и не нашли. . .

– А летом он приезжает?

– Летом редко бывает.

– Как его фамилия?

– Федосов.

– Хорошо, проверим, – сделал пометку в блокноте следователь. – Что еще можешь про него рассказать?

– Он боксом занимался, собак любит, женщин и охоту. – Угадайте, что я подстрелил? – однажды, зимой, придя с охоты, загадал он нам загадку. Гадали, гадали – никто не угадал. Оказалось, что утку подстрелил дикую.

---

⁷ КВН-49 (Кенигсон, Варшавский, Николаевский, 1949 год) – чёрно-белый телевизор, выпускавшийся в СССР в различных модификациях с 1949 до 1960 года. Первый массовый телевизор в СССР и один из первых в мире, рассчитанных на стандарт разложения 625/50, принятый в Советском Союзе в 1945 году. <https://ru.wikipedia.org/wiki/КВН-49>

– И что в этом странное?

– Дело, напомню, зимой было.

Следователь непонимающе смотрел на меня.

– Дикие утки на зиму улетают в теплые края. Некоторые теперь даже в Крым улетают. Сказку про Серую Шейку помните?

– Это где уточка раненая была? – вспомнил Андрей Иванович.

– Точно. В другой раз пришел с охоты с набитым рюкзаком. Спрашивает: – Что я подстрелил сегодня? Тут все наученные опытом сразу ему хором: «Утку!». Оказалось, что нет. Опять гадали, гадали – не угадали. Оказывается, подстрелил он щуку.

– Шел я мимо озера лесного. Вижу, в полынье щука плещется и пальнул наудачу. Вот какая красавица.

– А кольца у нее в зубах не было? – поинтересовался Коля.

– Какого кольца?

– Золотого.

– Совсем ты Коля того стал, – вступил в дискуссию благодушно настроенный из-за выпитого вина отец. – Надо бы тебя армянам продать. Они из тебя дурость-то быстро повыбивают.

– У вас тут и армяне есть? – уточнил следователь, взяв из картонной папки и перелистывая какие-то списки.

– Нет, вот только армян и нету, а так все есть.

– А масло к вам армяне приезжали продавать?

– Какое масло? – попытался я прикинуться дурачком.

– Подсолнечное...

– Я ничего про это не знаю...

– А если, чисто гипотетически, допустить, что кто-то привозил масло?

– Чисто гипотетически, может и были похожи на армян, но я не разбираюсь в народностях.

– Не желаешь про это говорить?

Я промолчал.

– А что у тебя в кармане? – внезапно спросил он.

– В каком? – меня такими внезапными вопросами не купишь, но все-таки глазастый черт.

– В правом кармане брюк.

– Не знаю...

– А если попрошу вывернуть карманы?

– Права не имеете!

– В рамках следственных действий...

– Попробуйте! – я вскочил со стула, примериваясь, куда врезать, если следователь попробует встать.

– Я пошутил, – рассмеялся он. Глаза оставались холодными и внимательно наблюдали за мной. – Садись, не стой.

Я, глядя в худощавое серьезное лицо Андрея Ивановича, аккуратно присел обратно на краешек стула, готовый вскочить в любой момент.

– Хорошо, давай про другое поговорим, – отсмеявшись, сказал следователь.

– Про что?

– Например, как ты в егерей стрелял, – ехидно ухмыльнулся он.

– Не стрелял я в них, – устало сказал я. Не думал, что до этого кто-нибудь докопается, но видать и правда – копают глубоко.

– Они по-другому говорят.

– Врут они. Дело было так. Как-то осенью забрел я опять ненароком в заповедник.

– Ненароком? – спросил Андрей Иванович, хитро подмигивая мне.

– Да, шел, любуясь желтеющей, буреющей, краснеющей, чернеющей, сереющей и коричневееющей листвой, задумался, и не заметил, как в заповедник попал. Иду, никого не трогаю. Выхожу на поляну, а там егеря возле УАЗ-ика стоят втроем и на меня смотрят. Они остолбенели от неожиданности. Потом один мне и говорит:

– Мальчик, а что это ты тут делаешь?

– Гуляю...

– А ружье?

– Какое ружье?

– Которое в руках у тебя.

– А-а-а это ружье? Это мне дядя дал поносить.

– Какой дядя?

– А я откуда знаю, какой дядя? Сам его первый раз видел. И вообще, мне мама запрещает с незнакомыми людьми разговаривать, а вас я не знаю...

– Ты с ружьем зашел в заповедник? – уточнил Андрей Иванович.

– Да, – смущенно потупился я.

– Откуда у тебя ружье?

– Отцовское ружье. Он мне разрешает его брать в лес.

– Ты прошлый раз говорил, что мать в лес не пускает, а отец дает ружье – сам себе противоречишь.

– Мать на спектаклях своих пропадает. Она кружок театральный в клубе организовала. Когда ее нет, то можно спокойно куда угодно уйти.

– Понятно. Так что там с егерями было?

– Весь разговор шел в теплой дружеской обстановке, поскольку, у них ружья за спиной были, а у меня в руках и обострять ситуацию ни у кого особого желания не было.

– Ну, иди сюда, отдай нам оружие... Заодно и познакомимся..., – продолжал один из них.

– Ага, счас!

После этого я аккуратно выстрелил по колесу УАЗ-а.

– Дяденьки, в другом стволе картечь, не доводите до греха! – начал спиной вперед отходить в лес.

После того, как зашел за деревья, развернулся и как дал деру! Только пятки сверкали. Постреляли они мне в след для острастки, но преследовать не рискнули.

– А если бы не остановились, смог бы в людей стрелять?

– Не знаю, – посмотрел я в дальний угол комнаты.

– Вестерн просто какой-то, – вздохнул следователь. – Но врешь ты складно и интересно, прямо как поэму читаешь, признаю. Особенно про листья хорошо получилось. А если не врешь, то это еще интереснее.

– Ничего я не врал, – насутился я, уставившись на его четко очерченные скулы.

– Ладно, пока что верю. А в Чайках бывал?

– Нет, я змей боюсь, – признался я. – Меня в детстве змея укусила.

– В лесу?

– Возле дома, она в рулоне сена была. Когда рулон разматывали, чтобы сено просушить перед закладкой в сеновал, то она меня и укусила.

– И что?

– Бабушка Дуня тогда была у нас в гостях. Она лечить умеет и заговаривать. Напоила меня молоком, пошептала, уложила спать. Вечером разбудила и дала выпить какой-то отвар из трав. Пару дней нога была сильно опухшей и болела, а потом прошло. Только точки от зубов остались.

– Везучий ты. Можешь идти, когда понадобится, я тебя вызову. Хорошо?

– Хорошо. До свидания.

– До свидания.

Я вышел за дверь, поправив в левом кармане самодельную дубинку из шланга от гидравлики, а в правом охотничий нож, висевший в ножнах на брючном ремне.

– Врешь, не возьмешь, – спускаясь с крыльца общежития, пробормотал я, – но глаз острый у него. Надо бы батю предупредить.

VII

Вскоре после ухода Виталика, прихрамывая, вернулся Слава. Андрей Иванович в искреннем изумлении воззрился на вошедшего: в правой руке ведро огурцов, в левой – лукошко яиц, подмышкой – копна зеленого лука.

– Я вот... – изо всех сил стараясь не смотреть в глаза старшего товарища, промямлил Слава.

– Ты мне сейчас очень напомнил книгу «Зеленый фургон»⁸. Только связки сушеных грибов на шее не хватает!

– Вячеслав Ильич, вы забыли, – в дверь, вежливо покашливая, вошел Василий и протянул Славе снизу сушеных грибов.

Андрей Иванович захохотал, хлопая себя по коленям. Слава от стыда едва не провалился сквозь покрытый крашеным оргалитом дощатый пол общежития.

– Откуда грибы? – вдруг дошло до него.

– Пока вы с директоршей разговаривали, Красотьевич принес, сказал, что вы хотели купить. Я и взял...

– Вячеслав, вы полностью перешли на подножный корм, – утирая слезы, сказал Андрей Иванович. – В вас скрыт прирожденный снабженец. Теперь мы с голоду не пропадем.

– Ну, я пошел? – напомнил о себе Василий.

– Идите, конечно, идите, – махнул рукой Андрей Иванович. – Грибы положите... да вон хотя бы и на стол.

– Я извиняюсь, – положив грибы, откашлялся Василий, – Колька сказал, что с вас три рубля.

– Слава, рассчитайтесь за грибы, – посерьезнев, велел Андрей Иванович.

Слава, поставив ведро на пол, а лукошко на свою кровать, достал из тумбочки бумажник и протянул водителю трехрублевую зелено-розовую бумажку.

– Новенькая, – понюхав купюру, сказал тот, – говорят, что скоро другие деньги выпустят⁹.

– Выпустят, так выпустят, – индифферентно ответил Андрей Иванович.

– Нам и такие сгодятся, – довольный шофер удалился, Андрей Иванович пристально посмотрел на Славу.

– А теперь, коллега, рассказывайте, что это за маскарад?

– Это? – Слава указал на «дары». – Это...

– Вижу, что местные жители уже стали делать подношения?

– Я нет... – поник головой Слава.

– Ладно, на первый раз сделаю вид, что ничего не произошло, но впредь попрошу не забывать, что вы советский следователь, а не миссионер в джунглях Амазонки и не конкистадор Кортеса. Хорошо?

– Хорошо.

– Теперь рассказывайте.

Выслушав рассказ, Андрей Иванович изумленно поднял брови и вновь расхохотался:

---

⁸ «Зелёный фургон» – единственная повесть советского писателя А. В. Козачинского, принёсшая ему известность. Написана в 1938 году по просьбе его друга, известного писателя Евгения Петрова, сюжет основан на реальных событиях, прототипами главных героев были А. В. Козачинский и Евгений Петров (известный как соавтор книг «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок»). [https://ru.wikipedia.org/wiki/Зелёный_фургон_\(повесть\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Зелёный_фургон_(повесть))

⁹ Денежная реформа в СССР 1991 года (также известна как павловская реформа – по фамилии премьер-министра СССР В. Павлова) – обмен крупных денежных купюр, проведённый в СССР в январе – апреле 1991 года. https://ru.wikipedia.org/wiki/Денежная_реформа_в_СССР_1991_года

– Еще и сторожевой петух на тебя напал? Слава, да ты за это времена уже столько нового пережил. Больше, чем за всю предыдущую жизнь!

– Вы не знаете, у петухов бешенство бывает? – робко поинтересовался Слава.

– Бешенство имеет вирусную природу, но очень сомневаюсь, что птицы им болеют. Слава, ты полчища змей не устранился, а тут какого-то петуха боишься.

– Да я просто подумал... Андрей Иванович, а у вас как тут дела?

– Парень не прост. То демонов вызывает, то курей рубит, то в егерей стреляет – и говорит об этом, даже не поморщившись. Еще и про заповедник страшилку рассказал. А что у тебя?

– Младший тоже тот еще фрукт. Действительно торчит под столом с синей книжечкой. За скатертью прячется. И вообще, как-то странно у них дома: мухоморы с хвощем выращивают, герань на каждом подоконнике, в притолоках ножи воткнуты. Екатерина Егоровна сказала, что это от сглаза.

– Сильно на этой почве того?

– Есть чуток... Под окнами бороны лежат, зубьями вверх. Три собаки, калитка на запоре – звонить надо, чтобы открыли. Два фонаря: на столбе и на березе, на крыше проектор. Глухой забор метра в два высотой. Не дом, а крепость.

– Тоже вопрос, чего или кого они так боятся?

– Угостила меня чаем и котлетами. Перца черного литровая банка стоит прямо на столе.

– Не факт. Бабушка вполне могла бывать в гостях и все это видеть.

– Не спорю. Поговорили о том, о сем, вытащили Колю из-под стола. С виду заторможенный подросток, стоял и молчал, но мне кажется, что он прикидывался.

– Если кажется, значит, завтра берешь машину и едешь в школу – ищешь педагогов и директора.

– Завтра суббота.

– Ну, да... и еще завтра похороны. Хорошо, поедешь в понедельник. Кто-то же в школе будет? Мне нужны характеристики на всех учеников из Карловки.

– Будет сделано.

– Еще из райотдела завтра привезут материалы по отравлению Савкина.

– Думаете, есть связь?

– Если есть, то мы ее найдем. Что скажешь по Красотьевичу?

– Слегка напоминает безумного.

– Но не убийцу?

– На убийцу не тянет.

– Коллега, напрасно вы судите по внешности. Внешность обманчива и если бы все убийцы выглядели как убийцы, то следователей бы не существовало.

– Вы его подозреваете?

– Я подозреваю всех. В этой деревне все жители странные. Значит, вы ни на шаг не приблизились к разгадке?

– Нет, но Красотьевич упоминал смерть Фомячихи.

– Слава, встретитесь завтра с уцелевшей внучкой и братом. Поговорите с ними о пожаре. А сейчас пошли, поужинаем, а после ужина помозгуем.

Вернувшись после ужина, следователи стали читать составленные друг другом протоколы.

– Так все-таки на таджиков думаете? – не выдержал Слава.

– Почему?

– Мотив на лицо.

– Не факт. Думай, Слава, думай, не спеши с выводами.

– Тогда что?

– По-хорошему, надо заново открывать дело о смерти Савкина – это убийство, а не несчастный случай.

– Но убийца мертв, зачем ворошить прошлое?

– Во-первых, хотя бы и для установления истины, а во-вторых, с чего ты взял, что убил его Андрей? Может быть и так, что Шнеппе сваливает вину на покойного.

– С мертвого какой спрос? Да?

– Да. А там еще был Виталик.

– Просто не подростки, а какие-то монстры!

– И заметь, все это началось после попытки вызвать демона.

– Андрей Иванович, вы верите в эту потустороннюю чушь? А как же материализм?

– Верю, не верю... Понять надо, что на самом деле произошло. Что-то мы с тобой все время упускаем. Опять же, сны бабушки и сова с опилками – как соотносятся с материализмом?

– Не знаю...

– То-то же.

– Что?

– Не знаю. Ладно, смотри, возникает четкая связь. В формалине была гадюка, так?

– Так.

– Кольшки нарублены в Чайках, где полно гадюк. Так?

– Получается, месть за Юру?

– Все может быть, не спеши. Завтра участковый привезет материалы проверки по этому делу, и будем думать, есть связь или нет. А пока давай спать.

Следователи стали готовиться ко сну. Андрей Иванович переоделся в свою синюю пижаму.

– Андрей Иванович, а почему вы пистолет под матрац кладете, а не под подушку?

– Потому, что под подушкой любой догадается искать, а под матрацем не всякий.

– Все настолько серьезно?

– У нас куча трупов и потенциальный маньяк – куда уж серьезнее?

– Нас учили, что любая мания есть форма психического расстройства.

– Как бы то ни было, пока что эти психи нас обыгрывают.

– Все-таки психи? А если это одиночка, кто-то вроде Суклетина¹⁰?

– Он тоже не один был. Попробуй в одиночку приколотить руку не самого крепкого подростка к земле и поймешь.

– Андрей был довольно шустрым.

– Я про то же. Либо убийца был не один, либо Андрей был лишен возможности сопротивляться.

– Наркотики?

– Возможно.

****

Ночью следователи проснулись от громкого треска. В окнах плясал отсвет зарева.

– Пожар, – сбрасывая пижаму и стремительно одеваясь, сделал вывод Андрей Иванович, – горит что-то. Слава, оставайся здесь, а я схожу – посмотрю.

– Может я с вами?

– Нет, тут материалы лежат – нельзя оставлять. Вдруг, пожар это отвлекающий маневр? Жди тут и никому не открывай, я пошел.

---

¹⁰ Алексѣй Васильевич Суклетин (23 марта 1943 года, Казань, Татарская АССР, РСФСР, СССР – 29 июля 1987 года, там же) – советский серийный убийца и каннибал, убивший и съевший, вместе со своими соучастниками Матиной Шакировой и Анатолием Никитиным, как минимум, 7 девочек и женщин. https://ru.wikipedia.org/wiki/Суклетин,_Алексей_Васильевич

Андрей Иванович вышел за дверь, покинул общежитие и пошел по ночной улице, скупно освещаемой подслеповатыми фонарями в сторону пожара. Минут за десять добрался до горящего дома на краю деревни. Вокруг стояла угрюмая толпа и заинтересованно смотрела на пламя. На зловещем огненном фоне суетилось несколько гортанно перекрикивающихся фигурок – это семейство Киабековых спасало немудреный скарб. Патриарх семьи стоял в стороне, держа на веревке козу и горестно смотрел, как пламя пожирает дом.

Кто-то крепко ухватил следователя за рукав.

– Андрей Иванович, близко не подходите. Это опасно – может шифером поранить.

– Это шифер рвется? – понял, откуда исходит треск, следователь.

– Да, бывает, что далеко разлетается. Осколками заденет – мало не покажется.

С грохотом взорвался угол дома, разбрасывая во все стороны кирпичи.

– Бывает, что углы взрываются, – вновь пояснил собеседник и Андрей Иванович узнал директора.

– А пожарные?

– Я вызвал, но пока доедут... Дроновка на своем месте. Двадцать пять км это не одна верста.

– А самим тушить?

– Там баллон газовый, взорваться может... Я не могу людей заставлять рисковать, поймите.

Следователь стоял, вдыхая отравляющий ночной воздух запах гари, и смотрел на черный остов дома, выбрасывающий из себя пляшущий огонь. Раздался какой-то рев и, пробив остатки крыши, вверх стартовала стремительная ракета. Люди в страхе пригнулись. Раздался взрыв.

– Вот и баллон, – прокомментировал директор, – одной проблемой меньше.

Минут через двадцать приехали две пожарные машины. Съездили на озеро, заправились водой. Вернувшись, браво затушили озерной водой догорающие уголья.

– Они всегда к пепелищу приезжают, – сплюнул кто-то в толпе и выругался.

– Неудачный пожар, – не обращая внимания на недовольство местных жителей, беспечно судачили курящие пожарные.

– Да, я в прошлый раз будильник и пачку карандашей взял, а тут одни уголья.

– Стервятники! – громко сказали в толпе. – Навалять бы им.

Пожарные, переглянувшись, молча полезли в машины и уехали.

– Ким Абдуллаевич, – обратился к главе таджиков директор, – пока переночуйте в пятидесяти втором доме, он все равно пустой стоит, а завтра решим.

– Расходитесь, – обернулся он к жителям деревни. – Скоро уже на работу. И пусть только кто-нибудь опоздает! – погрозил толпе кулаком. – Живо отучу зеваками быть!

Толпа стала расходиться. Андрей Иванович посмотрел на часы. Была половина второго ночи.

– Доброй ночи, – пожал ему руку Виктор Владимирович и, развернувшись, пошел домой.

Следователь не спеша отправился в сторону общежития. В окне горел свет. На сером шершавом бетоне ступенек крыльца сидел большой еж и смотрел на следователя так презрительно, как будто тому надо было немедленно провалиться сквозь асфальт от стыда.

– Кыш, – негромко сказал Андрей Иванович.

Еж фыркнул и, ошестинившись колючками, с достоинством спустился с крыльца, перетек через бордюр из поставленных под углом на ребро силикатных кирпичей и не спеша посеменил в сторону леса. Следователь задумчиво посмотрел ему вслед. Зашел в здание, прошел по коридору, постучал в дверь.

– Кто там?

– Слава, это я.

Открылась дверь.

- Ну что там? – спросил Слава.
- Сгорел дом таджиков.
- Как же так?
- А вот так.
- А что с обыском?
- Не будет обыска. Нечего теперь искать. Завтра утром позвоню в Дроновку и все отменю.
- Думаете, кто-то предупредил их?
- Не знаю, не знаю. Слава, завтра, точнее уже сегодня, с утра до похорон обойди и опроси всех соседей Киабековых. Надо узнать, не видели ли чего-нибудь подозрительного. Опросите и самих таджиков, особенно хозяина – Кима Абдуллаевича и жену тоже. Асият, кажется. Отчество выучи – Идрисовна. Смотри, не ошибись.
- Все-таки поджог?
- Пока рано судить. Давай спать ложиться, утро вечера мудренее. У тебя тут все нормально?
- Нормально, только кто-то в коридоре сильно топотал, – признался Слава. – Прямо как лошадь. Я выглянул, а там нет никого.
- Это еж гулял.
- Еж? – удивился Слава. – Разве еж может столько шума производить?
- Может, тем более крупный. Я его на крыльце встретил, он выходил.
- Ничего себе, – присвистнул Слава. – Там чудеса, там леший бродит.
- Я уже и лешему не удивлюсь.
- Вы серьезно?
- Серьезнее некуда.
- Дела-а-а...

VIII

Ночью Андрею Ивановичу приснился странный сон: за столом в помещении, похожем на типичную столовую, сидел незнакомый подросток в школьной форме и красном галстуке.

– Компоту не желаете? – спросил он, указывая на стоящий на столе стакан с желтоватой жидкостью.

– Нет, спасибо, не желаю.

– Напрасно, вкусный компот.

Следователь отрицательно покачал головой.

– А каши пшенной с котлетой? – продолжал предлагать подросток, ткнув пальцем в тарелку.

Следователь мог бы поклясться, что только что тарелки на столе не было.

– Спасибо, я на ночь не ем. Врачи говорят, что это вредно.

– Врачам разве можно верить? – подросток ловко сунул указательные пальцы себе в глазницы и, вынув глаза, положил их на стол. – Даже зрение не смогли спасти, не то что жизнь.

– Ты Юра?

– Кому-то Юра, а кому-то Юрий Алексеевич. Не Гагарин, – глаза на столе жили своей жизнью, внимательно наблюдая за следователем.

– Юра, кто тебя убил?

– Все равно не поверите.

– Андрей?

– Андрей? Ха-ха-ха, – Юра рассмеялся, одновременно пялясь на Андрея Ивановича пустыми глазницами и глазами, что продолжали лежать на столе. – Андрей-то тут при чем?

– Выходит не он?

– А вы у него сами спросите.

Следователь почувствовал укол в плечо и какую-то тяжесть. Скосил глаза – на плече лежала ладонь, пробитая кольшком, а повернув голову, встретился с глазом, по которому ползали лесные муравьи. Вторая глазница была кровавой дырой с неровными краями.

– Спросите, – продолжал смеяться за спиной мертвый Юра, – если доведется. И еще узнайте, кто такая Ленка Егорова.

Следователь смотрел на набитый окровавленными опилками рот Андрея.

– Кто тебя убил?

Андрей прислушался, покачал головой и махнул рукой. Андрей Иванович посмотрел в том направлении: белой стены больше не было. Была видна лесная поляна и домик, похожий на избушку Бабы-Яги, с плетеными из веток и лапника стенами, выглядывающий из листвы на ее краю. Раздался блуждающий звон колокольчика: будто кто-то кружил вокруг следователя, позвякивая. Заухала птица и мужчина проснулся.

Луч раннего Солнца щекотал Славе, спящему на соседней кровати, лицо, и тот морщился, словно недовольный котенок. Поняв, что уже не уснет, Андрей Иванович начал делать зарядку. Проснувшийся от голосистого петушиного хора Слава с изумлением смотрел на Андрея Ивановича, делающего у стены стойку на голове.

– Доброе утро, Слава. А ты зарядку не делаешь? – встав на ноги, спросил его коллега.

– Делаю, но я все больше отжимаюсь да приседаю.

– Тоже нужное дело.

– А вы это йогой занимаетесь?

– Да, Слава, йогой. Эта асана называется Ширсасана – стойка на голове.

– Как интересно. Научите?

– Завтра утром покажу, – взяв с кровати полотенце, сказал Андрей Иванович. – Я в душ.

- Спасибо. А вас кто научил?
- Один бурят, он сам на Тибете научился.
- Ничего себе!
- Покажу как делать, и ты сам научишься.
- Хорошо, – Слава упал на пол и начал отжиматься.

Настоящего душа в общежитии не было. Душевая была совмещена с умывальной и расположена в конце коридора напротив туалета. Вернувшийся из душа следователь рассказал младшему товарищу свой сон.

- Андрей Иванович, как вы с такими снами спать не боитесь?
- Слава, это подсознание подает какие-то знаки. Надо только их расшифровать.
- Ладно, выпьем кофе и я на опрос. Думаете все-таки поджог?
- Вот это тебе и предстоит выяснить. Василию позвонил?
- Через двадцать минут подъедет.
- Хорошо, где твой кофе?
- Берите, – Слава протянул Андрею Ивановичу стакан. – Где-то у нас третий был, вроде?
- Я его взял, он мне нужен. Попроси в понедельник в столовой штуки три.
- Хорошо. Заеду в магазин, сахара куплю, – начал собираться Слава. – У вас талонов нет случайно? А то я не захватил.

– Сахар вреден, но талоны есть, я их из портфеля не выкладываю. Сейчас выдам.

– А вы чем займетесь?

– Пригласил Колиного друга на разговор.

– Зачем?

– Подумай.

– Не знаю, – глотая горячий кофе, сознался Слава.

– Хочу понять, это он «стучит» участковому или нет.

– Почему он?

– Потому, что либо он, либо Коля, либо сам Виталик.

– Вы из-за горшков так думаете? – осенило Славу.

– Именно. И если информация идет от него, то мы можем получать ее напрямую, минуя лейтенанта.

– Не доверяете ему?

– А ты доверяешь?

– С виду он исполнительный, искренний, помогает охотно...

– Слава, пометь себе в блокноте – верить нельзя никому... Все врут. Лейтенант тут тоже как-то замешан, пускай даже только через жену, но замешан. Верить ему до конца нельзя.

– Спасибо, учту.

***

После кофе Слава уехал опрашивать соседей сгоревших Киабековых. Андрей Иванович задумчиво чертил какие-то схемы в блокноте. В дверь робко постучали.

– Войдите.

Вошел невысокий стройный подросток с большими карими глазами.

– Здравствуйте, я Саша Моргунов, вы меня вызывали?

– Проходи Саша, присаживайся. Да, вызывал. Ты без родителей?

– Без.

– Просто по закону я не должен тебя без присутствия совершеннолетних допрашивать, но хочу просто поговорить... Поговорим?

– Давайте, – согласился усевшийся на стул Саша.

– Расскажи о своем друге.

– Каким именно?

- О Коле Андрееве.
- А что с Колей случилось?
- Ничего не случилось, – мягко улыбнулся Андрей Иванович, – просто расскажи.
- А почему вы родителей его не можете спросить?
- Ты же его друг, ты можешь рассказать то, чего не знают родители.
- Ну... – задумался подросток, – ему мать запрещает на озеро ходить.
- Почему?
- Боится, что он утонет, потому, что не умеет плавать.
- Еще что про него можешь рассказать?
- Однажды он бежал по саду и ветка его в глаз ткнула. Чуть глаз не вытек!
- Какой ужас! А еще что-нибудь с ним случалось?
- С ним нет, а вот с Виталиком было...
- Что именно?
- Помню как Коля рассказывал, что они на первое мая поехали в гости к тетке. Она в какой-то деревне живет, два часа ехать. И по пути попали в аварию. Всем ничего, а Виталику лицо стеклом порубило и ногу переломало. Год потом в гипсе лежал, ходить не мог.
- Это оттуда у него на лице шрамы?
- Да.
- Коля в аварии не пострадал?
- Нет, хоть Коля рядом с ним сидел, а на нем ни царапины.
- А когда это случилось?
- В тот год, когда они еще в другом доме жили, где сейчас повариха и Серега-Корявый живут. Это потом, когда им специально в саду дом построили, туда переехали. Я тогда с ними и познакомился.
- Ты же там недалеко живешь?
- Через дорогу от них, второй дом, за домом Лобана.
- Куприянов там далеко от вас жил? – задумчиво спросил Андрей Иванович.
- Как раз напротив нас. Та стороны улицы на один дом короче. Поэтому он был крайним.
- Как думаешь, почему он сгорел?
- Говорят, его фашисты пытали.
- У вас тут фашисты есть?
- Может, в лесу водятся, может, на парашютах прыгнули.
- И зачем они его пытали?
- Секреты хотели узнать, – логично ответил подросток.
- Какие?
- Я откуда знаю? Я же не фашист.
- Правда, что Колю в спецшколу хотели перевести?
- Он левша и видит плохо, но стал отличником, поэтому его оставили с обычными детьми.
- Что можешь в общем о нем сказать?
- Хороший друг.
- Как вы, говоришь, познакомились?
- Они в том новом доме стали жить... Виталик с Костей в саду гуляли. Ну, я подошел и познакомился. Еще сала им принес тогда, так сказать, за знакомство.
- Сала?
- Мать их заставляла рыбий жир по утрам пить и Колю тошнило...
- Рыбий жир полезен от рахита, но я, – подмигнул Андрей Иванович, – его в детстве терпеть не мог.

- Потом Виталик красную шерстяную нитку на бутылку с жиром завязал, Екатерина Егоровна подумала, что это сглаз и сожгла жир, – задорно заулыбался Саша, – смешно?
- Очень смешно, – заулыбался в ответ следователь, – Екатерина Егоровна верит в сглаз?
- Верит, она же Колю по разным бабкам возила лечить. Виталика тоже.
- От чего лечили Виталика?
- Она ему ногу перебила чугуном и у него коленка была разбитая.
- Екатерина Егоровна перебила?
- Да, бросила в него за что-то и в коленку попала.
- Как интересно.
- А еще Коля говорил, что у них дед колдуном был, – рассказывал ободренный Саша, – и у матери его книги старинные хранятся, колдовские.
- Ты сам эти книги видел?
- Сам нет, но Коля врать не будет. А еще, – подросток понизил голос, – говорят, что у Виктора Владимировича брат сидит.
- В тюрьме?
- На зоне за убийство.
- Ого, – сделал большие глаза Андрей Иванович, – кто такое говорит?
- Мужики говорили, я слышал.
- Спасибо, ты нам очень помог. Сам что думаешь насчет убийства Андрея?
- Это ведьмы его убили, – помрачнел Саша.
- Какие ведьмы?
- Те, которые в заповеднике живут.
- Там разве кто-то живет?
- Да, там ведьмы живут.
- Кто тебе про это сказал?
- Все про это знают, но не говорят.
- Почему?
- Боятся. А вы сами посмотрите – заметили как птицы странно себя ведут?
- Как?
- Воробьи один за другим летают, как привязанные. Или вот клесты. Вы знаете, что клесты не гниют? Так и лежат дохлые, никто их не ест. Это не странно?
- Насколько я помню, клесты пропитываются смолой, поэтому ничего странного в этом нет.
- Смолой? – сник подросток. – А я думал... – он снова встрепенулся. – А еще за вашим окном все время сорока наблюдает!
- Просто сидит птица на дереве. Что тут такого?
- В сорок ведьмы оборачиваются!
- У вас есть ведьмы в деревне?
- Конечно! Бабка Максиманиха. Еще была бабка Фомячиха, но ее сожгли за колдовство.
- Кто сжег? – насторожился следователь.
- Дедушка Ленин.
- Это какой Лены дедушка? – потянулся за списками жителей Карловки Андрей Иванович.
- Это Ленин, который в Москве в Мавзолее, лежит, – как на дурака посмотрел на следователя Саша.
- Как же он мог из Мавзолея сжечь ведьму? – спросил Андрей Иванович.
- Смог же, – с полной убежденностью в голосе ответил Саша. – Он теперь и Стасика накажет!
- Кто такой Стасик и за что его наказывать?

– Сапунков Стасик, мой брат двоюродный. Он бюст Ленина из конторы украл и Витьку Пронкину продал. Витька уже Ленин наказал – ногу сломал. Теперь Стасика очередь.

– Зачем Стасику бюст Ленина? – спросил совершенно ошарашенный от таких подробностей следователь.

– Он воруяга страшный, его скоро в колонию посадят. Он однажды пытался стол бильярдный из клуба утащить, но не дотянул до дома.

– Зачем ему стол? – Андрею Ивановичу уже не приходилось разыгрывать изумление.

– Не знаю. Мужики его поймали и побили за это.

– Сильно?

– Сильно, в больницу в Дроновке положили на три недели. Так он за это время целый мешок вилок и ложек там украл.

– Примечательный персонаж.

– Его Эмилем зовут все, кино такое есть¹¹.

– Ты его не любишь?

– Он и у меня все время ворует.

– А сестры его, Ира и Лена, как тебе?

– Они хорошие. Ленка с Андреем раньше ходила, а потом Ирка стала.

– Ты в лес ходишь?

– Хожу, я белок стреляю из лука.

– Зачем?

– Белок хорошо со свиным салом тушить – очень вкусно получается.

– Ты так хорошо из лука стреляешь? – польстил следователь.

– Не всегда, – засмутился подросток.

– Лук сам сделал?

– Лук и стрелы мне Виталик отдал.

– Сам он из лука не стреляет?

– У него самострел есть и поджиг, и ружье ему батя дает. Зачем ему лук?

– На самострел порох нужен.

– У них пороха этого дома завались – им крестный привозит из города. А еще Виталик залез в вагончик... – осекся Саша.

– Куда залез?

Подросток молчал.

– Александр, мы же просто разговариваем. Тебе ничего за это не будет, если скажешь правду.

– А Виталику будет?

– Нет, не будет. Так что там?

– Он залез в вагончик, что на строительном складе стоит и забрал строительные патроны.

У него их много...

– Где этот склад?

– За почтой, за липами, с краю сада.

– Ясно, спасибо. А зачем Вите бюст Ленина?

– Он же Бутуя внук, – таким тоном, будто это все объясняло, ответил Саша.

– Не понял. Объясни, пожалуйста.

– Внук деда Бутуя, сын Васи-Мали. Они Ленину молятся.

– Это как? – не понял Андрей Иванович, подумав, что ослышался.

---

¹¹ «Проделки сорванца» (латыш. *Emīla nedarbi*) – художественный фильм режиссёра Вариса Браслы по мотивам книги Астрид Линдгрен об Эмиле из Лённеберги. Снят на Рижской киностудии в 1985 году. https://ru.wikipedia.org/wiki/Проделки_сорванца

– Как на иконы, только Ленину. У них там своя компания: Бутуй, его сын Вася-Маля, дочка Бутуя – Бутуиха, Клопик и еще несколько человек.

– Сашка Газон, Жарик? – вспомнил следователь.

– Да, еще Шандорик с ними.

– А чем они занимаются?

– Я точно не знаю, только про Ленина слышал.

– Хорошо, можешь идти. Если что-то узнаешь или чего вспомнишь – забегай. Хорошо?

– Договорились.

***

На похороны Андрея собралась вся деревня.

– Я и не думал, что тут столько народа, – прошептал Слава участковому.

– Тут просто и из Афоньевки приехали и со всей округи люди.

– Выносите! – зычно командовал рослый широкоплечий поп, пребывающий, судя по всему, в состоянии легкого подпития. – Крест сначала! Дура, баба, прости Господи, куда ты прешь?

Надежда, заплаканная старшая сестра убитого, державшая портрет с черной лентой, послушно пропустила вперед сгорбленного от горя отца, несущего крест.

– Таперича и ты ступай, дочерь, – продолжал руководить батюшка. – С крышкой не спите там! Ногами вперед вертите, нехристи!

Несущие крышку Витек и Володька Шнеппе послушно поменялись местами. Рядом с сестрой встал старший брат Андрея – Сергей. За ними шла Елизавета Харитоновна, демонстративно неся старинную потемневшую икону – мужчину с огромными черными глазами.

– Это отец Василий – батюшка из Дроновки. Пьет запойно, но человек хороший, – вполголоса просвещал следователей участковый.

– Ставь на табуретки. Подходите прощаться, – разносился над притихшей деревней громкий голос батюшки. – Еще кто? Родные, подходите!

Люди подходили к гробу, где лежало тело, накрытое с головой красным флагом. Хоронить в закрытом гробу родные не согласились, но и выставлять на всеобщее обозрение изуродованный труп тоже не решились.

– Родные простились? Все простились? Ну, неси... С Богом!

Вера Андреевна, закутанная в черный платок, вынесла на тарелке граненый стакан, наполненный прозрачной жидкостью. Отец Василий одни махом опустошил его. Широким взмахом руки швырнул поднесенный стакан в закрытые ворота. Брызнули осколки стекла:

– Понеслась душа в рай! Отошел к Господу нашему! Понесли, христиане!

Люди подхватили гроб, и мрачная процессия длинной змеей двинулась по деревне к кладбищу, расположенному в роще за озером.

– Мрачная смерть вырвала из наших рядов одного из лучших, – комкая в руке коричневую фетровую шляпу, выступал директор, – мы не сберегли будущего строителя коммунизма, будущего защитника Родины. Он мог бороться с СОИ¹², мог нести народам Африки и Азии освобождение от гнета колониализма, но, увы... Но мы отомстим, – повысил он голос, – мы отомстим по всей строгости закона. Спи спокойно, дорогой товарищ, твоя жертва не была напрасной. Следствие вытащит этих подлых мокриц, этих сколопендр на дневной свет. Товарищи, мы отомстим!

– Андрей, на кого ты меня покинул?! – начала голосить мать убитого. – Андрей!!!

---

¹² Стратегическая оборонная инициатива (СОИ, SDI – Strategic Defense Initiative) – объявленная президентом США Рональдом Рейганом 23 марта 1983 года долгосрочная программа научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Основной целью СОИ являлось создание научно-технического задела для разработки широкомасштабной системы противоракетной обороны (ПРО) с элементами космического базирования, исключающей или ограничивающей возможное поражение наземных и морских целей из космоса. https://ru.wikipedia.org/wiki/Стратегическая_оборонная_инициатива

– Вера, не надо, – положил ей на плечо руку мрачный отец убитого. – Не надо, Вера.

Вера Андреевна замолчала. В проход меж могильных оград вышел, распространяя сильный запах нашатырного спирта, мужичонка лет сорока, одетый в картуз с лаковым козырьком и темно-синий пиджак.

– Кого хороним? – звонко спросил он.

– Ты чего, Володя, совсем что ли? – ответил смуглый, как цыган, коренастый мужик в черном замасленном комбинезоне и танкистском шлеме. – Андрюху Родина хороним.

– Эх, ма! – Володя, сорвав картуз, хлопнул его о землю. – Жизнь моя, жестянка! А ну ее в болото! Андрюха!!! – он с криком бросился к гробу, по пути задев невысокого мужика, стоявшего рядом с кудрявой поваром-секретаршей Валентиной.

– Ты чего, Печкин? – возмутился невысокий, хватая Володю за рукав. – Ослеп что ли?

– Отстань, Корявый, – движением плеча вырвал рукав Печкин, – не до тебя.

– Кто Корявый?! – раненым медведем взревел невысокий. – Ах ты падла! – немедленно последовал мощный удар в правое плечо, развернувший Володю.

Володя, используя инерцию, ударил противника левой в лицо. Тот отшатнулся, но потом, пригнувшись, бросился на Печкина и оба, сцепившись, упали на землю.

– Сережа, не надо! – кричала над ними Валентина.

Участковый и следователи, переглянувшись, двинулись к драке. Но, их вмешательство не потребовалось. Рослый директор, словно ледокол «Ленин», продавился, рассекая толпу, и оказался там раньше.

– Совсем совесть потеряли! – словно нашкодивших котят тряся их за шкурки, приговаривал Виктор Владимирович. – Такой день, а вы льете воду на мельницу мирового империализма! Премии лишу, уроды!

«Уроды» пристыженно молчали и лишь их головы качались в ответ. Со стороны директор напоминал неумелого кукловода, впервые взявшегося выступать на публике.

– Завтра оба ко мне в кабинет! – напоследок сказал он и отпустил драчунов.

Они, злобно посмотрев друг на друга, разошлись и стали в толпе, демонстративно не глядя по сторонам.

Гроб на вожжах опустили в могилу. Она словно вздохнула, принимая гроб.

– Закапывайте, – махнул рукой отец и отвернулся.

Сильный порыв ветра вдруг сорвал целое облако розовых лепестков с куста шиповника, росшего на соседней могиле, и швырнул в могилу, словно букет из роз. Люди в толпе начали усиленно креститься и бормотать молитвы.

– Это Вова Лучкин по кличке Клопик, он же Печкин, – негромко просветил участковый, заметив, что Андрей Иванович рассматривает драчунов, – местный киномеханик, бывший почтальон. Он часто ночует на этом кладбище. Второй – Сергей Старостенко, по кличке Корявый, механизатор.

– А в шлеме кто? – спросил Слава.

– Это Паша Кондураке по кличке Танкист, молдаван из Басарабьски.

– Пройдемся? – предложил Андрей Иванович, видя, что люди потянулись к свежей могиле – поминать покойного.

– Давайте.

– Странно, тут одни осины растут, – заметил Слава.

– Местный обычай, – пожал плечами участковый. – В Афоньевке такая же картина на кладбище, да и в окрестных деревеньках тоже.

Они отделились от толпы и неспешно начали осматривать кладбище, разглядывая забытые полустертые имена на надгробьях. Внимание глазастого Славы привлекла покрытая мхом каменная могильная плита.

– Железнодорожный мастер Николай Ефимович Бельский, – прочел он надпись с ятями, – 1825 – 1875 год. Откуда тут железнодорожный мастер?

– Железка через Дроновку проходит.

– Где Дроновка и где Карловка?

– Не так уж и далеко.

– Сколько же лет Карловке?

– Никто не знает точно, но лет двести-двести пятьдесят как минимум.

– Для такой старой деревни слишком маленькое кладбище, – заметил Андрей Иванович.

– Может, раньше в другом месте хоронили? – пожал плечами участковый. – Народ тут скрытный, никто ничего толком не расскажет.

Какая-то птичка монотонно нудела: «рю-пинь-пинь-рю».

– Зяблик «рюлит», – сказал лейтенант. – К дождю.

– Это зяблик? – спросил Слава.

– Так точно.

– Я городской, птиц не знаю, – признался Слава.

– А я почитай, что и не уезжал из деревни, только в армию, – ответил Владимир Семенович. – Пойдемте, – кивнул он на толпу, селедочным косяком потянувшуюся в сторону деревни.

Поминки, куда волей-неволей попали участковый и следователи, проходили в столовой. Людей стало заметно меньше.

– У всех налито? – спросил Родин-старший. – Тогда помянем. Земля ему пухом.

Люди сидели понуро, хороня взгляды в тарелки, глотали кто что. После третьей за столами появились первые робкие улыбки, после пятой – послышался смех. Следователи и участковый пили воду, заранее налитую предусмотрительным лейтенантом в бутылку из-под водки.

– Да разверзнутся над содеявшим это злодеяние хляби небесные! – прогудел раскрасневшийся отец Василий. – Да прольется над ним дождь из серы кипящей, как над городами Содом и Гоморра, да поглотит его геенна огненная! Аминь!

Будто услышав эти слова, на улице громыхнул раскат грома. Мужчины потянулись на выход посудачить и покурить.

– Нам пора, – взяв со стакана с киселем пирожок с рисом и изюмом, сказал Андрей Иванович.

– Точно, помянули, пора и честь знать, – согласился Слава, беря свой пирожок.

– И мне пора, – сказал участковый.

Съев пирожки и выпив кисель, следователи и лейтенант вышли на улицу. Небо за время поминок налилось грозной фиолетовостью, все замерло в ожидании и лишь светло-зеленые верхушки осин робко трепетали.

– Пошлите быстрее, а то под ливень угодим, – сказал Андрей Иванович.

Они поспешили к общежитию. Вслед им неслась песня, залихватски выводимая Клопиком:

Шлю я, шлю я ей за пакетом пакет

Только, только нет мне ни слова в ответ

Значит, значит надо иметь ей в виду

Сам я за ответом приду

Что б ни случилось я к милой приду

В Вологду гду-гду-гду

В Вологду-гду

Сам я за ответом приду

Что б ни случилось я к милой приду-у-у-у

В Вологду гду-гду-гду

В Вологду-гду

Сам я за ответом приду-у-у-у!

– Петь на поминках для Карловки нормально? – спросил Андрей Иванович.

– Еще и драка обязательно будет, – заверил участковый.

– А крестины там, иль поминки – все одно – там пьянка-гулянка. Если забредет кто нездешний поразится живности бедной, нашей редкой силе сердешной, да дури нашей злой—заповедной.¹³, – негромко процитировал Андрей Иванович.

– Вы поэт, – восхитился Слава.

– Это не мои стихи. Их автор погиб, – ответил Андрей Иванович.

Едва успели поняться на крыльцо, как на землю разом бухнулись тонны воды.

– Хляби небесные, – задумчиво повторил Слава, открывая дверной замок и пропуская товарищей в комнату. Войдя вслед за ними, повернулся закрыть дверь и замер.

– Смотрите!

– Что там?

На внутренней поверхности двери ржавой канцелярской кнопкой был пришпилен чистый почтовый конверт. Андрей Иванович, достав из внутреннего кармана пинцет, аккуратно снял конверт и положил на стол. Осторожно открыл его. В конверте оказался листок из тетради в клетку, на котором ровно, будто по линейке, было выведено синей шариковой ручкой: «Уезжайте отсюда!»

– Х-м... – Андрей Иванович задумчиво рассматривал послание.

– Кто мог его сюда повесить? – спросил Слава.

– Во-первых, тот, кого не было на похоронах и поминках и во-вторых, тот, у кого есть ключ от комнаты.

– На поминках половины деревни не было, – сказал участковый, – а ключи вам должны были все отдать.

– Два отдали, а в комплекте обычно три. Сказали, что третий ключ утерян.

– Значит, третий ключ от комнаты у убийцы, – сделал вывод Слава.

– Не факт, что послание от убийцы, – не согласился Андрей Иванович, – может быть, совсем наоборот. Владимир Семенович заберите конверт и письмо, отдайте в райотдел. Пускай отошлют экспертам в город. Надо найти отпечатки.

– Слушаюсь.

– А если по почерку попытаться? – предложил Слава.

– А смысл? Явно написано по линейке. Графология тут ничего не даст. Надо искать пальцы.

– Владимир Семенович, еще одна просьба, – Андрей Иванович достал из сумки пакет. – Пальчики на стекле надо пробить через информационный центр.

– Это займет уйму времени, – ответил участковый.

– Знаю, но что делать? – вздохнул Андрей Иванович. – До автоматизации в этом деле мы дойдем еще не скоро. Кроме того, запроси все, что есть на этого Бобка.

– Подозреваете его в чем-то?

– Пока нет, но мало ли, – уклончиво отозвался Андрей Иванович. – Владимир Семенович, – посмотрел он на лейтенанта, – в такой ливень вы все равно не поедете.

– Надо подождать. Скоро перестанет.

– Пока дождь не утих, ответьте еще на пару вопросов.

– Задавайте.

– Кто такая Елена Егорова?

---

¹³ Башлачев Александр «Некому березу заломати». Советский поэт и автор песен. Погиб 17.02.1988 года.

- Это жены моей девичья фамилия...
- Что связывает вашу жену и школу в Афоньевке?
- Она сама из Афоньевки родом, педагогический в городе закончила, и первый год преподает в школе.
- С Андреем какая связь?
- Он вроде как к ней клеился, пока она за меня замуж не вышла...
- Понятно. Это от нее вы знаете обстоятельства смерти Савкина?
- Да.
- А что еще она рассказывала про школу? Происшествия какие-нибудь?
- Весной кто-то ограбил подсобку в кабинете химии: залезли через вытяжной шкаф и унесли кучу разных реактивов. Следов так и не нашли.
- Какие любознательные дети. На кого думаете?
- Да все на тех же: Андрей, Виталик и возможно еще кто-то.
- Слава, пометь себе: кровь из носу найти учительницу химии и выяснить, что именно было украдено из химкабинета.
- Сделаю, – отметил в блокноте Слава.
- Учителя в Афоньевке почти все местные, так что найти будет легко, – сказал лейтенант. – Если желаете, я созвонюсь с директором школы, и он соберет нужных учителей.
- Было бы просто отлично. В понедельник, часиков на десять утра?
- Сегодня же вечером позвоню Алексею Михайловичу.
- Спасибо.
- Еще бы хорошо вам встретиться с учителем истории Николаем Яковлевичем Ганцем. Он настоящий энтузиаст своего дела. Когда приезжают студенты на раскопки, то всегда с ними копает. При школе музей организовал, а сейчас пытается за свои деньги издать книгу с перечнем всех погибших в наших местах бойцов Советской армии. Он много интересного про эти места рассказать может.
- Непременно попытайтесь и его организовать, – одобрительно сказал Андрей Иванович. – Что про Бобка можете сказать?
- Что про него говорить? В армии контузило: котел взорвался.
- Шрам на голове оттуда? – уточнил Андрей Иванович.
- Так точно. Комиссовали вчистую. С тех пор только и годен, что коров пасти.
- В остальное время чем он занимается?
- Ничем, живет тем, что за сезон заработал. А у него двое детей: сын и дочка, – вздохнул лейтенант, – живут впроголодь – чем бог послал, да что люди добрые из жалости подали. Хотели их даже в интернат забрать, но что-то не срослось. Так и спотыкаются по деревне. На сына время от времени жалуются, что приворовывает, но заявлений писать никто не хочет – жалеют.
- А дочка? – задумчиво почесал подбородок Андрей Иванович.
- Дочка, судя по всему, пойдет по стопам покойной Жанны Фомичевой. Во всяком случае, природа ее для этого щедро оснастила.
- Понятно. Владимир Семенович, полно у вас в Карловке социальных язв, – покачал головой Андрей Иванович. – А насчет Гитлера это у него откуда?
- Старая история. Шел он как-то, скорее всего по пьяной лавочке, ночью по деревне и примерещился ему убегающий в сторону карьера Гитлер.
- Белая горячка на местный манер? – улыбнулся Слава.

– Не знаю, но с тех пор, когда волнуется, то всегда начинает про Гитлера рассказывать. Даже когда труп Андрея нашел, то начал про Гитлера нести. Ребята из райотдела его едва на СПЭ¹⁴ не отправили. Хорошо, что я вовремя подъехал и объяснил что к чему.

– В протоколе про Гитлера ни слова не было, – внимательно посмотрел на милиционера Андрей Иванович.

– Ребята не стали про это писать, – виновато признался лейтенант. – После моих объяснений.

– Но он говорил, что видел в лесу Гитлера?

– Да, – еле слышно сказал участковый. – Но это же бред.

– Я уже ничему в Карловке не удивлюсь, – покачал головой Андрей Иванович. – Даже Гитлеру в лесу. Бобок подписал протокол не читая? – нахмурился он. – Или на него было оказано давление? – досадливо поморщился следователь.

– Нет, никакого давления. Он просто не умеет читать, – развел руками лейтенант.

– Как так? – изумился Слава. – Разве такое возможно? У нас в стране всеобщая грамотность.

– Возможно. Он делает вид, что читает, но читать не умеет. Мы ему случайно дали протокол вверх ногами, так он едва не подписал. Хорошо, что заметили вовремя.

– То-то мне показалось, что он слишком быстро протокол прочел, – подошел к окну Андрей Иванович. – Теперь понятно. А вы, Владимир Семенович, впредь запомните – каким бы бредом не казались слова свидетеля, к ним надо прислушиваться.

– И что можно извлечь из такого бреда? – обиженно спросил участковый. – А если бы он Пол Пота увидел?

– Из этого бреда можно извлечь хотя бы то, что где-то тут бродит человек, похожий на Гитлера. Если бы он увидел Пол Пота, то вам, Владимир Семенович, необходимо было бы проверить Пол Пота на наличие алиби...

Слава и участковый изумленно уставились на Андрея Ивановича.

– ... или поискать в округе человека, похожего на Пол Пота, – закончил фразу Андрей Иванович.

– Спасибо, учту на будущее, – отозвался участковый.

---

¹⁴ Судебно-Психиатрическая Экспертиза.

IX

Из-за дождя стемнело рано. Учитывая тревожную ночь накануне, решили лечь спать пораньше. Андрею Ивановичу снился сон. На фоне большого сада, мирно шелестящего в тихой ночи, стояли четыре черные фигуры.

– Лапки достаньте, – женским голосом сказала одна из фигур, – пускай наружу свисают.

Фигуры покопались у себя за пазухами. На груди у них появилось по какому-то ярко-фиолетовому пятну.

– План такой – подпираем дверь и заколачиваем окна на боковых стенах, – пробасила самая рослая фигура.

– А потом? – спросила фигура-женщина.

– А потом решим вопрос окончательно... Сзади окон у них нет, так что только три окна и все.

Тихо подойдя к дому, фигуры подперли дверь брусом и начали быстро заколачивать окна досками крест-накрест.

– Даже детям понятно, что герои рождаются на войне, – закончив заколачивать окна, рассуждала рослая фигура, – вот мы и ведем священную войну с нечистью, – с этими словами она сунула молоток другой фигуре в руки и принялась щедро поливать бензином из канистры стену дома. Затем достала спички и чиркнула спичкой о коробок. – Отойди, а то волосы обгорят, – бросила спичку на угол. Бензин весело полыхнул, дерево под огнем радостно затрещало.

– Вот оно, окончательное решение, – неожиданно исказившимся до пискливости голосом сказала рослая фигура, взяла канистру и начала поливать другой угол, – окончательное и бесповоротное. Раз и навсегда. Чик и готово. Бах, бах и в дамки. Четыре сбоку и ваших нет.

– А о-н-ни-и не-не-не вы-вы-ле-ле-зут? – растягивая слова, спросила «женщина».

– Уже нет, – пропищала рослая, – уже нет! Уже нет! Уже нет! – фигура внезапно присела и начала выделывать что-то похожее на гопак.

Пламя все сильнее облизывало домик, добравшись и до соломенной крыши. Изнутри раздавались испуганные крики и стук в дверь. Фигуры начали танцевать вокруг стремительно разгоравшегося пожара, отбрасывая извивающиеся тени и напевая: Уже нет! Уже нет! Уже нет! Уже нет!

Крики заживо сгорающих людей из дома слились с гулом пламени, потом, когда горящая крыша провалилась внутрь, смолкли. Фигуры куда-то пропали, а на фоне языков пламени, словно выходец из Ада, стоял Андрей Родин, укоризненно покачивая головой, и смотрел уцелевшим глазом на следователя. От огня скользнули два языка пламени, превратившиеся в огненных змей. Они обвили мертвеца своими объятьями и слились с его объединенными губами в долгом поцелуе. Опилки во рту вспыхнули. Из огня выкатилась обгоревшая голова куклы с розовым бантом в остатках волос и стала открывать и закрывать пронзительно синие глаза.

– Андрей Иванович, Андрей Иванович, – голосом Славы прошептал Андрей, – Андрей Иванович, проснитесь.

Следователь открыл глаза. В комнате было темно, и лишь далекий фонарь на улице бросал слабые блики на белый потолок.

– Что случилось?

– Андрей Иванович, там, возле леса, фигура какая-то стоит, – прошептал Слава.

– Где, – мгновенно пришел в себя Андрей Иванович.

– Там, – Слава потянул его к окну. – Видите?

На фоне ночного леса темнела фигура, держа что-то в поднятой руке.

– Слава, будь тут, – стремительно одеваясь и доставая пистолет, сказал следователь.

– Может, я с вами?

– Нет, береги документы. Я сам справлюсь.

Выскользнул за дверь, прошел по коридору, осторожно приоткрыл входную дверь, посмотрел в щёлку. Фигура не спеша двигалась по блестящему лужами асфальту в сторону конторы. Андрей Иванович выбрался на крыльцо, тихонько двинулся следом. Фигура прошла стоянку сельхозтехники, оставила позади липовую аллею, выплыла на перекресток.

– Стой! – поравнявшись с клубом, направил ствол пистолета в голову темной фигуры Андрей Иванович. – Ты кто?

Фигура стояла молча. Следовательно, держась в тени деревьев, обогнул фигуру и, выйдя на асфальт, заглянул в скрытое темнотой лицо. Человек молча стоял, сверкая глазами в свете далекого фонаря, лишь воздушный шарик в левой руке, трепыхался, словно над Пятачком из мультфильма. Выглянувшая из-за тучи Луна, выхватив из глубокой тени, превратила его лицо в маску Пьеро, нарисованную полупьяным гримером провинциального ТюЗа.

– Еще раз спрашиваю, кто ты? Не ответишь, стреляю! – повысил голос Андрей Иванович.

– Не стреляйте, это дурачок местный, – раздался за спиной справа знакомый голос, – ходит по ночам с воздушным шариком. Он безвредный.

Следовательно, не опуская оружия, повернул голову вправо и увидел директора, одетого в папаху и бурку. Из-за его правого плеча с достоинством выглядывала висящая стволом вверх двустволка.

– Доброй ночи, Виктор Владимирович. Не ожидал вас встретить, – ставя ПМ на предохранитель, ответил Андрей Иванович. – Не спится?

– Ночи доброй, Андрей Иванович, – приподнял папаху директор. – Долг превыше сна. Иду на озеро. Охранять. Браконьеры, бывает, приезжают ловить с электроудочками и сетями. И пистолет лучше убрать, а то Рекс нервничает.

– Рекс? – не понял следовательно, зашарив взглядом по окружающей ночи.

– Кобель мой, вон стоит, – рука указала на сгусток тьмы, который ответил на этот жест угрожающим низким рычанием.

– Понятно, – пряча пистолет в кобуру, кивнул Андрей Иванович. – А это кто? – кивнул на человека.

– Муж дочки бабки Максиманихи – Коля Андронов. Пятачком его тут кличут. Отзывчивый парень, уважительный, культурный. Служил в Польше, в СВГ¹⁵. Свихнулся после падения Берлинской стены¹⁶ и часто теперь по ночам бродит как лунатик. Воздушный шарик этот ему Андрей и Виталик в руку в шутку сунули – сперли где-то в Дроновке на демонстрации, пострелята. Так Коля теперь и таскается с ним. Днем – завклубом работает.

– Заведующим клубом? – не поверил следовательно.

– Не на трактор же его сажать? В таком состоянии еще задавит кого или трактор в озере утопит. Да и он интеллигент, к физическому труду не приспособлен, кандидат в члены КПСС. А так хоть какая-никакая польза обществу. Он еще и библиотечкару подменяет, когда она болеет и Володе-кинобудчику подсобляет, когда тот совсем пьяный.

– Весело тут у вас. И горячо...

– Вы про вчерашний пожар? – сдвинув папаху на лоб, почесал затылок Виктор Владимирович. – Проводка подкузьмила. Живем как на пороховой бочке. Не известно, что и где полыхнет завтра. Хоть свою пожарную команду заводи.

– Я видел, люди не особо старались пожар тушить.

---

¹⁵ Сёверная группа войск (СГВ) – оперативно-стратегическое военно-территориальное формирование ВС СССР, находившееся на территории Польши с 1945 по 1993 год.

¹⁶ Ноябрь 1989 года.

– Таджикив тут не любят, поэтому и отношение такое, – виноватым тоном признался директор. – А так народ у нас дружный, отзывчивый. И показатели, которые из района спускают, всегда выполняет.

– Похвально, – следователь оглянулся на Пятачка. – Он так и будет бродить тут?

– К утру домой пойдет, не волнуйтесь, не первый раз. Не желаете со мной до озера прогуляться? Тут недалеко, а вам заместо моциона будет.

– Почему бы и нет? – пошел рядом с директором следователь. – Сон уже все равно сбит. Вы часто так патрулируете?

– Случается. Сейчас уже реже – отучил паршивцев от наших территориальных вод. Я же это озеро, можно сказать, своими руками вырыл, – рассказывал по пути директор. – Когда дорогу тянули в Карловку, то договорился с дорожниками – они котлован вырыли. Речушка его наполнила. Теперь людям есть, где искупаться, где рыбку половить. Караси и чебаки сами завелись, а потом на правлении решили поспособствовать. Совхоз даже молодь закупил на развод: карпов, форель равнинную. Судака мечтаю закупить и развести. Очень ценная рыба, – увлеченно рассказывал Виктор Владимирович, – Мясо содержит все двадцать аминокислот. Представляете?!

– Это хорошо, – согласился Андрей Иванович.

– Когда разведется, то со временем можно будет даже о вылове для столовой подумать, – мечтал директор. – Конечно, не осетр и не налим, не кеты, но и не селедка. Кстати, вы знаете, что если уху из линия оставить на ночь, то она застывает и получается холодец?

– Нет, не знал. Планы у вас, скажу я, – усмехнулся следователь, спускаясь с дороги.

– Чайки откуда-то появились, – продолжал разглагольствовать директор, – и даже пеликана люди видели.

– Пеликана? – не поверил следователь.

– Самого настоящего пеликана. Это птица такая, с большим клювом. Многие думают, что пеликаны это что-то экзотическое, заграничное, но это не так.

Они дошли до озера, спустились на грунтовку. В пруду за дорогой самодовольно квакали лягушки. Рекс остался на асфальте. На фоне ночного неба было видно, как он насторожил уши.

– Что за порода такая? – заинтересовался оглянувшийся следователь.

– Питбультерьер.

– Ни разу не слышал.

– Это американская порода. Специально для собачьих боев вывели. Кум мой где-то достал и привез в деревню жить, – гордо сказал Виктор Владимирович.

– Ясно.

– Вон там у нас старая кузница, – указал в темноту директор, остановившись под одинокой березой, росшей на песчаном берегу, – туда девчонки бегают переодеваться после купания.

– Х-м... слышал про это.

– Вот это – трамплин, – рука указала на странную конструкцию, нелепо корячившуюся в ночи, – сами сделали. С него дети ныряют. Осенью тут уток много – в сезон охотимся, – рука широким жестом очертила водную гладь, темным глазом следящую за людьми. – Благодать!

– Утки на озере, кто бы мог подумать?

– Полным полно, – подтвердил директор. – Благодать! – повторил он. – Гусей можно развести. Гусятину прямо страсть как люблю. А вы?

– Не пробовал.

– Напрасно. Без гусятины любой праздник – не праздник. Хоть новый год, хоть первое мая. Гуся если со сметаной запечь, так не хуже карасей в той же сметане будет, а даже, я бы сказал, лучше. Ну как вам наш уголок планеты?

– Неплохо, вот только события жуткие у вас происходят.

– Не без этого, – согласился Виктор Владимирович, плюнув на песок. – Как и везде. Я в Сумгаите был, ездил трубы газовые на картошку менять, и попал как раз в эту заваруху¹⁷. Вот где жуткие вещи творились. У нас тут еще цветочки, хотя население и многонациональное.

– Цветочки?

– Да. Люди тут давно живут и живут нормально. Только временами что-то случается...

– Что случается?

– Что-то очень странное живет в этих лесах...

– Вы про заповедник?

– Да, и про заповедник тоже.

– Или про ту нечисть, что была на крыше конторы? – хитро улыбнулся Андрей Иванович.

– Уже знаете? Хорошо работаете, этак и убийцу найдете, – похвалил Виктор Владимирович.

– Обязательно найду. Так зачем вы стреляли по крыше?

– Хотел вклеить ему под хвост заряд крупной дроби.

– Думаете, у него был хвост?

– Все может быть. Кстати, сегодня после поминок молодежь жестоко избила зоотехника, – официальным тоном сообщил Виктор Владимирович.

– Ветеринара? – удивился Андрей Иванович. – Он же старый.

– Нет, зоотехника – Ивана Смольникова, он молодой еще совсем, после техникума.

– Сильно побили?

– Отлежится, – махнул рукой директор.

– А за что?

– Молодые, они горячие. Кровь кипит и чуть что не по ним, так сразу в морду норовят. Он из Заузья сам, деревенька по соседству, а к нашим девчонкам пристаёт. Вот и огреб от местных парубков. Пустяки, дело-то житейское. Ладно, вижу, что сегодня нет желающих отведать краденой рыбки – наверно, гроза распугала. Я отойду на минутку? С вашего позволения.

– Отойдите, – разрешил следователь.

Директор отошел к озеру, долго и гулко в него помочился.

– Помочиться на открытом воздухе ни с чем не сравнимое удовольствие, – вернувшись к следователю, сказал он. – Приятнее только на флоксы, н-да... Вы не желаете облегчить мочевой пузырь? Рекомендую.

– Нет, спасибо, в общежитии есть туалет.

– Чукча в чуме ждет рассвета, а рассвета в чуме нету, – пропел директор.

– Это вы к чему? – не понял Андрей Иванович.

– Просто вспомнилось. Пойдем спать?

– Пора уже, – согласился следователь.

– Я вас провожу.

– Зачем?

– Так мне спокойнее будет. Все-таки я отвечаю за происходящее в деревне.

– Хорошо, – не стал спорить Андрей Иванович.

Они поднялись на асфальт и двинулись в обратный путь.

– Пятачка уже нет, – заметил следователь.

– Дальше куда-то пошел, – пожал плечами под буркой директор. – Не заблудится, не в первой.

– Возможно. А не боитесь, что в озеро упадет?

---

¹⁷ Сумгаитский погром – один из межнациональных конфликтов позднего СССР. Беспорядки в городе Сумгаит Азербайджанской ССР 27 – 29 февраля 1988 года, сопровождавшиеся массовым насилием в отношении армянского населения, грабежами, убийствами, поджогами и уничтожением имущества.

– Если бы мог упасть, то давно бы уже упал, – логично ответил Виктор Владимирович. – Принюхайтесь, почувствуете, как липой пахнет?

– Чувствую.

– Дети набрали липового цвета, мы его завариваем. Очень с медом хорошо получается и для здоровья полезно. Вы не завариваете?

– Нет.

– Я вам пришлю мешочек.

– Не стоит беспокоиться, – вдыхая аромат солярки, плывущий в ночном воздухе от стоянки, ответил следователь.

– Ну что вы, мне приятно.

Неспешно дошли до общежития, поднялись на крыльцо.

– У вас все есть? – продолжал изображать радушного хозяина Виктор Владимирович.

– Да, спасибо.

– Может телевизор организовать в комнату? У нас есть «Шилялис»¹⁸, можем принести.

– Нет, спасибо, нам не до телевизора.

– Напрасно, сейчас много интересных передач показывают. Например, «Маппет-шоу». Или вот недавно показывали чешский фильм «Король Дроздовик». Нет?

– Не надо, – отказался следователь. – Скажите, а у вас ватман есть? – внезапно спросил он.

– Белый?

– Да.

– Есть. Мы же стенгазету делаем. Вам нужен?

– Пару-тройку листов, если можно.

– Сделаем. Еще что-то? У нас и миллиметровки пару рулонов есть, могу поделиться.

– Нет, спасибо, больше ничего не надо.

– Ну, как знаете. Доброй ночи, – директор крепко пожал следователю руку и пошел по улице вдоль конторского сада.

Андрей Иванович добрался до номера, постучал.

– Открыто, – донеслось из комнаты.

Вошел в комнату. Слава сидел за столом и озабоченно смотрел на начальника.

– Десять минут назад позвонила Вера Андреевна. Елизавета Харитоновна покончила с собой.

– Твои действия?

– Сказал до утра ничего там не трогать, позвонил в райотдел, передал дежурному, позвонил участковому.

– Молодец, а теперь ложимся спать.

– Мы ляжем спать? – удивился Слава.

– Ты предлагаешь ночью там затапывать улики?

– Нет...

– Или думаешь, что эксперты посреди ночи сюда рванут?

– Тоже нет.

– Тогда спать – завтра будет долгий день.

Андрей Иванович долго ворочался, пытаясь заснуть, а когда заснул, то увидел стоящий на асфальте стол, освещенный неподвижной лампой. Вокруг грудились непроглядные тени. За столом развалился пухлый безглазый подросток, таращась пустыми глазницами на лежащую на белой тарелке пару глаз.

---

¹⁸ Модель переносного телевизора.

– Здравствуйте, Андрей Иванович, вы как раз вовремя. Мы не в Берлине, но, как писали классики: «В Берлине есть очень странный обычай – там едят так поздно, что нельзя понять, что это: ранний ужин или поздний обед!»

Взяв с тарелки один глаз, подросток небрежно забросил его в рот и начал с хрустом жевать.

– Попробуйте, очень вкусно, – указал он на второй глаз.

– Спасибо, я не голоден, – с трудом сдерживая тошноту, ответил Андрей Иванович.

– Напрасно отказываетесь, в глазах много мудрости, возьмите, к примеру, Одина.

– В многотрудности многие печали, – перефразировал следователь. – А Один у меня по делу не проходил.

– Тоже верно, но следователю мудрость не помешает. Да и юмор, а то ваши шутки слишком казенные.

– Кто вы такой, точнее кого вы изображаете, я уже понял, теперь хотелось бы понять, что вы такое.

– Думайте, применяйте дедукцию и логику или что вы там применяете?

– Вы не ответите?

– А вы что-то спрашивали?

– Тогда попробуем так: кто убил Юру Савкина?

– Неужели так трудно это понять? В школе 127 учеников. Отбросьте тех, кто не мог убить, тех, кому незачем было убивать и останется убийца. Это же элементарно!

– Тогда, чтобы понять, кто убил Андрея, мне надо проделать те же операции над 673 жителями Карловки?

– Если принять за рабочую гипотезу, что его убил местный житель, то да, а если это сделал кто-то другой?

– Тут есть другие?

– Спросите у участкового, что делал его брат в Карловке в момент убийства Андрея.

– Участковый как-то замешан в убийстве?

– Думайте сами.

– А его жена замешана?

– Ленка? Ответ тот же, думайте сами.

В темноте послышались чмокание болотистой почвы под чьими-то неспешными шагами и звон колокольчика. Андрей Иванович проснулся от этого неуместного звука, лег на спину, полежал, глядя в потолок, и постепенно вновь соскользнул в сон.

Сновидение началось практически с того же момента, на котором оборвалось.

– Да что такое! – в сердцах сказал Андрей Иванович, возмущенно прислушиваясь к противному звону колокольчика. – Никакого спасения!

В круг неверного света от призрачной лампы вошла несущая в одной руке табуретку Елизавета Харитоновна. Поставила табурет возле стола. Села на него, выложила на стол колокольчик и розовый бант.

– Здравствуйте, – чувствуя себя невероятно глупым, сказал Андрей Иванович, стараясь не смотреть на странгуляционную борозду¹⁹ на шее старушки.

Елизавета Харитоновна промолчала.

– Она еще совсем недавно тут, пока молчит, – просветил следователя подросток, – да и трудно после такого разговаривать. Только ходит и звонит в свой колокольчик.

– Что там, в заповеднике? – спросил Андрей Иванович.

– Не знаю, – Юра казался искренним, – этого я не знаю.

– А почему Андрея нет?

---

¹⁹ След от сдавливания шеи петлей.

- Он сейчас занят.
  - Чем?
  - Не слишком ли много вопросов? – оскалился Юра. – Впрочем, вы следовательно, следовательно, задавать вопросы ваша работа.
  - Верно.
  - А что же вы в других случаях вопросы-то не задавали? Хотя бы себе самому?
  - Например?
  - Например, с чего это вас вдруг из самой Москвы в эту глушь посылают. Ничего странного нет в этом?
  - Нет, – отрезал следователь.
  - А в том, кто посылает, тоже нет? – неприятно улыбнулся Юра.
  - Нет, – напрягся Андрей Иванович.
  - Значит, получать личные указания от Виктора Федоровича для вас привычное дело?
  - Какого Виктора Федоровича?
  - Не знаете никакого Виктора Федоровича?
  - Может быть и знаю...
  - Фамилия Грушко²⁰ вам тоже не известна?
  - Откуда??? – не сдержался следователь. – Откуда ты это знаешь?!!
  - А говорите что поняли, кто я такой, – развеселился Юра. – Ничего вы не поняли! – он шаловливо высунул язык. – На понт брал, лягаш! – неожиданно истерически прокричал он и начал колотиться лицом о стол.
  - Все-таки, откуда ты это знаешь? – не обратил внимания на истерику Андрей Иванович.
  - Я знаю все, что знаешь ты, – поднял к нему залитое кровью лицо Юра. – И ни словечком больше. Ты же думаешь, что я твое подсознание? Так?
  - Возможно, – уклончиво отозвался следователь.
  - Тогда чему вы удивляетесь? Долго собираетесь скрывать это от Славы?
  - Не твое дело, – отрезал следователь.
  - Как грубо и неинтеллигентно! Ладно, – Юра поскреб ногтем по столу. Звук вышел такой словно скребли железом по стеклу. – Не задумывались, откуда ваше подсознание может знать, как выглядел Юра Савкин?
  - Что? – удивился Андрей Иванович. – Ты хочешь сказать, что и правда похож на него?
  - Все может быть, – отвернувшись в сторону Елизаветы Харитоновны подросток начал насвистывать какой-то знакомый мотив, но следователь все не мог понять какой.
  - Помните сказку про волшебный клубочек? – прекратив свистеть, спросил Юра.
  - Примерно. На уровне легенды про нить Ариадны²¹.
  - Тогда сыграем в волшебный клубочек. Я покажу вам дорогу, а вы получите ответ, если сумеете пройти до конца. Идет?
  - Договорились.
  - Тогда до встречи, – подросток распахнул рот.
- Изо рта вывалился длинный раздвоенный на конце язык и розовой лентой начал разворачиваться куда-то вдаль. Андрей Иванович посмотрел на язык, потом с сомнением поднял взгляд на его владельца. Юра утвердительно закачал головой и замычал, словно глухонемой Герасим, оправдывающийся перед родственниками утопленной Му-му. Следователь вступил на язык и пошел по пружинящей ленте. Он шел вдоль черного асфальта, мимо заросшего тра-

---

²⁰ Виктор Фёдорович Грушко (10.07.1930 – 20.11.2001) – советский разведчик, генерал-полковник (13.04.1991), 1-й заместитель председателя КГБ СССР В. А. Крючкова (29 января – 28 августа 1991).

²¹ Дочь критского царя Миноса Ариадна дала Тесею клубок ниток, с помощью которого после убийства Минотавра, он выбрался из лабиринта.

вой поля, мимо лесопосадки. Вступил на грунтовку, дошел до леса, углубился в него. Шел, глядя на деревья, чувствуя запахи лиственной прели, слушая пение птиц.

Язык слепо ткнулся в величавый сосновый ствол и внезапно гибко подпрыгнул, словно атакующая кобра, ощупывая кору. Андрей Иванович внимательно осмотрел дерево. Взгляд зацепился за потемневший затес на коре. Язык опал и заструился дальше, розовым шершавым ручейком пробираясь между деревьев. Второй затес следователь заметил уже без помощи указующей части тела. Затем третий. Тропа, которую кто-то пометил. Пройдя через густые заросли можжевельника, выбрался на поляну. На другом ее конце притаилась хижина, с заплетенными ветками и лапником стенами. Андрей Иванович подошел к хижине и потянул дверь. Дверь распахнулась, следователь проснулся.

Следователь лежал, глядя в потолок и думал. Сны уже давно перестали быть просто снами. Но что ожидает в той лесной хижине? Разгадка или новые загадки. Да и со Славой как-то неудобно получается, парень хороший, надо бы ему как-то намекнуть. Ладно, пока рано, а там посмотрим. Надо будет еще дать Славе поручение найти в школе фотографию Савкина.

Раздался стук в стекло. Андрей Иванович встав с кровати, подошел к окну. Держа пистолет в согнутой в локте правой руке, левой резко отодвинул занавеску и не поверил своим глазам. На подоконнике утвердился роскошный разноцветный петух. Заговорщицки подмигнув следователю правым глазом, он вновь деликатно постучал клювом по стеклу. Андрей Иванович опустил руку с пистолетом. Петух расправил широкие крылья и истошно заорал. От неожиданности следователь вздрогнул. За спиной послышался шум. Андрей Иванович оглянулся и увидел Славу, с совершенно ошалевшими глазами сидящего в кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.